

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1887.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Преосвященнаго Амвросія . 317—334

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера 335—379

Наши новые „философы и богословы“. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой (продолженіе). М. Остроумова 380—414

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Метафизическій анализъ рациональнаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Будрявцева 195—212

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи Н. Линницкаго 213—227

Высшее благо по ученію Эпикура. Студента Императорскаго Харьковскаго университета Ал. Миронова 228—242

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Вѣдомость о кружечномъ и кошельковомъ сборѣ въ пользу церковно-приходскихъ школъ Харьковской Епархіи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета по продажѣ духовно-нравственныхъ книгъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, нѣмецкая, № 26.

1887.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Иѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885 и 1886 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурой. Харьковъ, Марта 15 дня 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

Пресвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго
въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя
Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА*).

О долгѣ и обязанностяхъ вѣрноподданныхъ.

*Повинитесь всякому чловѣку созда-
нію (начальству) Господа ради: аще Ца-
рю, яко преобладающу, аще-ли княземъ,
яко отъ Него посланнымъ, въ наказаніе
убо злодѣемъ, въ похвалу-же добротвор-
цемъ. (I Пет. 2, 13. 14).*

Съ великою заботливостію святые Апостолы, осо-
бенно Петръ и Павелъ, изъясняли едва зарождающе-
муся христіанскому обществу его отношенія и обязан-
ности къ царямъ и правителямъ. Устроая церковь,
какъ царство Божіе на землѣ, они давали понятъ, что
и царство земное есть Божіе установленіе, и что ду-
ховное царство христіанъ можетъ преуспѣвать и про-
цвѣтатъ только при соглашеніи своихъ цѣлей и своей
дѣятельности съ благими цѣлями и не противными
христіанской совѣсти законами царствъ чловѣческихъ.
Они конечно предвидѣли, что настанетъ время, когда

*) Произнесено въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

церковь будетъ имѣть въ числѣ своихъ членовъ царей и правителей, и что тогда исполненіе вѣрноподанныхъ обязанностей, трудное по отношенію ко властямъ языческимъ, будетъ для христіанъ легко и радостно, такъ какъ духъ и сила заповѣдей Христовыхъ проникнуть въ законы гражданскіе и установленія государственныя.

Мы, по волѣ Промысла Божія, и живемъ именно въ такое время. Для насъ, Русскихъ, и для нашего отечества особенно замѣчательно то, что мы видимъ въ этихъ наставленіяхъ апостольскихъ какъ бы заранѣе назначенный планъ и образъ нашихъ государственныхъ учрежденій, какъ будто къ намъ они относятся ближе, чѣмъ къ другимъ христіанскимъ народамъ. Намъ, служителямъ отечественной церкви, при изъясненіи этихъ наставленій нѣтъ надобности, какъ проповѣдникамъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, замѣнять одни слова Апостоловъ другими—для соглашенія ихъ съ существующими государственными учрежденіями, дѣлать примѣненія, сближенія, искусственныя разъясненія и т. под. Сейчасъ вы видите въ словахъ Апостола Петра нами приведенныхъ весь строй нашего государства: „будьте, говоритъ онъ, покорны всякому человѣческому начальству для Господа: Царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ Него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и поощренія дѣлающихъ добро“. Власть земная и отношенія къ ней освящаются и утверждаются именемъ Господа. Во главѣ царства указывается самодержавный Царь, представляющій въ лицѣ своемъ богодарованную всепокоряющую власть народоправленія. Правители единственно отъ Него заимствуютъ власть и полномочія. Они посылаются не для соблюденія только внѣшняго порядка, а съ нравственными правами для наказанія преступниковъ и поощре-

нія дѣлающихъ добро. И такъ, мы имѣемъ у себя несомнѣнно богоугодный образъ правленія. Не онъ ли воспиталъ въ нашемъ народѣ тѣ гражданскія и военныя доблести, о которыхъ свидѣтельствуется исторія? Не онъ ли укрѣпилъ, возрастилъ и расширилъ наше великое царство? Взвѣсивъ на эту вѣрность нашего государственнаго устройства слову Божию съ утѣшеніемъ, мы должны принять съ послушаніемъ и наставленія апостольскія относительно нашего вѣрноподданническаго долга и обязанностей.

Приведемъ къ нѣкоторому единству черты этого долга, находимыя нами въ посланіяхъ первоверховныхъ Апостоловъ. Наставленія ихъ по этому предмету обязательны для насъ не только потому, что исходятъ изъ устъ мужей богодухновенныхъ, но и потому, что присущею имъ мудростію, ясностію и близостію къ жизненному опыту они превосходятъ все разсужденія человѣческія въ этомъ родѣ, и должны служить въ наше шаткое время такимъ же основнымъ камнемъ для утвержденія нашихъ политическихъ убѣжденій, какимъ служить чистое исповѣданіе вѣры православной для убѣжденій религіозныхъ.

Первое мѣсто въ ряду вѣрноподданническихъ обязанностей для христіанина св. Апостолъ Павелъ даетъ молитвѣ за Царя и за всѣхъ правителей: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человеки: за Царя и за всѣхъ иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1). По ученію Слова Божія о судьбахъ царствъ и народовъ молитва и должна быть главнѣйшею и величайшею силою въ дѣлѣ благоустроенія государствъ. Богъ промышляетъ о мірѣ и о всемъ родѣ человѣческомъ; Богъ указываетъ мѣста и предѣлы для поселенія народовъ (Дѣян. 17, 26); Богъ владѣетъ и царствами человѣческими, и кому восхощетъ раздаетъ

ихъ (Дан. 4, 14); Богъ избираетъ царей для прославленія и для наказанія народовъ (Ис. 45, 1); Богъ владѣетъ сердца́ми царей, ихъ мыслями и намѣреніями (Прит. 21, 1); Богъ благословляетъ оружіе и воинства народныя, (Пс. 17, 32—41); Богъ даруетъ землѣ плодородіе и жителямъ миръ и безопасность. Итакъ въ собственномъ смыслѣ Богъ есть верховный властитель царствъ человѣческихъ, а земныя власти суть Его служители и исполнители Его воли. При мысли объ Его всемогуществѣ и благодати, при вѣрѣ въ непреложность Его обѣщанія—благоволительно принимать всѣ чистыя и искреннія молитвы вѣрующихъ, можно-ли сомнѣваться, что молитва есть вѣрнѣйшій и для всѣхъ безъ исключенія подданныхъ открытый и доступный способъ участвовать въ дѣлѣ благоустроенія своего отечества, не вмѣшиваясь въ совѣты и назначенія царей, когда мы къ этому не призваны? Молитесь, чтобы Господь хранилъ Царя, чтобы влагалъ въ сердце его благія мысли, чтобы указывалъ ему въ сотрудники мужей сильныхъ духомъ и словомъ правды, чтобы окружалъ его разумными совѣтниками, умножалъ ревностныхъ и честныхъ исполнителей его воли и законовъ, благословлялъ побѣдами его оружіе, ограждалъ его царство отъ бѣдъ и напастей,—молитесь усердно, — и вашъ вѣрноподданныческій долгъ въ самомъ лучшемъ и высшемъ смыслѣ будетъ исполненъ. Цѣль этой молитвы близка, по указанію Апостола, каждому изъ насъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* 1 (Тим. 2, 2). Бойтесь войны и враговъ внѣшнихъ, одолѣли внутри страны нестроенія и безпорядки, оскудѣваетъ въ народѣ честность и соблюденіе законовъ,—молитесь за Царя: только его власть, Богомъ руководимая, можетъ дать вамъ миръ и безопасность. Молитесь въ храмахъ въ торжественные дни нарочито посвящаемые этой молитвѣ; молитесь дома

утромъ и вечеромъ; и на всякомъ мѣстѣ, при всякихъ смутныхъ слухахъ и трудныхъ обстоятельствахъ, внутренно призывайте на него Божию помощь и благословеніе. Насъ укоряють другіе народы за несовершенство нашихъ учрежденій, за наши ошибки и недостатки: мы не должны отрекаться отъ своихъ недостатковъ и ошибокъ, должны заботиться объ ихъ исправленіи, но въ тоже время должны помнить, что не въ насъ самихъ наша главная сила, а въ Богъ и Его всесильной помощи. И не имѣемъ-ли мы въ исторіи нашего отечества безчисленныхъ доказательствъ тому, что и ошибки наши исправлялъ Господь, и недостатки восполнялъ, и совершенно неожиданными побѣдами прославлялъ наше оружіе, и низлагалъ враговъ нашихъ, и выводилъ наше отечество изъ величайшихъ несчастій, изъ близкой гибели на удивленіе всему міру? Не молитва-ли народная, — покаянная и слезная, — подкрѣпляемая предстательствомъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, была для насъ всегда главною всепобѣждающею и всеисправляющею силою?

Дальнѣйшія вѣрноподданническія обязанности въ приложеніи ихъ къ жизни легко изъясняются изъ понятія о власти.

Что такое власть? Власть по разуму апостольскому есть богодарованное, сопровождаемое силою, право защищать, возбуждать и приводить къ порядку и благоустройству жизнь и дѣятельность какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ и народовъ.

Верховный обладатель этого богодарованнаго права и силы, по слову Божию, есть Самодержавный Царь. Онъ недосягаемо возвышается надъ всѣмъ, что мы видимъ въ государствѣ съ правами власти и правленія. Начиная отъ ступеней трона, отъ высшихъ сановниковъ и до послѣдняго исполнителя начальственныхъ распоряженій всѣ отъ него получаютъ власть и право въ мѣру сво-

его служенія и обязанностей. Одинъ Царь никому, кромѣ Господа и своей совѣсти, неподсуденъ; нѣтъ ничего, кромѣ воли Божіей, для него обязательнаго; никто не смѣетъ спрашивать у него отчета. Онъ всѣмъ повелѣваетъ, отъ всѣхъ требуетъ повиновенія, всѣхъ судить, наказываетъ и награждаетъ, казнить и милуетъ. Итакъ все, что есть въ государствѣ властнаго, высокаго, почетнаго, блестящаго въ смыслѣ власти, величія и чести,—все подчинено, подсудно и отвѣтственно лично въ своей совѣсти передъ Богомъ, а въ общественной дѣятельности передъ однимъ Царемъ. И такъ, вѣрно-подданнической долгъ, выражаемый нами въ нашей присягѣ, даваемой передъ Богомъ, на вѣрность Царю, лежитъ на всѣхъ подданныхъ отъ высшихъ чиновъ и властей до низшихъ, и обнимаетъ собою весь народъ, властію и силою Царя ограждаемый и управляемый.

Отсюда ясно, что обязанности вѣрноподданныхъ должны понимать и исполнять прежде всѣхъ и строже всѣхъ тѣ, которые, получая отъ Царя извѣстную долю власти, отъ него, по выраженію апостольскому „посылаются“ на служеніе благу народа. Для нихъ самая власть есть обязанность, и при томъ болѣе трудная и отвѣтственная чѣмъ всякая другая. И прежде всего потому, что они должны имѣть дѣло не съ вещами, а съ живыми людьми. Имъ на каждомъ шагѣ и при каждомъ случаѣ встрѣчается трудность согласить власть требующую безусловнаго повиновенія съ свободою человѣческою, чтобы *духа не угасить* (1 Сол. 5, 19), чтобы не затоптать искры добра тлѣющей въ душѣ человѣка (Мат. 12, 20). Имъ предстоитъ трудная задача находить ту границу, которая отдѣляетъ зло, требующее преслѣдованія, отъ слабостей человѣческихъ, требующихъ исправленія, а иногда пощады и снисхожденія. Не въ однихъ законахъ писанныхъ, не въ учрежденіяхъ, не

въ параграфахъ государственныхъ актовъ можетъ быть на всѣ случаи примирена власть съ свободою человѣческою, а главнымъ образомъ въ душахъ правителей. Свобода народовъ, утверждаемая грамотами въ противѣсъ власти, въ нѣкоторыхъ странахъ уже переступила свои границы и стремится къ безднѣ своеволія и безначалія. Воплощеніе въ умахъ правителей вмѣстѣ съ знаніемъ законовъ и опытности христіанскаго здравого мыслія, а въ совѣсти чуткости къ распознаванію — дѣйствительнаго права отъ незаконнаго притязанія, лжи отъ истины, лести отъ усердія, лицемернаго дѣланія на показъ отъ честнаго и безкорыстнаго труда, ошибки отъ вины, проступка отъ преступленія, закоснѣнія во злѣ отъ увлеченія, честнаго порыва отъ дерзости, твердости въ правдѣ отъ упорства и непослушанія, гражданской доблести отъ хвастливости и тщеславія, — вотъ что обезпечиваетъ свободу народовъ и благотворность власти. Не буквы законовъ управляютъ людьми, а примѣненіе законовъ къ жизни смысломъ и властію правителей и судей. Прекрасно правило современной политической мудрости „всѣ равны предъ закономъ“, но только въ смыслѣ безусловной отвѣтственности всѣхъ за нарушеніе законовъ, а не въ смыслѣ предоставляемаго каждому права по своему понимать и толковать законъ. Точнѣе и ближе къ опыту изрѣченіе древняго языческаго мудреца, который на вопросъ: какое самое лучшее управленіе государствомъ сказалъ: „то, когда народъ слушается правителей, а правители законовъ“.

По убѣжденію въ божественномъ происхожденіи власти. (Рим. 13, 1) далѣе, — по убѣжденію въ томъ, что призваніе каждаго къ служенію общественному совершается не безъ Промысла Божія, — причастники власти должны съ благоговѣніемъ носить ее на себѣ и употреблять въ дѣло. Получая ее изъ рукъ Самодержца,

они должны пользоваться ею въ той мѣрѣ, въ какой она дана имъ, не уменьшая и не увеличивая даннаго права произвольно,—и въ томъ направленіи и порядкѣ, какіе имъ указаны, что упреждаютъ и законы гражданскіе, подвергая строгому взысканію и за превышеніе и за бездѣйствіе власти. Каждый изъ правителей и начальниковъ долженъ различать въ себѣ лицо носящее власть, и человекъ имѣющаго свои слабости, и наблюдать, чтобы личныя интересы и пристрастія не влеклись въ дѣятельность по долгу власти, не оскорбляли и не унижали ея достоинства, а чтобы она была обращена на служеніе только общему благу. Здѣсь кроется великая опасность для правителя—сдѣлать самую власть предметомъ порицанія за недостойное ея употребленіе. И такъ какъ власть есть орудіе обоюдоострое, могущее спасти и погубить того, кто ее носитъ, затѣмъ — дѣлать счастливыми и несчастными тѣхъ, кто ей подчиненъ и для кого она назначена: то употреблять ее должно со строгимъ разсужденіемъ, со страхомъ и осторожностію, а главное, съ постояннымъ призываніемъ Божіей помощи и вразумленія.

Все остальные обязанности указалъ христіанскимъ властямъ, въ противоположность языческимъ, Самъ Господь въ краткомъ наставленіи: *уже аще хочетъ въ васъ явущій быти да будетъ вамъ слуга, и уже аще хочетъ въ васъ быти старій, да будетъ вѣкъ рабъ* (Мар. 10, 43, 44). Господь учитъ, что власть дается не для употребленія ея по произволу, не для превозношенія, не для увеличенія личныхъ выгодъ и удовольствій, а для служенія благу людей и требуетъ, чтобы правитель облеченный ею, и чувствующій за нее свою отвѣтственность, въ духѣ смиренія, какъ рабъ Божій,—и свое время, и трудъ, и силы употреблялъ на исполненіе своихъ обязанностей, отказывая себѣ не только въ удоволь-

ствіяхъ, а иногда и въ отдохновеніи. Все это, по смыслу ученія христіанскаго, дѣлаетъ положеніе лица властнаго труднѣе, чѣмъ всякаго частнаго и подчиненнаго человѣка. Отъ того-то люди, понимающіе эти трудности, и уклоняются отъ власти, и принимаютъ ее только изъ послушанія волѣ Божіей и высшему званію.

Сказаннаго нами было-бы достаточно для изъясненія ученія Слова Божія объ обязанностяхъ правителей, какъ носящихъ на себѣ долгъ вѣрноподданныхъ, но по обстоятельствамъ и духу нашего времени мы находимъ нужнымъ указать на два искушенія, которымъ нынѣ больше, чѣмъ когда-либо подвергаются правители. По праву власти, правители народовъ обязаны отъ подчиненныхъ имъ людей требовать исполненія законовъ и обязанностей—точного, не лѣбостнаго, тщательнаго, и потому при слабостяхъ человѣческихъ встрѣчаются съ необходимостію напоминать, дѣлать замѣчанія, упрекать, угрожать, наказывать. Все это подвергаетъ начальника неизбѣжной участи быть тяжелымъ для подчиненныхъ ему и носить въ сердцѣ скорбное опасеніе—не быть любимымъ, что составляетъ тяжелое чувство для наиболѣе благородныхъ душъ. Но горе правителю, когда въ этомъ исканіи любви откроется источникъ послабленій, уступокъ, снисхожденія переходящаго мѣру справедливости, и обращающагося въ угодничество, которое дѣлаетъ человѣка властнаго рабомъ чужихъ притязаній, а иногда и прихотей. Гонясь за расположеніемъ всѣхъ, онъ не пріобрѣтетъ уваженія людей лучшихъ; окажется виновнымъ въ безпорядкахъ, слѣдующихъ неизбѣжно за послабленіями, а иногда и въ бѣдствіяхъ отъ нихъ происходящихъ, и оставитъ по себѣ память правителя недостойнаго власти, которою обладалъ. Но такъ какъ и тѣ люди, которые требуютъ послабленій, имѣютъ совѣсть и чув-

ство справедливости особенно по отношенію къ другимъ, и всегда въ глубинѣ души оцѣниваютъ по достоинству требованія законныя; то, по свидѣтельству опыта, пользуются доброю памятью даже и между ними не тѣ правители, которые за снисхожденіе къ лѣнивымъ и беспечнымъ были въ свое время любимы, а тѣ, которые строгимъ соблюденіемъ порядка и законности оставили прочное направленіе людей къ полезной дѣятельности и благотворные плоды своего управленія. Въ предостереженіе всѣмъ намъ отъ подобныхъ искушеній Господь сказалъ: *горе, егда добръ рекутъ о васъ всѣ челоуцы* (Лук. 6, 26). Эти искушенія для правителей были во всѣ времена, но нынѣ они особенно сильны отъ смѣшенія въ нашемъ обществѣ понятій о власти и образованіи. Образованіе есть сила, но умственная и нравственная, а не правительственная. Люди образованные имѣютъ право на уваженіе, а не на подчиненіе другихъ своему вліянію, развѣ свободно по убѣжденію въ ихъ достоинствахъ. И такъ какъ нынѣ образованіе имѣетъ разныя направленія, и люди имѣющіе притязаніе на образованность часто имѣютъ самыя превратныя понятія о власти и государственномъ управленіи, то страхъ правителей предъ ихъ мнѣніями и сужденіями, и опасенія употребляютъ въ виду ихъ и надъ ними свою власть во всей ея полноправности есть изъ видовъ страха наиболѣе унижительный, т. е. не только ложный, не только обличающій малодушіе, но, скажемъ откровенно, и непониманіе своего положенія.

Но самая тяжкая обязанность правителей и особенно судей — это подвергать людей по требованіямъ закона страданіямъ въ видѣ казней за преступленія, лишать ихъ правъ челоуческихъ на блага и утѣшенія жизни, а иногда — и самой жизни. Подъ это право власти и суда

наиболѣе подкалываются современныя матеріалистическія ученія, стараясь объяснить не рѣдкіе только случаи, но вообще всѣ преступленія неустрашимымъ душевнымъ разстройствомъ преступниковъ, дѣлающимъ для нихъ невѣроятными преступленія. Это послѣдняя глубина современныхъ лжеученій и послѣдняя ступень къ разстройству человѣческихъ обществъ. Человѣкъ никогда не бываетъ развращенъ весь, — безъ остатка. Страсть или преступная склонность, овладѣвшая одною стороною его души, всегда можетъ быть освѣщена съ другой ея стороны, откуда можно подойти къ разуму и совѣсти заблуждающагося. Нѣтъ преступника, который въ глубинѣ души не сознавалъ бы своей вины, но несчастіе его въ томъ, что онъ утратилъ свободу и самообладаніе, что страсть подчинила себѣ совершенно его волю, и онъ, какъ рабъ работаетъ на нее всѣми силами души и тѣла; онъ становится тѣмъ свирѣпѣе и тѣмъ опаснѣе, чѣмъ острѣе и сильнѣе побужденія господствующей въ немъ страсти; онъ въ озлобленіи становится готовымъ на все для ея удовлетворенія. Поэтому возобладавшее человѣкомъ зло, подчинившее его себѣ и извратившее его умственные и нравственные отправления, становится силою враждующею съ истиною и разрушающею законность и порядокъ въ жизни. Кто учитъ не противиться злу, тотъ самъ есть величайшее зло въ мірѣ, — соспѣшникъ и сотрудникъ того *человѣкоубійцы искони* (Іоан. 8, 44), отъ котораго предостерегаетъ и избавляетъ насъ Христосъ Спаситель. Если у правителя и судьи дрожитъ рука при подписаніи приговора закоренѣлому преступнику и злодѣю, это — знакъ, что онъ теряетъ сознаніе вѣреннаго ему божественнаго права власти и предаетъ человѣческое общество, — промышленіе о которомъ онъ раздѣляетъ съ Самимъ Богомъ — на разграбленіе воровъ и въ жертву разбойникамъ. Никто не посмѣетъ сказать, что пра-

витель долженъ быть чуждъ челоуѣколюбія и состраданія; ему сами законы запрещаютъ жестокосердіе и истязанія виновныхъ. Но первообразомъ правителя христіанскаго долженъ быть нашъ Искупитель. Господь, какъ мать о больномъ сынѣ, заботится о грѣшникѣ, подающемъ надежду исправленія, но Онъ же посылаетъ на нераскаянныхъ страшныя бѣдствія и угрожаетъ имъ мученіями вѣчными. Христіанскій правитель не долженъ имѣть притязаніе быть челоуѣколюбивѣе Самого Господа Бога, а любовь свою онъ долженъ особенно направлять не къ преступникамъ неисправимымъ, а къ людямъ честнымъ и добрымъ, которые отъ нихъ страдаютъ. Слишкомъ часто и неразборчиво нынѣ указываютъ на любовь, какъ высшую добродѣтель, забывая, что наша любовь часто бываетъ неразумная и слѣпая, и что истинно христіанская любовь, по слову Апостола Павла, есть „исполненіе закона“ (Рим. 13, 10). Не надобно опускать изъ виду и того, что въ наше время есть пресповѣдники непоумѣрной жалости къ преступникамъ, — имѣющіе особенныя затаенныя цѣли, которыя преступнѣе самыхъ преступленій, это — умножать въ народахъ силы враждебныя власти для ея низпроверженія.

Въ недавнее время въ христіанскомъ мірѣ явилась особенная, невиданная прежде сила, имѣющая притязаніе управлять народами независимо отъ установленныхъ властей и даже покорять себѣ самыя власти чрезъ возбужденіе умовъ и страстей въ народныхъ массахъ, поставляя такимъ образомъ въ затрудненіе правительства. Мы разумѣемъ литературу и печатное слово. Не можетъ быть силы болѣе благотворной для благоуспѣшной дѣятельности власти, какъ участіе въ рѣшеніи трудныхъ вопросовъ по устройенію народнаго блага мужей испытаннаго здравомыслія, знанія, честности и до-

бродѣтели, и при томъ подѣ условіемъ распространенія истины и правды въ согласіи съ законами страны и цѣлями правительства. Чѣмъ громче раздается голосъ такихъ вѣрныхъ слугъ отечества, чѣмъ обширнѣе ихъ вліяніе на народы, тѣмъ крѣпче власть, тѣмъ успѣшнѣе ея распоряженія. Напротивъ, не можетъ быть силы болѣе вредной, какъ ложно направленное и безнадзорное печатное слово. Мы знаемъ, что говоря это, мы раздражаемъ этого многоголового апокалипсическаго звѣря, которому „даны уста говорящія гордо и богохульно“ (Апок. 13, 5), который — въ образѣ людей безъ вѣры, безъ христіанскихъ понятій объ устройствѣ человѣческихъ обществъ, безъ уваженія къ власти, — съ своеобразными политическими теоріями, — устремился всюду на христіанскія общества, овладѣвъ несмѣтнымъ количествомъ органовъ печати. Намъ нѣтъ надобности изображать все зло, все умственное и нравственное разложеніе народовъ, которое отсюда происходитъ: оно видно уже для всѣхъ и всѣ его на себѣ испытываютъ. Но вотъ великой важности вопросъ: какъ могло такое зло возобладать въ христіанскомъ мірѣ и получить право гражданства въ общественной дѣятельности? — Зло никогда не получаетъ и не дожидается для себя правъ: оно возникаетъ само собою, растетъ и усиливается отъ недостатка противодѣйствія со стороны добра, — то есть истины, правды и особенно власти. Сначала христіанскія правительства были обрадованы распространеніемъ просвѣщенія путемъ печати; потомъ были соблазняемы благовиднымъ принципомъ свободнаго высказыванія *всякой* правды, и не замѣтили во время, какъ съ истинною правдою стала прокрадываться мнимая; затѣмъ были обмануты софизмомъ, что познаніе истины совершенно невозможно безъ публичныхъ преній по всякаго рода вопросамъ, при чемъ прокрались пренія и о наилучшемъ

установленіи государственной власти, а за преніями пошли описанія въ яркихъ краскахъ дѣятельности правителей казавшейся ошибочною или слишкомъ строгою, что всегда соблазнительно для народныхъ массъ; затѣмъ, при сознаніи необходимости положить границы усиливающемуся злу нѣкоторыя правительства были удерживаемы ложнымъ стыдомъ и прослыты гонителями просвѣщенія и свободы слова; а наконецъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ странахъ уступкою права власти народнымъ партіямъ правительства дали умственному и нравственному злу твердую опору. Вотъ исторія современнаго развращенія народовъ путемъ безнадзорнаго печатнаго слова. Этого яда достаточно вкусили и мы. Прямая обязанность лежащая, на насъ, проповѣдникахъ ученія Христова въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы отъ имени Церкви рѣшить вопросъ: какъ смотрѣть на эти болѣе или менѣе смѣлыя, болѣе или менѣе хитрыя покушенія—набрасывать тѣнь на правительственныя распоряженія,—перетолковывать и извращать истину во вредъ авторитету власти? Не иначе,—какъ на измѣну. И никакая измѣна, влекущая за собою пораженіе нашего войска, сдачу крѣпости и проч., не можетъ сравниться по силѣ вреда съ этимъ злостнымъ стремленіемъ подорвать силу и вліяніе власти въ цѣломъ народѣ.

Святой апостоль Павелъ распространяетъ понятіе о власти на всѣ разнообразныя отношенія жизни общественной, находя, что каждый изъ насъ, состоя подъ властію, и самъ въ свою очередь имѣетъ вліяніе на другихъ, въ качествѣ большей или меньшей власти. Таковы отношенія родителей и воспитателей къ дѣтямъ, господъ къ служителямъ, хозяевъ къ работникамъ, старшихъ къ младшимъ и проч., и во всей этой разнообразной и разносторонней зависимости Апостоль указываетъ характеръ

божественнаго установленія: *нѣтъ власти аще не отъ Бога* (Рим. 13, 1). И на всѣ эти отношенія онъ распространяетъ и общее понятіе *долга*: „отдавайте всякому должное: подать, оброкъ, страхъ, честь; не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“. (Рим. 13, 7—8). Въ большей части указанныхъ нами отношеній преобладаетъ нравственная зависимость людей однихъ отъ другихъ, руководимая религіею и совѣстію, но тѣмъ не менѣе и здѣсь правительственная власть все объемлетъ, все ограждаетъ, и всякое явное нарушеніе нравственныхъ обязанностей преслѣдуетъ и пресѣкаетъ. Человѣкъ облеченный властію, по ученію Апостола, есть Божій слуга всюду поощряющій добро и наказующій зло и „не напрасно мечъ носить“. (—4). Поэтому не только рядовой гражданинъ или крестьянинъ, но и каждый членъ общества, повидимому совершенно независимый по богатству, образованію, общественному положенію, долженъ съ уваженіемъ и покорностію относиться къ власти во всѣхъ ея видахъ. если не изъ страха наказанія, котораго онъ не имѣетъ причины бояться, то, какъ учитъ Апостолъ, „по совѣсти“ (—5). Всѣми и во всемъ должна чувствоваться верховная власть Царя, сила его законовъ и охраняемаго имъ общественнаго порядка и приличія. Этотъ всеобъемлющій христіанскій взглядъ на значеніе власти, обезпечивающій благосостояніе обществъ и народовъ, нынѣ подъ вліяніемъ ложныхъ ученій нашего времени, затемненъ и запутанъ. Всѣ болѣе или менѣе возбуждены какимъ-то надменнымъ сознаніемъ своихъ личныхъ правъ и свободы, и всѣ хотятъ управляться сами собою по своей волѣ. Блюстители общественнаго порядка боятся подойти къ забывающемуся видному гражданину даже съ легкимъ напоминаніемъ о соблюденіи требуемаго закономъ порядка, или приличія; граж-

данинъ въ свою очередь, гордо измѣряя взглядомъ блюстителя порядка, отвѣчаетъ: „я самъ человекъ образованный,—я знаю, что дѣлаю“. Отношенія неестественныя. Мы указываемъ, повидимому, ничтожные случаи (болѣе значительные вы подберете сами), но и изъ нихъ видно, что власть въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей не уважаетъ сама себя и теряетъ свое значеніе,—и подвластные теряютъ сознаніе долга безусловнаго подчиненія велѣніямъ власти, исходящей изъ одного источника,—Царя Самодержавнаго. Это признакъ злокачественный, дающій понять, что уваженіе къ власти чѣмъ-то потрясено и отъ чего-то власть теряетъ свое надлежащее значеніе. Гдѣ причина? Опять въ ложномъ понятіи о преимуществахъ образованія. Образование, когда оно идетъ правильно и основано на началахъ здравыхъ, заслуживаетъ, по мысли Апостола, *честь*, а не должно соперничать съ властію, которой принадлежитъ *страхъ*, или почтеніе и покорность. Образованные люди, если хотятъ быть достойными этого имени, должны утверждать въ умахъ народа значеніе власти, какъ права, какъ силы и охраны, — и учить необразованныхъ словомъ и примѣромъ покоряться ей и уважать ее, а не колебать ея авторитета. Плохой знакъ, когда юношей, получающихъ высшее образованіе, приходится заставлятъ особыми предписаніями отдавать ничтожные знаки почтенія даже высшимъ представителямъ власти.

Весьма обширная и важная часть вѣрнопопданническаго долга лежитъ на родителяхъ и воспитателяхъ, обязанныхъ возвращать въ сознаніи этого долга и вѣрности ему молодыя поколѣнія. Съ дѣтства нужно закладывать въ душахъ молодыхъ людей основанія и корни этой великой добродѣтели, -- и при томъ не сухими умственными разсужденіями, а дѣйствіемъ на нравствен-

ное чувство и практическими уроками послушанія. Эти уроки начинаются съ непрекословнаго исполненія воли родителей и уваженія къ старшимъ по слову Самаго Господа Бога: *предъ лицемъ съдаго возстани и почти лице старче и да убоишия Господа Бога твоего* (Лев. 19, 32),—продолжаются въ соблюденіи самыхъ почтительныхъ отношеній къ наставникамъ и воспитателямъ, и потомъ завершаются покорностію и уваженіемъ къ начальству на общественной службѣ. Поздно покорять свободу молодыхъ людей внѣшней власти, когда они потеряли нравственную силу управлять собою. Въ дѣтствѣ—ознакомленіе съ изображеніемъ Царя, въ различныхъ видахъ его царственнаго величія, съ славными дѣяніями прежнихъ русскихъ государей, съ доблестями истинныхъ слугъ Царя и отечества и съ важнѣйшими событіями отечественной исторіи—прежде всякихъ другихъ развлекающихъ повѣстей и рассказовъ,—должны возбуждать въ юныхъ душахъ истинный патріотизмъ, чувство народной чести и сознаніе величія своего Царя и отечества. А служителямъ высшей науки пора перестать водить умы молодыхъ людей безъ нужды по чужимъ странамъ съ цѣлію перемѣстить на чужую почву ихъ сочувствіе и любовь; пора перестать и раздражать ихъ воображеніе несбыточными проектами общечеловѣческаго благополучія. Довольно мы гонялись за чужимъ и мечтательнымъ: пора понять цѣну своему и озаботиться существеннымъ, т. е. исправленіемъ въ своемъ отечествѣ поврежденнаго, восполненіемъ недостающаго, утвержденіемъ разшатаннаго. Умные иностранцы надивиться не могутъ, чего ищутъ русскіе, имѣя такое великое царство и такія твердыя историческія основы? Но бываютъ случаи, что люди отъ избытка портятся больше, чѣмъ отъ нищеты.

Апостоль Павелъ въ молитвѣ за Царя вмѣстѣ съ

прошеніями указываетъ и *благодаренія*. Возблагодаримъ Господа за дарованіе намъ въ Лицѣ Александра III-го Царя, открывающаго своею дѣятельностію славную и особенную по своему значенію эпоху въ исторіи нашего отечества. Была разбита древняя Русь на удѣлы и обливаема кровью своихъ сыновъ въ междоусобіяхъ. Мы чтимъ Царей Московскихъ—собирателей земли русской. Настало новое время исканія просвѣщенія, и мы снова разбились на удѣлы нравственные и начали междоусобія мыслей, воззрѣній и убѣжденій, и много растратили умственныхъ и нравственныхъ силъ не только безъ пользы, но и со вредомъ для отечества. Теперь Господь даровалъ намъ Императора,—Собирателя русскихъ умовъ, сердець, убѣжденій и всѣхъ нравственныхъ силъ въ одинъ цѣльный образъ русскаго человека. Да поможетъ Ему Господь въ этомъ великомъ дѣланіи, превосходящемъ всякіе иные подвиги наполняющіе міръ славою царей. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
И
ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

XXIII.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1813 года вновь запылала война за свободу Европы. Гигантская борьба, въ которой, по мѣткому выраженію современника ¹⁾, все было одинаково велико: и цѣль и люди, и средства, и усилія, и чувства, кои оживляли царей и народы, вождей и ратниковъ, произвела неизгладимое, потрясающее впечатлѣніе на умы. Воображеніе, возбужденное колоссальными образами и событіями, старалось придать имъ небывалую форму. На ряду съ традиціями, ста-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 3.

2) Воспоминанія Вигеля. Тутъ-же читаемъ слѣдующія мѣткія слова: „Франція, которая билась на смерть, упорно защищая пріобрѣтенную славу и могущество, Германія, съ отчаяннымъ мужествомъ подымающаяся изъ праха на завоеваніе своей независимости, Россія, идущая освобождать народы, Англія, напрыгающая всѣ силы для поддержанія союза, ибо въ низложеніи своего безсмертнаго противника видѣла единственное спасеніе своихъ всемірныхъ богатствъ—вотъ зрѣлище, которое являлось тогда на сценѣ міра и которое въ продолженіи немногихъ мѣсяцевъ быстро стремилось къ развязкѣ чудной революціонной драмы. Кто изъ подвизавшихся въ сію великую эпоху можетъ вспомнить о ней безъ восторга, особенно когда сравнить ее со скудостью и съ подлостью настоящаго“. Часть IV, стр. 93.

равшимся воспроизвести, по возможности, вѣрно дѣйствительныя событія, появились легенды, искажавшія ихъ иногда бессознательно, а иногда съ извѣстною цѣлью. Паденіе такого гиганта, какъ Наполеонъ, побѣда надъ такимъ военнымъ гениемъ, какъ онъ, могла быть достигнута, по мнѣнію толпы, только громаднымъ, подавляющимъ превосходствомъ силъ на сторонѣ союзниковъ. Бонапартистскіе писатели, и прежде всѣхъ самъ Наполеонъ ¹⁾, спѣшили распространить мнѣніе, что великій императоръ французовъ потерпѣлъ поражение единственно потому, что въ распоряженіи его было всего лишь 300,000 новобранцевъ, тогда какъ враги его выставили противъ него около милліона солдатъ.

Подлинныя историческіе документы, вышедшіе изъ подъ пера самого Наполеона и начальника штаба его, (маршала) Бертье, убѣждаютъ насъ, однако-же, что силы, находившіяся подъ начальствомъ императора французовъ, далеко не были такъ малы, какъ показывали ихъ въ послѣдствіи творцы Наполеоновской легенды, желавшіе спасти во что-бы то ни стало славу своего героя. Изъ рапорта маршала Бертье, подавнаго императору 6 августа 1813 г. и основаннаго на подлинныхъ и точныхъ донесеніяхъ начальниковъ отдѣльных частей, оказывается, что къ этому времени силы французской дѣйствующей арміи, расположенной на линіи средней и нижней Эльбы, состояли изъ 330,000 человекъ пѣхоты, 72,500 всадниковъ, 33,500 артиллеристовъ и 4,000 пионеровъ и саперовъ, а всего, слѣдовательно, 440,000 солдатъ, имѣвшихъ при себѣ 1,200 орудій ²⁾. Этимъ силамъ союзники могли противопоставить съ своей стороны по самымъ точнымъ вычисленіямъ, основаннымъ на оффиціальныхъ данныхъ: 364,500 человекъ пѣхоты, 76,000 всадниковъ, 30,500 артил-

¹⁾ Наполеоновская легенда создана, какъ извѣстно, самимъ Наполеономъ на островѣ Св. Елены.

²⁾ Совершенно такимъ-же образомъ опредѣляетъ численность французской арміи маршалъ Мармонъ въ своихъ мемуарахъ. Онъ говоритъ: „Армія состояла изъ 12 армейскихъ корпусовъ пли сорока одной дивизіи, всѣ въ полномъ комплектѣ, не считая императорской гвардіи, въ томъ числѣ старой гвардіи, состоявшей изъ 4-хъ дивизій. Кавалерія, почти не существовавшая во время

леристовъ и піонеровъ и 22,000 казаковъ, а всего 493,000 человекъ съ 1,388 орудіями. Правда, въ распоряженіи союзниковъ было еще около 300,000 войскъ, но войска эти заняты были обложеніемъ и осадю крѣпостей въ Пруссіи и герцогствѣ Варшавскомъ и столь-же мало могли быть принимаемы въ расчетъ, какъ и тѣ 200,000 французскихъ воиновъ, которые сидѣли въ осадѣ по этимъ крѣпостямъ. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду, что въ числѣ дѣйствующей союзной арміи насчитывалось 22,000 казаковъ, которые не могли имѣть особеннаго значенія въ регулярныхъ сраженіяхъ. Принимая все это въ соображеніе, мы находимъ, что союзная армія превосходила армію Наполеона всего лишь на 33,000 человекъ и что, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о крайнемъ неравенствѣ силъ противниковъ.

Но на войнѣ имѣютъ, какъ извѣстно, значеніе не одно только количество, но и качество военныхъ силъ, не однѣ только цифры, но и боевыя свойства солдатъ. И въ этомъ отношеніи на сторонѣ союзниковъ не было какихъ-либо особенныхъ, а тѣмъ болѣе подавляющихъ преимуществъ. Большинство Наполеоновскихъ солдатъ состояло, правда, изъ конскриптовъ, призванныхъ къ оружію весною 1813 года, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что въ распоряженіи императора французовъ находилось около 15,000 опытныхъ унтер-офицеровъ и солдатъ перенесшихъ всѣ испытанія и ужасы русской кампаніи, что онъ призывалъ къ себѣ изъ Испаніи цѣлыя корпуса старыхъ и закаленныхъ воиновъ, и что новобранцы его успѣли уже показать свои превосходныя боевыя качества на поляхъ Люцена и Бауцена. Несправедливо также, что союзныя войска состояли въ осеннюю кампанію 1813 года почти исключительно изъ старыхъ, превосходно обученныхъ и закаленныхъ ветерановъ. Мы знаемъ, что рус-

Люценской кампаніи, доходила теперь до 70,000 лошадей. Всего же Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ Германіи до 450 тысячъ человекъ". Мемуары Мармона, Т. V, стр. 135. Замѣчательно, что союзники вовсе не имѣли точныхъ свѣдѣній о количествѣ Наполеоновыхъ силъ и опредѣляли ихъ гораздо ниже, нежели онѣ были въ дѣйствительности, а именно въ 350,000 чел. См. Napoleon als Feldherr, von Graf Iork von Wartenburg, Т. II, стр. 259.

ская армія, сражавшаяся въ 1812 году, потерпѣла громад- ный уронъ, что въ рядахъ ея насчитывалось не болѣе 50,000 старыхъ солдатъ, что громадное большинство ея состояло изъ новобранцевъ. Вся разница заключалась лишь въ томъ, что въ рядахъ французскихъ войскъ было гораздо болѣе без- бородыхъ юношей, тогда какъ русскіе новобранцы состояли по большей части, изъ людей средняго, иногда даже пожи- лаго возраста ¹⁾. Подобное-же, хотя и нѣсколько иное, отно- шеніе замѣчалось и въ прусской арміи. И тутъ число ста- рыхъ, вполне обученныхъ солдатъ далеко уступало массѣ новобранцевъ, никогда не видѣвшихъ непріятеля, не имѣв- шихъ понятія о настоящей войнѣ. Не одни только отдѣль- ные баталіоны, но цѣлые полки и даже корпуса состояли здѣсь исключительно изъ людей, никогда не бывавшихъ въ огнѣ, взятыхъ по большей части непосредственно отъ плуга. Полки ландвера были вооружены по большей части однѣми пиками, экипировка людей была крайне скудная; уже послѣ первыхъ переходовъ подъ дождемъ прусскіе ополченцы обор- вались окончательно и оставили въ вязкой грязи свои сапо- ги ²⁾. Ничего подобнаго не замѣчалось, правда, въ рядахъ русской арміи: вооруженіе и экипировка не оставляли желать ничего лучшаго, а что касается до духа, господствовавшаго въ русскихъ и прусскихъ полкахъ, то онъ былъ одинаково превосходенъ, но за то австрійская армія, составлявшая цѣлую четверть союзныхъ военныхъ силъ, стояла во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже французскихъ конскриптовъ. Большая по- ловина людей состояла и тутъ изъ совершенно необученныхъ новобранцевъ; вооруженіе и экипировка были крайне недо-

¹⁾ Частныя войны и постоянные рекрутскіе наборы истощили населеніе Рос- сіи и заставляли брать въ солдаты людей болѣе зрѣлаго возраста. См. Берн- гарди, записки Толя, Т. III, стр. 79.

²⁾ О прусской арміи см. между прочимъ Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 79 и слѣд., а также Дройзенъ, *Das Leben des Feldmarchalls Grafen York v. Wartenburg*, Т. II, стр. 99—113. Самъ Йоркъ жаловался королю передъ на- чаломъ военныхъ дѣйствій, что его солдаты нуждаются во многомъ, даже въ сапогахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: *Ist mir sehr unangenehm, haben aber den Krieg gewollt und alles angefangen.* (т. е. очень мнѣ непріятно, но сами Вы желали войны и сами все начали), стр. 113.

влетворительны, и что самое главное, въ рядахъ габсбургской арміи не было и тѣни того энтузіазма, который одушевлялъ русскихъ и пруссаковъ. Офицеры и солдаты шли на войну крайне неохотно, они не имѣли довѣрія къ своимъ вождямъ и относились съ ненавистью къ своимъ союзникамъ ¹⁾. Русскіе и пруссаки при всякомъ удобномъ случаѣ начинали драки съ цесарцами и вовсе не считали ихъ за своихъ товарищей ²⁾. Понятно, что подобныя отношенія не могли вліять благопріятнымъ образомъ на весь характеръ военныхъ операцій союзниковъ противъ такого врага, гдѣ все проникнуто было однимъ духомъ, гдѣ все слѣпо повиновалось одной желѣзной волѣ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заключалось одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Наполеона передъ коалиціею. Во французскомъ лагерѣ немыслимо было какое-либо политическое, или военное разногласіе; въ союзномъ станѣ эти разногласія обнаруживались на каждомъ шагѣ. Державы, принимавшія участіе въ коалиціи, расходились между собою уже въ самомъ главномъ и основномъ вопросѣ, — цѣли войны. Императоръ Александръ вступалъ въ борьбу съ твердымъ убѣжденіемъ, что она не можетъ окончиться иначе какъ побѣдопосно, что владычество Наполеона должно быть уничтожено во-чтобы то ни стало. Не смотря на свою врожденную скрытность, онъ не задумывался высказываться въ этомъ смыслѣ даже въ такія минуты, когда военное счастье видимо покровительствовало Наполеону. Если онъ и скорбѣлъ о чемъ-либо въ минуты неудачи, то лишь о потерѣ времени. „Я не сомнѣваюсь въ томъ“, говорилъ онъ людямъ, обращавшимся къ нему съ непрошенными утѣшеніями, „что война окончится въ нашу пользу и что Наполеонъ не будетъ

¹⁾ Объ австрійской арміи см. Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 71 и слѣд., см. также записки Н. М. Муравьева, „Русскій Архивъ“, 1886 года кн. I.

²⁾ Нерѣдко случались драки между нашими солдатами и австрійцами. Мимо идущіе пруссаки всегда вступались въ драку за нашихъ, какъ и наши вступались за пруссаковъ. Н. М. Муравьевъ, записки, „Русскій Архивъ“, 1886 г. кн. I, стр. 32.

царствовать болѣе, но мнѣ жаль безъ пользы потраченного времени и людей“¹⁾).

Таковыми-же чувствами и намѣреніями одушевленъ былъ и лучший другъ императора Александра, король прусскій; но мы уже знаемъ, что далеко не такъ смотрѣлъ на цѣли войны императоръ австрійскій и что окончательное сокрушеніе Наполеона и паденіе его династїи вовсе не входили въ расчеты вѣнскаго кабинета. Намъ извѣстно также, какъ двусмысленно держалъ себя Бернадотъ и какъ мало соотвѣтствовали его цѣли цѣлямъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма.

Такое разногласіе въ самыхъ основныяхъ цѣляхъ войны между союзными монархами не могло-бы имѣть особенно вреднаго вліянія на ходъ военныхъ операцій, если-бы во главѣ союзныхъ армій стояли настоящіе солдаты, люди, чуждые всякихъ политическихъ соображеній, но къ сожалѣнію, это было далеко не такъ. Сохранилась легенда²⁾, что союзные государи предложили передъ началомъ войны верховное начальство надъ всѣми арміями императору Александру, но что русскій государь, всегда непритязательный и скромный, отклонилъ это предложеніе, хотя впоследствии самъ сожалѣлъ о томъ. Хотя это сказаніе и попало въ извѣстное сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго, но уже Бернгарди справедливо замѣтилъ, что только тотъ можетъ отнестись съ довѣріемъ къ нему, кто совершенно не знаетъ Австрію и то глубокое недовѣріе, съ которымъ относились къ Россіи и ея императору тогдашніе руководители ея политики³⁾. Столь-же мало довѣрія заслуживаетъ и другое преданіе, по которому императоръ Александръ самъ добивался команды надъ союзными силами, но не успѣлъ въ этомъ своемъ намѣреніи. Александръ отлично сознавалъ, что именно онъ, а не кто-либо другой стоитъ во главѣ европейской коалиціи, что онъ является душою и вождемъ въ великой борьбѣ съ Наполеономъ, но

¹⁾ Такъ отвѣчалъ Александръ кн. Васильчикову вечеромъ въ день сраженія при Бауценѣ. Бернгарди, записки Толя Т. III, стр. 81.

²⁾ Легенду эту мы находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго.

³⁾ См. Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 87.

Александръ не считалъ себя въ то же время полководцемъ и никогда не рѣшался брать въ свои руки непосредственнаго начальства надъ арміями. Онъ не взялъ этого начальства даже весною 1813 года, когда всѣ желали и требовали этого и предпочель отдать команду Витгенштейну, къ военнымъ талантамъ котораго онъ не питалъ особаго довѣрія. Еще менѣе могла привлекать команда надъ союзными силами ¹⁾ императора Александра теперь, когда въ коалицію вступила Австрія, отпосившаяся всегда съ такимъ затаеннымъ недо- вѣріемъ къ своимъ союзникамъ. Александръ понялъ, что самое лучшее средство подавить или подорвать по крайней мѣрѣ это недо- вѣріе заключается въ томъ, чтобы поставить во главѣ всѣхъ армій австрійскаго полководца. Руководясь этимъ вѣрнымъ политическимъ соображеніемъ, онъ еще во время перемирія сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе Австрійскому кабинету, быть можетъ, указалъ даже самъ на князя Шварценберга ²⁾. Такой выборъ былъ, можно сказать, неизбеженъ. Во всей австрійской арміи не было ни одного генерала, котораго можно было-бы противопоставить хотя съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ Наполеону. Объ эрцгерцо- гѣ Карлѣ, составлявшемъ въ этомъ отношеніи почетное исключеніе, не могло быть и рѣчи, такъ какъ противъ его на- значенія возсталъ-бы прежде всего самъ императоръ Францъ. Князь Карлъ Шварценбергъ вовсе не выдавался военными талантами, хотя и носилъ высокій санъ фельдмаршала, по за то онъ обладалъ другими способностями, дѣлавшими его какъ нельзя болѣе соответствующимъ высокому и почетному мѣсту союзнаго главнокомандующаго. Храбрый солдатъ, князь Шварценбергъ былъ въ то же время настоящій аристократъ, совершенный дипломатъ, безукоризненный придворный кав-

¹⁾ Беригарди говоритъ въ запискахъ Толл. „Военная свита государя, къ которой принадлежали прежде всего Толь и Дибичъ знала очень хорошо, что онъ не стремится къ командѣ и не разсчитываетъ на нее“. Записки Толл, Т. III, стр. 38.

²⁾ О Шварценбергѣ см. въ особенности Прокешъ, *Denkwürdigkeiten aus dem Leben d. Feldmarschalls Fürsten Karl zu Schwarzenberg*. Биографія отличается, впрочемъ, крайне панегирическимъ тономъ.

леръ и человекъ въ высшей степени благороднаго характера. Лишь онъ одинъ изъ всѣхъ союзныхъ вождей могъ вращаться съ легкостью и смѣлостью среди коронованныхъ особъ. Одаренный тактами настоящаго свѣтскаго человека, безкорыстный, мягкій, уступчивый,—онъ одинъ могъ улаживать безчисленныя столкновения и усложненія, возникавшія на каждомъ шагу въ главной квартирѣ союзниковъ. Эгоизмъ какого-бы то ни было свойства былъ совершенно чуждъ ему; всегда и вездѣ онъ готовъ былъ пожертвовать своими личными выгодами тамъ, гдѣ дѣло шло объ общихъ и великихъ интересахъ.

Какъ ни почтенны были всѣ эти качества, но Шварценбергъ не въ состояніи былъ руководить лично такую колоссальною и разноплеменною арміею, какъ армія союзниковъ. Ему никогда не приходилось стоять во главѣ такихъ силъ; привыкши къ болѣе ограниченной и скромной сферѣ дѣйствія, онъ терялся на новомъ, необычномъ для него поприщѣ, останавливался въ недоумѣніи передъ трудностями возложенной на него задачи, колебался и впадалъ въ сомнѣніе передъ каждымъ сколько-нибудь важнымъ рѣшеніемъ, искалъ опоры и совѣта у другихъ лицъ. И все это было въ виду такого противника, какъ Наполеонъ, который не останавливался ни на одинъ моментъ передъ самыми критическими обстоятельствами и поражалъ своихъ враговъ постоянно новыми и не ожидаемыми комбинаціями своего воезнаго гения.

Итакъ, Шварценбергъ нуждался въ опытныхъ совѣтникахъ; но спрашивается, — кто-же были эти совѣтники и у кого искалъ князь опоры и помощи въ критическія минуты кампаніи? Въ австрійской арміи сохранилось преданіе, что главнымъ руководителемъ, а слѣдовательно и главнымъ героемъ войны 1813 года былъ не кто иной какъ столь знаменитый впоследствии генералъ Радецкій; но тщательныя изслѣдованія Бернгарди давно уже показали, что и это сказаніе относится къ области позднѣйшихъ вымысловъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ планы и диспозиціи, подписанныя Шварценбергомъ въ 1813 году, не были составлены Радецкимъ. Радецкій былъ человекъ скромный и непритяза-

тельный, онъ тщательно исполнялъ свои обязанности начальника штаба, высказывалъ свое мнѣніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его спрашивали, не искалъ и не добивался первенствующей роли. Шварценбергъ, безъ сомнѣнія, совѣтовался и съ нимъ, но онъ всегда отдавалъ предпочтеніе бывшему генералъ-маіору саксонской службы, Лангенау ¹⁾. Лангенау пользовался въ австрійской арміи репутаціею глубокоученаго стратега, но его теоретическія воззрѣнія вислолько не обличали въ немъ офицера, прошедшаго Наполеоновскую школу. Географическія отношенія занимали первенствующее мѣсто въ его стратегическихъ соображеніяхъ. Онъ вѣчно толковалъ о громадпомъ значеніи плоскогорій, на которыхъ лежатъ источники рѣкъ; онъ заботился не о пораженіи непріятельскихъ армій, а о занятіи тѣхъ географическихъ пунктовъ, которые почему-то казались ему господствующими. Понятно, что подобный совѣтникъ не могъ придать распоряженіямъ и планамъ Шварценберга ни ясности, ни энергіи, въ которыхъ они такъ нуждались; понятно, что ученая стратегія саксонскаго генерала способна была лишь усилить нерѣшительность и медленность, которыя лежали и безъ того въ самой натурѣ Шварценберга.

Къ довершенію несчастія союзный главнокомандующій былъ прежде всего политикъ и дипломатъ. При каждомъ своемъ шагѣ онъ сообразовался съ желаніями и инструкціями своего двора, которыя то и дѣло впушали ему дѣйствовать какъ можно медленнѣе, избѣгать всякаго рискованнаго рѣшенія, и ни на минуту не упускать изъ виду, что Австрія вовсе не намѣрена идти такъ далеко, какъ ея союзники. Повинуясь внушеніямъ своего двора и дѣйствуя въ духѣ своихъ инструкцій, т. е. крайне вяло и нерѣшительно, князь Шварценбергъ принужденъ былъ, разумѣется, скрывать отъ союзныхъ монарховъ и генераловъ истинныя причины своихъ дѣйствій, принужденъ былъ хитрить и оправдываться глубокомыслен-

¹⁾ Подробности о Лангенау см. у Берггарди, Т. III, стр. 92—94. Лангенау перешелъ изъ саксонской службы въ австрійскую не изъ германскаго патриотизма, а изъ чисто личныхъ побужденій.

ными соображеніями, почерпнутыми изъ отжившей свой вѣкъ географической стратегіи.

Но это еще не все. И другія обстоятельства тормозили еще болѣе дѣйствія Шварценберга, подкапывали его авторитетъ и лишали его довѣрія въ глазахъ арміи. Хотя императоръ Александръ самъ предложилъ князю Шварценбергу высокое званіе главнокомандующаго, по убѣдившись въ самомъ началѣ войны въ стратегической несостоятельности князя, и относясь въ свою очередь съ недовѣріемъ къ Австрійскому двору, онъ вовсе не намѣренъ былъ предоставлять въ безусловное распоряженіе австрійскаго главнокомандующаго русскія и прусскія войска. Не обращая вниманія на распоряженія Шварценберга, онъ самъ нерѣдко давалъ приказы русско-прусскимъ войскамъ и при томъ въ такія минуты, когда участь всей кампаніи висѣла, такъ сказать, на волоскѣ. Да и король прусскій, несмотря на свою врожденную скромность, отдавалъ нерѣдко приказы по войскамъ, безъ вѣдома Шварценберга. Наконецъ, такіе русскіе генералы: какъ Барклай-де-Толли и Витгенштейнъ, бывшіе еще такъ недавно самостоятельными полководцами, также не думали подчиняться распоряженіямъ австрійскаго главнокомандующаго, и не задумывались идти имъ наперекоръ. Хотя распоряженія союзныхъ монарховъ имѣли иногда самыя спасительныя послѣдствія, но все-же шаткое положеніе главнокомандующаго, отсутствіе всякаго дѣйствительнаго авторитета, противорѣчивыя приказанія, исходившія изъ самыхъ различныхъ источниковъ, не могли не отзываться въ иныхъ случаяхъ самымъ вреднымъ образомъ на операціяхъ союзной арміи. Отсюда происходили тѣ безчисленныя проволочки, тѣ странныя опущенія, тѣ непонятныя и непредвидѣнныя случайности, которыя даютъ такой особенный отгѣнокъ всѣмъ движеніямъ и дѣйствіямъ главной союзной арміи.

Къ счастью для великаго дѣла, номинальная власть князя Шварценберга и тормозящее вліяніе главной квартиры союзниковъ ограничивались сферою одной большой или, какъ называли ее, богемской арміи. Хотя Шварценбергъ считался главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ силъ, но въ дѣйстви-

тельности вожди двухъ другихъ союзныхъ армій Силезской и Сѣверной—пользовались полною самостоятельностью и подчинены были австрійскому штабу только на бумагѣ. Правда, въ одной изъ этихъ армій, а именно въ Сѣверной, положеніе дѣлъ было во многихъ отношеніяхъ еще хуже, такъ какъ во главѣ ея стоялъ кронъ-принцъ Шведскій, Бернадотъ, сумѣвшій внушить полное недовѣріе въ подчиненныхъ ему русскихъ и прусскихъ генералахъ своими крайне двусмысленными распоряженіями; но за то во главѣ Силезской арміи поставленъ былъ человекъ, бывший дѣйствительно вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Прусскій фельдмаршалъ Блюхеръ, подъ начальствомъ котораго сосредоточены были въ Силезіи 60,000 русскихъ и 40,000 прусскихъ войскъ, представлялъ полнѣйшую противоположность австрійскимъ ученымъ стратегамъ ¹⁾. Старый рубака, проведеній всю свою жизнь на конѣ и въ военномъ станѣ, онъ не блисталъ теоретическими свѣдѣніями, чуждъ былъ всякаго свѣтскаго, гостиннаго лоска, но былъ за то превосходный практикъ и умѣлъ внушать безграничное довѣріе солдатамъ, служившимъ подъ его командою. Было что то Суворовское въ этой высшей степени самобытной, хотя и не гениальной натурѣ. У Блюхера было лишь одно стратегическое правило: идти прямо на непріятеля и стараться разбить его во чтобы то ни стало. Несмотря на свои преклонныя лѣта, фельдмаршалъ дѣлилъ съ солдатами всѣ трудности и невзгоды бивуаковъ и переходовъ. Въ проливной дождь, въ снѣжную бурю его скорѣе всего можно было увидѣть на конѣ впереди своихъ баталіоновъ. Его личная храбрость не имѣла себѣ равной въ эту героическую эпоху, среди этого сонма богатырей. На поляхъ битвъ онъ то развѣзжалъ хладнокровно, перебрасываясь шутками съ солдатами, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и ядеръ, то бросался съ юношескимъ одушевленіемъ на непріятеля во главѣ своихъ эскадроновъ. Веселый балагуръ, неистощимый острякъ, спарта-

¹⁾ Лучшую характеристику Блюхера даютъ его собственныя письма, изданныя въ недавнее время Коломбомъ (см. Colomb, Blücher in Briefen aus den Feldzügen von 1813—1815. 1876). См. также Scherz, Blücher und seine Zeit.

пецъ по образу жизни, врагъ всякой изысканности, утонченности и роскоши, онъ никогда не терялъ присутствія духа и веселости и умѣлъ внушить всѣмъ и каждому непоколебимое довѣріе къ себѣ и къ своему счастью. Его остроты и шутки ходили по всему лагерю, онъ умѣлъ говорить съ солдатами ихъ языкомъ. Пруссаки и русскіе одинаково боготворили его и готовы были идти за нимъ въ огонь. Въ рѣшительныя минуты онъ любилъ обращаться къ войскамъ съ короткою внушительною рѣчью, по сильнѣе самой рѣчи дѣйствовали въ такихъ случаяхъ его внушительная фигура, его огненный взглядъ. Наши солдаты называли его не иначе, какъ фельдмаршалъ Vorwa'rts (Впередъ); при его словѣ: Пошелъ! они бросались какъ бѣшеные на непріятеля ¹⁾. Блюхеръ смотрѣлъ на конечную цѣль войны совершенно также какъ императоръ Александръ, какъ всѣ лучшіе русскіе и прусскіе патріоты. Его ненависть къ Наполеону была чисто личная. Онъ ненавидѣлъ его какъ злѣйшаго врага своей родины и своего народа; онъ понималъ, что война можетъ окончиться только полнымъ низложеніемъ тирана, онъ не задумался-бы разстрѣлять „молодца“, въ томъ случаѣ, если-бы онъ попался въ руки его гусаръ или казаковъ. Отличаясь необыкновенно свѣтлымъ умомъ и вѣрнымъ инстинктомъ, Блюхеръ хорошо понималъ пробѣлы своего образованія. Онъ не относился съ пренебреженіемъ къ дѣйствительнымъ знаніямъ, а напротивъ высоко цѣнилъ ихъ и всегда готовъ былъ принять совѣты, если только они исходили отъ лицъ, пользовавшихся его уваженіемъ и довѣріемъ. Въ числѣ такихъ лицъ первое мѣсто занималъ начальникъ его штаба, генералъ Гнейзенау -), человекъ высоко образованный, но

1) Вотъ образчикъ Блюхеровской рѣчи, обращенной къ русскимъ солдатамъ въ битвѣ при Вартебургѣ: *Ihr alten Moscoviter, ihr habt euren Feinden noch nie den Rücken gekehrt; ich werde mich an eure Spitze setzen. Ihr sollt die Kerls, die Franzosen da angreifen; ich weiss, ihr werdet auch heute ihnen nicht den Rücken kehren. Вы старые Московцы! вы никогда не обращали тыла непріятелю; я самъ стану впереди васъ. Вамъ надо ударить на французовъ и я утѣренъ, что вы и сегодня не покажете имъ тыла. Пошелъ!*

2) Лучшая біографія Гнейзенау принадлежитъ извѣстному германскому историку, Церцу.

въ тоже время скромный и чуждый всякихъ претензій Гнейзенау дополнялъ Блюхера ¹⁾ самымъ счастливымъ образомъ, у него было все то, чего недоставало престарѣлому фельдмаршалу: обширныя свѣдѣнiя по всѣмъ отраслямъ военнаго дѣла, генiальныя стратегическiя способности, необычайная находчивость въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Пользуясь большимъ нравственнымъ влiянiемъ на Блюхера, онъ умѣлъ сдерживать, тамъ, гдѣ было это необходимо, страстные порывы фельдмаршала, но умѣлъ также поддержать въ рѣшительныя минуты его энергiю и направить туда, куда слѣдуетъ, мощные удары его руки. „Мало одерживать побѣды, говаривалъ онъ постоянно; надо умѣть пользоваться ими“. Не давать покоя разбитому противнику, преслѣдовать его до истощенiя послѣднихъ силъ, гнаться за нимъ до тѣхъ поръ пока выдержать послѣднiе кони и всадники,—вотъ было основное правило стратегiи Гнейзенау.

Какъ ни удачно сложились условiя въ главной квартирѣ Силезской армiи, но все же, говоря вообще, на сторонѣ союзниковъ ощущалось самымъ чувствительнымъ образомъ отсутствiе единства въ командѣ. Къ этому важному недостатку присоединялось и другое, дѣйствовавшее удручающимъ образомъ, обстоятельство. Въ рядахъ союзныхъ войскъ, въ блистательномъ сонмѣ генераловъ, окружавшихъ государей, не было ни одного, который могъ-бы сравниться хотя отчасти съ военнымъ генiемъ, стоявшимъ во главѣ непрiятельскихъ армiй. Никого не мучило такъ это сознанiе, никто не ста-

¹⁾ Самъ Блюхеръ отдавалъ полную дань заслугамъ Гнейзенау. Честный, прямой, откровенный онъ, не обинуясь, предоставлялъ ему большую часть славы. Свое глубокое уваженiе къ Гнейзенау Блюхеръ любилъ высказывать, по своему обычаю, въ шутливой формѣ. Когда въ 1814 г. Оксфордскiй университетъ поднесъ престарѣлому фельдмаршалу дипломъ доктора правъ, то Блюхеръ замѣтилъ смѣясь: „Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ поднести Гнейзенау дипломъ аптекаря“. Однажды Блюхеру по окончанiи войны пришлось быть въ веселой компанiи, занимавшейся игрою въ загадки. Фельдмаршалъ, принявъ участiе въ игрѣ, потребовалъ, чтобы кто либо изъ присутствующихъ поцѣловалъ свою голову и когда никто не могъ исполнить этого требованiя, подошелъ къ Гнейзенау и поцѣловалъ его въ голову. Умная и благородная личность Гнейзенау рисуется прекрасно въ запискахъ извѣстнаго прусскаго генерала, Брандта.

рался такъ восполнить этотъ пробѣлъ, какъ императоръ Александръ. Судьба, казалось, спѣшила помочь ему въ этомъ отношеніи; уже въ самомъ началѣ кампаніи, въ союзномъ лагерѣ явились два лица, пріобрѣтшія громкую извѣстность въ рядахъ непріятельской арміи. Одинъ изъ нихъ, генераль Жомини, былъ въ полномъ смыслѣ слова перебѣжчикъ изъ непріятельскаго лагеря. Онъ участвовалъ въ походѣ Наполеона на Россію въ 1812 году, онъ сражался въ рядахъ французской арміи и въ весеннюю кампанію 1813 г. Чистоличныя соображенія и при томъ довольно мелочпаго свойства побудили его оставить знамена своего императора. Наполеонъ не хотѣлъ произвести Жомини въ генераль-лейтенанты, и не давалъ ему въ тоже время требуемой отставки; тогда оскорбленный честолюбецъ рѣшился на отчаянное средство и передъ самымъ заключеніемъ перемирія явился внезапно на русскихъ форпостахъ. Громкая военная репутація предшествовала бѣглецу и доставила ему самый радушный пріемъ у императора Александра. Жомини былъ великій военный теоретикъ, но совершенно иного рода, нежели, Лангенау, или хорошо извѣстный намъ Фуль. Воспитанный въ великой школѣ Наполеоновскихъ войнъ, онъ старался облечь въ стройную теоретическую систему тѣ блестящія комбинаціи, тѣ постоянно новые, геніальныя импульсы, которыми смущалъ и поражалъ Наполеонъ своихъ противниковъ. Изъ цѣлаго ряда Наполеоновскихъ кампаній онъ старался извлечь тѣ основныя принципы и тѣ второстепенныя правила, изъ которыхъ слагалась стратегія великаго завоевателя. Люди, ума обыкновеннаго, люди, не умѣвшіе понять, что вдохновенія генія никоимъ образомъ не могутъ быть облечены въ форму руководства, назначеннаго для обыкновенныхъ смертныхъ, аплодировали подобному начинанію, старались увѣрить себя и другихъ, что въ многочисленныхъ ученыхъ трактатахъ Жомини изложена вся премудрость Наполеоновской стратегіи. Императоръ Александръ не могъ противостоятъ общему потоку. Ему казалось, что въ лицѣ Жомини, союзная главная квартира пріобрѣла такую выдающуюся силу, которая можетъ оказать самое благотворное вліяніе на общій

ходъ военныхъ операцій. Онъ не только осыпалъ Жюмини милостями, не только принялъ его съ чиномъ генераль-лейтенанта въ русскую армію, но и держалъ его постоянно при себѣ, совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важныхъ и критическихъ случаяхъ. Но вскорѣ императоръ началъ разочаровываться въ своемъ новомъ стратегическомъ менторѣ. Уже первые опыты показали, что великій теоретикъ ¹⁾ былъ очень посредственный практикъ. Волею или неволею, а пришлось убѣдиться, что Наполеонъ имѣлъ полное основаніе отказывать въ производствѣ кабинетному стратегу, истреблявшему съ поразительною быстротою на бумагѣ цѣлыя непріятельскія арміи, но не имѣвшему самыхъ основныхъ качествъ военнаго практика. У него не было ни вѣрнаго глаза, ни быстрой сообразительности; онъ не въ состояніи былъ опредѣлить численности непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ въ виду его позицію, или проходившихъ у него передъ глазами. Онъ не могъ ориентироваться въ мѣстности, на которой происходили военныя операціи, все равно была-ли эта мѣстность открытая или пересѣченная, степная или лѣсная. Онъ оказывался несостоятельнымъ тамъ, гдѣ ему приходилось примѣнять на дѣлѣ свои глубокомысленныя теоретическія соображенія. На военныхъ совѣтахъ онъ отличался какою-то робкою сдержанностью. Его собственныя мнѣнія страдали всегда общностью и неопредѣленностью, а чужія мнѣнія, каковы-бы они ни были, никогда не встрѣчали съ его стороны точныхъ и основательныхъ возраженій.

¹⁾ Н. М. Муравьевъ говоритъ въ своихъ запискахъ о Жюмини: „Во время перемирія перешелъ на нашу сторону генераль Жюмини, написавшій извѣстную книгу подъ заглавіемъ: *Traité des grands operations militaires*. Государь, принявъ измѣнника съ почестью, далъ ему чинъ генерала въ нашей службѣ, назначилъ къ нему адъютантовъ и большое жалованье. Хотя книга его признавалась дѣльною военными людьми, но самъ онъ не былъ таковымъ, какимъ его полагали. Теорія и практика предметы весьма различныя, и еслибъ Жюмини не пользовался расположеніемъ государя, который иностранцевъ часто предпочиталъ русскимъ, то на него не обращали-бы вниманія, и остался-бы онъ въ презрѣніи“. Этотъ отзывъ Н. М. Муравьева подтверждаетъ какъ нельзя болѣе характеристику, данную нами въ текстѣ и основанную, главнымъ образомъ, на показаніяхъ Толя. См. *Verghardi*, Т. III, стр. 119.

Какъ ни чувствительны были всѣ эти недостатки Жюми-ни, но все-же они не мѣшали ему пользоваться въ главной квартирѣ союзниковъ славою великаго стратега; что-же касается до его практической несостоятельности, то императоръ Александръ надѣялся восполнить этотъ пробѣлъ гениальными совѣтами другой французской военной знаменитости, прибытіе которой давно уже ожидалось съ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ союзной арміи. То былъ генераль Моро, составившій себѣ громкую славу въ эпоху революціонныхъ войнъ. Были люди, которые, не обинуясь, ставили Моро на одну линію съ Бонапарте, которые утверждали, что только зависть Наполеона помѣшала республиканскому генералу затмить своими подвигами надменнаго корсиканца. И дѣйствительно, Моро принадлежалъ къ числу выдающихся революціонныхъ генераловъ конца прошлаго столѣтія. Его искусное отступление изъ глубины Германіи въ 1797 г. передъ превосходными силами такого противника, какъ эрцгерцогъ Карлъ, его блестящая побѣда надъ многочисленною арміею эрцгерцога Іоанна при Гогенлинденѣ прославлялись въ свое время какъ величайшія проявленія военнаго искусства. Но этими подвигами и окончилась военная карьера Моро. Восходящая звѣзда Наполеона не терпѣла соперниковъ. Осужденный на изгнаніе, Моро принужденъ былъ оставить Францію и Европу и искать убѣжища въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 12 лѣтъ. Моро сохранилъ въ изгнаніи бодрость духа и тѣла, въ свободной Америкѣ онъ окрѣпъ еще болѣе въ республиканскихъ убѣжденіяхъ своей юности, онъ возненавидѣлъ Наполеона какъ врага своего отечества и самого себя, но онъ совершенно отвыкъ отъ войны, отъ умѣнія повелѣвать и дѣйствовать. Теперь онъ явился на зовъ императора Александра, но явился съ отжившими свой вѣкъ пріемами и взглядами. Военное искусство приняло за долгое время его отсутствія такой характеръ и такіе размѣры, о которыхъ не имѣли и понятія въ концѣ прошлаго вѣка. Теперь дѣйствовали на театрѣ войны такія колоссальныя массы, о которыхъ и не снилось герою Гогенлиндена; теперь примѣнялись такіе маневры и комби-

націи, которые показались-бы верхомъ безумія методическимъ генераламъ той переходной эпохи, когда старая стратегія Фридриха Великаго только что начинала уступать мѣсто новомодной тактикѣ, развитой революціонными войнами. Прибывъ въ лагерь союзниковъ, Моро тотчасъ-же почувствовалъ, что онъ попалъ въ новый, невѣдомый для него міръ. Когда новый способъ войны впервые предсталъ передъ нимъ во всемъ своемъ грозномъ величіи, когда на высотахъ подъ Дрезденомъ онъ увидѣлъ наступленіе 200,000 арміи союзниковъ на позиціи, занятыя такими-же непріятельскими массами, онъ видимо смутился. „Кто можетъ руководить такими массами“, воскликнулъ онъ невольно, „это не по силамъ человѣческому уму“.

И въ политическомъ отношеніи Моро попалъ въ совершенно чуждый для него міръ. Онъ возвратился въ старый свѣтъ, проникнутый тѣми-же мнѣніями и взглядами, съ какими онъ оставилъ его 12 лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Европа ведетъ борьбу не съ Франціею, а съ Наполеономъ, что ненависть народовъ обращена противъ французскаго императора, а не противъ французской націи. Онъ полагалъ, что нигдѣ Наполеона не ненавидятъ такъ сильно и страстно, какъ во Франціи. Моро вѣрилъ чисто-сердечно во всѣ тѣ басни, которыя распространялъ Бернадотт. Онъ былъ убѣжденъ, что Наполеонъ бѣжалъ изъ Литвы не отъ русскихъ, а отъ ярости собственныхъ солдатъ; онъ доказывалъ, что французская армія проникнута республиканскимъ духомъ и, что если она еще повинуется Наполеону, то единственно по привычкѣ и по трусливой слабости, свойственной всѣмъ людямъ. Онъ требовалъ, чтобы его поставили во главѣ 40,000 плѣнныхъ французскихъ солдатъ, распаленныхъ жаждою мести къ Наполеону. Онъ мечталъ произвести съ этими солдатами высадку на берега Франціи и не сомнѣвался, что весь французскій народъ возстанетъ по его первому зову. Настоящій республиканецъ и французъ, Моро былъ далекъ отъ мелочнаго тщеславія Жюмини. Онъ не добивался чести попасть въ число генераловъ русской арміи. Онъ сопровождалъ императора Александра на поля битвы

въ томъ-же гражданскомъ костюмѣ, который онъ носилъ въ Америкѣ. Всѣ смотрѣли съ невольнымъ уваженіемъ на этого ветерана революціонныхъ войнъ въ его круглой шляпѣ, сѣромъ пальто, высокихъ ботфортахъ съ желтыми отворотами и серебряными шпорами; всѣ выслушивали почтительно его военные и политическіе совѣты, но убѣжденіе, что эти совѣты могутъ имѣть столь-же мало практическаго значенія, какъ и кабинетная стратегія Жомини, не замедлило-бы овладѣть умами, если-бы французское ядро не поразило Моро въ самомъ началѣ кампаніи ¹⁾.

Въ то время, когда въ главной квартирѣ союзниковъ происходили безконечныя совѣщанія и высказывались то и дѣло самыя противорѣчивыя мнѣнія по поводу выполненія Трахенбергскаго операціоннаго плана, Наполеонъ, по своему обычаю, давно уже составилъ и обдумалъ свой планъ дѣйствій, не прибѣгая ни къ чьимъ совѣтамъ, не запрашивая ни у кого мнѣній. Какъ всегда, такъ и теперь, планъ императора отличался необыкновенною ясностью и простотою; онъ былъ рассчитанъ, главнымъ образомъ, на оборону, хотя и не исключалъ въ частности энергическаго наступленія. Рассчитывая, что союзныя массы двинутся на его позиціи съ трехъ сторонъ, начиная отъ Мекленбурга и оканчивая Богѣмско-Саксонскою границею, онъ обратилъ прежде всего вниманіе на укрѣпленіе своей операціонной базы, образуемой линіею Эльбы. Центральная часть этой линіи, т. е. среднее теченіе Эльбы, не внушала ему особенныхъ опасеній, такъ какъ она была достаточно прикрыта тремя сильными крѣпостями: Магдебургомъ, Торгау и Витенбергомъ. Для обезпеченія нижней Эльбы Наполеонъ приказалъ укрѣпить сильнѣйшимъ образомъ Гамбургъ ²⁾ и расположилъ тамъ 30,000 корпусъ вой-

¹⁾ Въ противоположность Жомини Моро пользовался большимъ уваженіемъ въ союзномъ лагерѣ. Н. М. Муравьевъ говоритъ о немъ: „Во время перемирія пріѣхалъ еще къ намъ изъ С. Америки французскій генераль Моро, человекъ честныхъ, благородныхъ правилъ и искусный полководецъ... Союзные государи держали его при себѣ и слѣдовали его совѣтамъ“. Записки, стр. 7. Наша характеристика Моро составлена на основаніи показаній Толя у Беригарди. Т. III, стр. 117 и слѣдующія.

²⁾ Недостатокъ времени не дозволилъ укрѣпить Гамбургъ такъ, какъ же-

ска подѣ начальствомъ энергическаго маршала Даву. Наибольшее вниманіе Наполеонъ обратилъ на верхнюю Эльбу, такъ какъ здѣсь грозило ему самое серьезное нападеніе и при томъ съ двухъ сторонъ, изъ Силезіи и Богеміи. Главнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ въ этой части своей базы Наполеонъ считалъ Дрезденъ, столицу Саксоніи, но онъ намѣренъ былъ защищать его не столько укрѣпленіями, сколько главными массами своей арміи. Для этой цѣли онъ сосредоточилъ на верхней Эльбѣ большую часть своей арміи, 300,000 человекъ. Изъ нихъ 50,000 назначались подѣ начальствомъ Сенъ-Сира для непосредственной защиты Дрездена, прикрытаго только легкими полевыми укрѣпленіями ¹⁾, тогда какъ остальные 250,000 человекъ подѣ начальствомъ самого императора должны были занять позиціи на правомъ берегу Эльбы близъ Бауцена. Эта центральная позиція должна была доставить несомнѣнныя выгоды Наполеону и уже одинъ выборъ ея показываетъ всю проницательность военнаго гения императора. Стоя подѣ Бауценомъ, Наполеонъ могъ одинаково противостать наступленію какъ Силезской, такъ и главной арміи союзниковъ. Онъ представлялъ себѣ три возможности наступленія непріятеля и былъ одинаково готовъ противъ каждой изъ нихъ. Богемская армія, думалъ онъ, можетъ двинуться на Дрезденъ или черезъ Петерсвальде, или черезъ Циттау или-же, наконецъ, она можетъ двинуться на Иозефштатъ и соединиться съ союзными силами въ Силезіи. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Наполеонъ предполагалъ оставить подѣ Бауценомъ четыре корпуса своей арміи противъ Блюхера и поспѣшить съ остальными своими силами на защиту Дрездена; въ третьемъ случаѣ, императоръ могъ сосредоточить въ короткое время всѣ войска свои подѣ Бауценомъ и противостать союзникамъ со всѣми своими силами ²⁾. Во

лалъ этого Наполеонъ; но все-же, согласно желанію императора, городъ былъ укрѣпленъ на столько, что могъ держаться противъ 50,000 арміи даже въ случаѣ правильной осады въ теченіе 20 дней послѣ открытія первой параллели. См. Graf Iork v. Wartenburg, Napoleon als Feldherr, T. II, 250.

¹⁾ Объ укрѣпленіяхъ Дрездена см. замѣтку самого Наполеона въ его корреспонденціи Дрезденъ 28-го іюня.

²⁾ См. инструкціи Наполеона Нею, Сенъ-Сиру, Макдональдъ и Мармону

всѣхъ трехъ случаяхъ Наполеонъ надѣялся увлечь союзниковъ въ генеральное сраженіе въ самомъ началѣ кампаніи и не сомнѣвался ни на одинъ моментъ въ его счастливомъ исходѣ. Онъ опасался лишь одного, чтобы непріятель не уклонился отъ рѣшительнаго боя. „Мнѣ кажется“, писалъ онъ въ это время своимъ маршаламъ, „что настоящій походъ можетъ окончиться благополучно, лишь въ томъ случаѣ, если въ самомъ началѣ его произойдетъ большое сраженіе“ ¹⁾.

Существовала еще, правда, четвертая возможность въ способѣ наступленія непріятели, способная потрясти и озадачить неопытнаго или нерѣшительнаго вождя. Богемская армія союзниковъ могла избрать не сѣверо-западное, а западное направленіе, она могла двинуться черезъ Эгеръ на Гофъ и Байрейтъ. проникнуть на линію Заалы и зайти такимъ образомъ въ тылъ Наполеону. Императоръ французовъ предвидѣлъ и эту возможность, но твердый въ основныхъ правилахъ военнаго искусства, онъ не придавалъ ей никакого значенія. „Если австрійцы вздумаютъ идти на Заалу“, писалъ онъ въ это время, „то въ такомъ случаѣ, я пожелаю имъ счастливаго пути. Я твердо убѣжденъ, что они возвратятся скорѣе, нежели пойдутъ. Пусть отрѣзываютъ меня сколько угодно отъ Франціи; для меня важно лишь одно, чтобы меня не отрѣзали отъ Эльбы и Дрездена“ ²⁾.

Запимая грозную позицію на верхней Эльбѣ и готовый отразить главныя силы непріятели, съ какой стороны ни наступали бы онѣ на него, Наполеонъ думаетъ дѣйствовать въ то же время наступательно на своемъ лѣвомъ флангѣ и нанести здѣсь союзникамъ такой рѣшительный ударъ, который долженъ повліять на весь исходъ кампаніи. Онъ намѣревается разсѣять

изъ Дрездена отъ 13 августа, вечеромъ, Корреспонденція Наполеона *Correspondance de Napoleon I*, Т. 26, стр. 53—55.

¹⁾ Инструкція Нею и Мармону отъ 12 августа. Любопытно, что во всѣхъ этихъ инструкціяхъ Наполеонъ опредѣляетъ силы союзниковъ въ 300,000 человекъ, т. е. гораздо менѣе дѣйствительности.

Correspondance de Napoleon I, Т. 26, стр. 40—42.

²⁾ Письмо Наполеона къ маршалу Сенъ-Спру отъ 17 августа, *Correspondance de Napoleon I*, Т. 26, стр. 90—92.

сѣверную армію союзниковъ, занять Берлинъ, освободить отъ осады крѣпости Штетинъ и Кюстринъ, завоевать Шпандау, утвердиться на линіи пизняго Одера и охватить, такимъ образомъ, съ фланга и съ тыла Силезскій и Богемо-Саксонскій театръ войны ¹⁾. И эта наступательная часть операціоннаго плана Наполеона вызываетъ невольное изумленіе мыслящаго наблюдателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что уничтоженіе сѣверной арміи союзниковъ въ самомъ началѣ кампаніи, занятіе Берлина и Бреслава, освобожденіе отъ осады Штетина и Кюстрина, способно было произвести потрясающее нравственное впечатлѣніе и парализовать всѣ дѣйствія Богемской и Силезской армій; но составляя эту геніальную комбинацію, Наполеонъ опустилъ изъ виду самое основное правило стратегіи, что для достиженія великой цѣли необходимы и великія средства. Онъ предполагалъ, двинуть на Берлинъ 70,000 войска подъ начальствомъ маршала Удино, какъ-бы забывая, что для прикрытія прусской столицы выставлена была со стороны союзниковъ 140,000 армія подъ начальствомъ Бернадота. Правда, Наполеонъ не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній на счетъ численности сѣверной арміи и опредѣлялъ ее на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ лазутчиковъ, гораздо ниже, нежели она была въ дѣйствительности. Правда, онъ предписалъ маршалу Даву поддерживать своимъ 30,000 корпусомъ движеніе Удино и постараться привлечь на себя возможно большую часть непріятельскихъ силъ; но все-же Наполеонъ не имѣлъ никакого основанія рассчитывать на превосходство своихъ силъ въ этомъ предпріятіи и готовился начать кампанію такимъ рискованнымъ шагомъ, который никоимъ образомъ не могъ быть оправданъ въ его тогдашнемъ положеніи. Наполеонъ никогда-бы не совершилъ этой роковой ошибки, если-бы онъ руководился въ своихъ замыслахъ одними военными соображеніями; если-бы онъ дѣйствовалъ и на этотъ разъ подъ вліяніемъ одного холод-

¹⁾ Подробности объ этой части операціоннаго плана Наполеона см. въ письмахъ его къ Даву отъ 8 и 13 августа и къ Сорбье отъ 17-го іюля.

наго разсудка. Но въ данномъ случаѣ Наполеонъ находился подъ вліяніемъ страсти, омрачившей его столь свѣтлый, въ прежнее время, геній. Никого изъ своихъ враговъ не ненавидѣлъ онъ такъ страстно, какъ пруссаковъ. Ни на одну минуту не могъ забыть онъ такъ называемой измѣны Пруссіи. „Гонимый страстью“, говоритъ одинъ изъ его сподвижниковъ „онъ горитъ нетерпѣніемъ обрушиться прежде всего на Пруссію. Онъ хочетъ, чтобы первые пушечные выстрѣлы были направлены на Берлинъ, онъ желаетъ, чтобы страшная и примѣрная месть послѣдовала немедленно за открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій“¹⁾.

До сихъ поръ, во всѣхъ предъидущихъ войнахъ, Наполеонъ всегда бралъ на себя инициативу; теперь онъ держалъ себя выжидательно, ожидая, что предприметъ непріятель. Первые столкновенія произошли, какъ и слѣдовало ожидать, въ Силезіи. Старый Блюхеръ горѣлъ нетерпѣніемъ расчитаться съ „проклятыми“ французами. Едва только окончилось перемиріе, какъ корпуса Силезской арміи снялись съ своихъ позицій на Кацбахъ и быстро двинулись впередъ въ нейтральную полосу, раздѣлявшую до тѣхъ поръ противниковъ²⁾. Маршалъ Макдональдъ, захваченный врасплохъ, принужденъ былъ отступать передъ войсками Блюхера. Союзники не только заняли Бреславль, но и оттѣснили непріятеля до самаго Бобера. Между тѣмъ Наполеонъ сосредоточилъ въ окрестностяхъ Бауцена весьма значительныя силы всего около 180,000 ч. Онъ держалъ себя первые дни выжидательно,

¹⁾ Маршалъ Мармонъ въ своихъ мемуарахъ, Т. V, стр. 140. Мармонъ утверждаетъ, что онъ возставалъ противъ плана Наполеона и предлагалъ ему или, сосредоточивъ всѣ войска позади Шпрее и на Эльбѣ, вести войну чисто оборонительную, или-же, оставивъ наблюдательные корпуса противъ Бернадота и Блюхера, напасть всѣми силами на Богемскую армію союзниковъ. Наполеонъ отвергъ, однакоже, предложенія маршала и имѣлъ на это свои основанія, такъ какъ оставлять противъ сѣверной и Силезской арміи только одни наблюдательные корпуса было въ высшей степени опасно, особенно въ виду такого противника какъ Блюхеръ.

²⁾ По условіямъ перемирія военныя дѣйствія могли начаться только по истеченіи шести дней послѣ десятаго августа, но французы первые нарушили это условіе, выславъ еще 13 (1) августа свои передовые отряды въ нейтральную полосу.

такъ какъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ главной союзной арміи въ Богеміи; но едва только онъ пришелъ къ убѣжденію, что Шварценбергъ дѣйствуетъ крайне медленно и нерѣшительно, и ни въ какомъ случаѣ не достигнетъ окрестностей Дрездена ранѣе какъ черезъ пять дней, какъ рѣшился тотчасъ-же броситься со всѣми бывшими у него подъ руками войсками на Блюхера. Уже вечеромъ 20 августа розданы были необходимыя предписанія. Корпуса Макдональда, Лористона, гвардія и кавалерія Латуръ-Мабура должны были переправиться черезъ Боберъ и ударить на главныя силы Блюхера, расположенныя на высотахъ близъ Бунцлау. Такое-же направленіе должны были взять войска Мармона; тогда какъ начальство надъ авангардомъ возложено было на маршала Нея. Все сулило, повидимому, успѣхъ задуманному предпріятію. Характеръ Блюхера, рьяное настроеніе его войскъ ручались, казалось, что союзники примутъ предлагаемый имъ бой. Рано утромъ 21 числа ¹⁾ Наполеонъ послѣшилъ къ берегу Бобера. Войска, воодушевленные его присутствіемъ, немедленно-же приступили къ переправѣ, но ко всеобщему удивленію, русскіе и пруссаки немедленно-же начали отходить назадъ, не оказавъ почти никакого сопротивленія непріятелю.

Наполеонъ былъ видимо пораженъ этою неожиданнымъ, но онъ тотчасъ-же истолковалъ ее въ свою пользу. Непрительскій полководецъ отступаетъ, разсуждалъ онъ,—онъ не рѣшается принять предлагаемаго ему боя, несмотря на свой задорный характеръ; очевидно, что онъ не питаетъ никакого довѣрія къ своимъ молодымъ необстрѣляннымъ войскамъ. Наполеонъ смутно сознавалъ, что противникъ могъ дѣйствовать такъ въ силу совершенно иныхъ соображеній, что его отступление могло быть заранѣе рѣшеннымъ и обдуманымъ стратегическимъ маневромъ, но онъ не хотѣлъ допускать подобной, вполнѣ естественной возможности, и предпочиталъ представлять себѣ положеніе дѣлъ не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, а такъ какъ оно было желательно для

¹⁾ 9-го августа ст. ст.

него ¹⁾. Впервые обнаружилось при этомъ случаѣ то странное психическое настроеніе, которое овладѣвало и потомъ неразъ Наполеономъ и при томъ въ самыя рѣшительныя минуты этой роковой кампаніи. Его прежній столь ясный и проницательный взглядъ какъ-бы омрачался въ такія минуты; онъ вдругъ впадалъ въ нерѣшительность и совершенно несвойственную ему апатію; онъ начиналъ смотрѣть на вещи чрезъ какія-то обманчивыя очки, наброшенные на него непонятнымъ самообольщеніемъ. Какъ объяснить такіе психологическіе моменты? Императоръ, говорятъ намъ сторонники такъ называемаго естественнаго объясненія событій, дошелъ въ это время до такого состоянія, когда онъ не терпѣлъ противорѣчія не только въ людяхъ, но и въ обстоятельствахъ, когда онъ воображалъ, что все должно дѣлаться такъ, какъ предначерталъ онъ это напередъ въ своемъ всеобъемлющемъ умѣ. Но откуда могло возникнуть подобное психическое состояніе? развѣ событія предшествующей кампаніи не должны были поколебать въ самомъ основаніи самообольщенія и самоувѣренности, воспитанныхъ цѣлымъ рядомъ прежнихъ почти сказочныхъ успѣховъ? Къ тому-же не слѣдуетъ опускать изъ виду, что и въ этой кампаніи наступали моменты, когда военный геній Наполеона, его прежняя орлиная проницательность обнаруживались во всемъ своемъ блескѣ. Спрашивается, почему-же свѣтъ этого генія вспыхивалъ теперь лишь по временамъ, почему какая-то непонятная сила поражала и ослѣпляла его въ тѣ моменты, когда участь войны висѣла на волоскѣ? Люди вѣрующіе вмѣстѣ съ Леопольдомъ Ф. Ранке, что рука Бога проявляется иногда воочію надъ судьбами народовъ, не затруднятся сказать, что это была за сила; они поймутъ, что само Провидѣніе ополчилось въ это время противъ великаго завоевателя, что его конечное паденіе и гибель не были результатами какихъ-то психическихъ непонятныхъ моментовъ, а рѣшены были свыше соизволеніемъ Божественнаго Промысла.

¹⁾ Napoleon als Feldherr, von Iork von Wartenburg, T. II, стр. 263.

Въ теченіе 22 ¹⁾ августа французы продолжали тѣснить отступающія войска Блюхера, но императоръ уже не слѣдовалъ за ними. Онъ возвратился въ глубокомъ раздумьѣ съ полунути въ Лёвенбергъ и здѣсь ожидало его тревожное извѣстіе. Маршалъ Сень-Сиръ доносилъ, что Богемская армія союзниковъ готовится вторгнуться въ Саксонію, что онъ опасается за Дрезденъ. Наполеонъ воспрянулъ мгновенно. Онъ рѣшился поспѣшить на помощь своему главному опорному пункту, не теряя ни минуты времени. Дальнѣйшее преслѣдованіе Блюхера возложено было на Макдональда. Ему оставлены были для этой цѣли III и XI корпуса и кавалерія Себастиани; всѣ остальные войска двинуты были форсированными маршами къ Дрездену.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней Наполеонъ все еще оставался въ невѣдѣніи на счетъ направленія, взятаго арміею Шварценберга, но онъ былъ готовъ на всѣ случайности, и планъ, составленный имъ для отраженія непріятельскаго нападенія, носилъ на себѣ всѣ признаки его военнаго генія.

„Я отправляюсь въ Штольпенъ, писалъ онъ 24 числа. Завтра моя армія будетъ сосредоточена тамъ. Я проведу въ Штольпенѣ 26 число, чтобы окончить мои приготовленія и распредѣлить мои колонны. 26 ночью я двину мои колонны на Кенигштейнъ и на разсвѣтъ 27 займу съ 100,000 ч. лагерь подъ Пирною. Я буду оперировать такимъ образомъ, чтобы пачать нападеніе на Геллендорфъ въ 7 часовъ утра и къ полудню овладѣть имъ. Я расположусь поперекъ большой Геллендорфской дороги. Я завладѣю Пирною. Я буду держать на готовѣ два моста, чтобы въ случаѣ надобности перейти черезъ Эльбу. Непрiятель быть можетъ будетъ наступать по дорогѣ на Петерсвалде, тогда я зайду ему въ тылъ со всею моею арміею; тогда какъ онъ можетъ сосредоточить свою линію въ теченіе пяти дней. Но можетъ случиться и такъ, что непріятель возметъ направленіе черезъ Коммотау на Лейпцигъ, тогда Дрезденъ будетъ обезпеченъ отъ нападенія, и я буду ближе къ Богеміи и Прагѣ, нежели Шварценбергъ.

¹⁾ 10-го августа ст. ст.

Я тогда пойду туда, маршалъ Сепъ-Сиръ послѣдуетъ за непріателемъ, а на берегу Эльбы я расположу 30,000 кавалеріи, такъ что непріатель вообразитъ, что вся моя армія сосредоточена подъ Дрезденомъ“¹⁾).

Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ придуманной имъ ловушки, но онъ хорошо понималъ, что планъ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, если Дрезденъ не подвергнется энергическому нападенію союзниковъ, если ему не будетъ грозить опасность быть взятымъ въ теченіе сутокъ. А между тѣмъ эта опасность не замедлила наступить. Наполеонъ не ошибся на счетъ первоначальнаго направленія арміи Шварценберга. Стратеги въ главной квартирѣ союзниковъ, несмотря на Трахенбергскій планъ, не чувствовали ни малѣйшаго желанія дѣйствовать наступательно противъ Наполеона. По своему обычаю, они тратили время въ безконечныхъ и бесплодныхъ совѣщаніяхъ до тѣхъ поръ, когда получены были достовѣрныя свѣдѣнія, что Наполеонъ направляетъ главныя массы своихъ войскъ противъ Бернадота и Блюхера. Теперь невозможно уже было медлить далѣе и на военномъ совѣтѣ въ Мельникѣ рѣшено было предпринять наступательное движеніе по лѣвому берегу Эльбы, въ направленіи къ Лейпцигу²⁾).

Рѣшеніе принятое на военномъ совѣтѣ исполнялось, впрочемъ, съ медленностью, искони свойственною австрійскому генеральному штабу. 19 августа³⁾ союзная армія сосредоточена была на Эгерѣ, — 20-го передовыя войска расположились на богемскомъ склонѣ Рудныхъ горъ, начиная отъ Теулица на востокъ до Шлакенверта на западѣ. За ними стояли главныя силы, раздѣленные на четыре колонны. Витгенштейнъ

1) Письмо къ Маре герцогу Бассано изъ Лёвенберга отъ 23 августа по полудни.

Congrespondance de Napoleon I, T. 26, стр. 141—143.

2) Любопытно, что рѣшеніе дѣйствовать наступательно предпринято было въ Мельникѣ, единственно, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, что Наполеонъ направляетъ главныя силы свои противъ Бернадота, что было совершенно невѣрно. См. Беригарди, записки Толля, Т. III, стр. 123.

3) 7-го августа ст. ст.

впереди Теплица, Клейсть съ пруссаками подъ Бриксомъ, австрійская армія по дорогѣ изъ Коммотавы въ Маріенбергъ, австрійскій корпусъ Кленау близъ Шлакенверта. Весь слѣдующій день прошелъ въ полномъ бездѣйствіи. Совершенное незнаніе расположенія и намѣреній непріятели, опасеніе, что Наполеонъ можетъ броситься на Богемію и занять Прагу въ тылу союзной арміи, не давали покоя союзнымъ вождямъ, задерживали каждый шагъ впередъ, вызывали новыя совѣщанія и несогласія. Только полученныя наконецъ извѣстія, что армія Блюхера двинулась впередъ, что она гонитъ передъ собою французовъ, что самъ Наполеонъ стоитъ въ Лузаціи подали Шварценбергу и его штабу смѣлость двинуться далѣе. Союзная армія перевалила черезъ Рудныя горы и вступила въ Саксонію. Нигдѣ не видно было, однако-же, непріятели. Передовые отряды союзниковъ лишь изрѣдка встрѣчались съ кавалерійскими разъѣздами французовъ, быстро исчезающими передъ ними. Ничто не обнаруживало близость большихъ непріятельскихъ массъ; вся Саксонія вплоть до самаго Лейпцига лежала открытая передъ союзниками. Гдѣ же скрывался непріятель, неужели Наполеонъ отвелъ все свои войска за Эльбу? Загадка не замедлила разъясниться. Передовые казаки захватили въ плѣнъ адъютанта маршала Сенъ-Сира, отправлявшагося съ чрезвычайно важными дещами въ южную Германію къ маршалу Ожеро. Изъ этихъ дещей союзные вожди могли убѣдиться окончательно, что во всей западной Саксоніи вовсе нѣтъ непріятельскихъ войскъ, что Дрезденъ прикрытъ только однимъ корпусомъ Сенъ-Сира, что главные силы Наполеона расположены на правомъ берегу Эльбы. Извѣстія эти показались, не безъ основанія, чрезвычайно важными императору Александру. Немедленно же пригласилъ онъ къ себѣ на совѣщаніе князя Шварценберга и главныхъ лицъ его штаба, Толя и другихъ находившихся при немъ русскихъ генераловъ, Моро и Жюмини ¹⁾. На совѣтѣ составилось убѣжденіе, что дальнѣйшее движеніе на Лейпцигъ не имѣетъ смысла, что необходимо

¹⁾ Совѣщаніе происходило въ Цѣблицѣ, въ Саксоніи.

повернуть армію на Дрезденъ, во-первыхъ потому, чтобы не подвергнуть опасности корпусъ Нитгенштейна между Пирною и Дрезденомъ, отдѣленный въ настоящій моментъ отъ остальныхъ колоннъ союзной арміи трудно проходимою горною мѣстностью; во-вторыхъ, чтобы не дать непріятелю возможности, воспользовавшись удаленіемъ арміи, вторгнуться изъ Лузаціи въ Богемію, завоевать Прагу и зайти въ тылъ союзникамъ; въ третьихъ, чтобы воспользоваться настоящимъ положеніемъ французской арміи для быстраго взятія Дрездена.

Хотя далеко не всѣ союзные генералы раздѣляли сложившееся такимъ образомъ мнѣніе, хотя къ числу несогласныхъ принадлежали такіе выдающіеся военные авторитеты, какъ Толь и Барклай-де-Толли ¹⁾, но тѣмъ не менѣе положено было тотчасъ-же привести въ исполненіе рѣшеніе военнаго совѣта. Движеніе на Дрезденъ сопряжено было, однако-же, съ великими трудностями для союзныхъ войскъ. Весь склонъ Рудныхъ горъ, направленный къ сторонѣ Саксоніи, изрѣзанъ глубокими рѣчными долинами, съ чрезвычайно крутыми, разорванными берегами. Двигаясь на востокъ параллельно главному горному хребту, союзныя войска принуждены были переходить черезъ всѣ эти безчисленныя долины. Имъ приходилось двигаться по первобытнымъ проселочнымъ дорогамъ, изрытымъ и испорченнымъ дождями, заваленнымъ мѣстами громадными камнями, совершенно неудобнымъ для движенія артиллеріи и обозовъ. Спустившись съ величайшимъ трудомъ на дно долинъ, они должны были взбираться еще съ большими трудностями на противоположный крутой склонъ. Люди выбивались изъ силъ въ этой страшной борьбѣ съ мѣстностью, обозныя и артиллерійскія лошади падали и околѣвали отъ изнеможенія, въ узкихъ мѣстахъ дороги загромождались брошенными орудіями, лафетами и фурами ¹⁾.

¹⁾ Барклай предлагалъ соединить сначала все войско подъ Фрейбергомъ, а затѣмъ уже идти оттуда, смотря по обстоятельствамъ, на Лейпцигъ или на Дрезденъ. Толь возставалъ противъ нападенія на Дрезденъ и совѣтовалъ, соединивъ всѣ войска въ крѣпкой позиціи подъ Динполюдисвальде, выждать дальнѣйшихъ предпріятій Наполеона. См. Веригарди, записки Толя, Т, III, стр. 138.

¹⁾ Движеніе союзныхъ войскъ крайне затруднялось сопровождавшими ихъ

Несмотря на всё эти трудности, союзная главная квартира прибыла уже 24 августа въ Дипполдисвальде ¹⁾ неподалеко отъ Дрездена. Въ то же самое время Витгенштейнъ, стоявшій на правомъ крылѣ союзниковъ, занялъ Пирну и подвинулся къ Гросъ-Зедлицу, оставивъ для наблюденія за горною крѣпостью Кенигштейномъ и мостами черезъ Эльбу одинъ изъ своихъ корпусовъ подъ начальствомъ герцога Евгенія Виртембергскаго. За Дипполдисвальде у Беервалде и Гекендорфа расположились пруссаки подъ начальствомъ Клейста и масса австрійской арміи, за исключеніемъ корпуса Кленау. Что-же касается до остальныхъ союзныхъ войскъ, то онѣ находились еще далеко позади, въ горахъ. На слѣдующій день ²⁾, союзныя войска подвинулись къ самому Дрездену и императоръ Александръ, король прусскій и ихъ многочисленная свита, гонимые понятнымъ любопытствомъ, поспѣшили на небольшую возвышенность между Черницомъ и Кайцомъ, откуда открывается видъ на Дрезденъ и на долину Эльбы. Чудное, пестрое зрѣлище открылось передъ ихъ глазами. У ногъ ихъ растлалася живописная долина Эльбы,

громадными обозами. Особенною колоссальностью и неуклюжестью отличались австрійскіе обозы. Н. М. Муравьевъ говоритъ въ своихъ запискахъ. „Одно изъ большихъ золъ въ австрійской арміи—это обозы, коимъ нѣтъ конца. Когда австрійская армія истлѣла на переходахъ по Франціи, то оставались одни обозы; колонны огромныхъ, крытыхъ бѣлыхъ фуръ тащились по всѣмъ дорогамъ, грабили, разоряли край и останавливали движеніе войскъ; ибо съ остановкою одной фуры останавливался весь обозъ, такъ что русскіе начальники не находили другаго средства на починныхъ переходахъ, какъ посылать одного офицера впередъ къ первой фурѣ, чтобы разговориться съ австрійскимъ начальникомъ обоза, а между тѣмъ выпнуть изъ колеса передней фуры чеку: колесо сваливалось, фура ложилась на бокъ и вся колонна фуръезена останавливалась. Около заброшенной чеки собирался совѣтъ, который послѣ долгихъ разсужденій, наконецъ, рѣшался общими силами вставить новую чеку, между тѣмъ какъ наши войска и артиллерія обгоняли обозы. Сихъ домообразныхъ фуръ было нѣсколько тысячъ у австрійцевъ; большею частью онѣ были пустыя, а въ другихъ сидѣли офицерскія и солдатскія жены съ ребятишками, съ собачками и съ награбленными вещами. Къ сословію походныхъ маркитантовъ у австрійцевъ принадлежатъ иногда и офицерскія жены“. Н. М. Муравьевъ, записки, стр. 12.

¹⁾ 12-го августа стар. ст.

²⁾ 13-го августа ст. ст. 25-го новаго стиля.

усѣянная безчисленными садами, рощами, деревушками, загородными вилами. Почти въ самомъ центрѣ панорамы возвышался Дрезденъ, красивая столица саксонскихъ королей съ своими укрѣпленными предмѣстiями, высокими башнями и колокольнями, съ своимъ каменнымъ мостомъ черезъ Эльбу. На противоположномъ крутомъ склонѣ долины вилась дорога въ Бауценъ, но на ней не замѣтно было никакого особеннаго оживленiя. Передъ городомъ ближе къ позиціямъ союзниковъ простирался обширный королевскiй садъ, бѣлая ограда котораго ярко блистала на солнцѣ, а тамъ вдали возвышались грозные утесы Лиліентейна и Кенигштейна, какъ будто готовые ежеминутно обрушиться въ Эльбу. И вся эта картина оживлена была въ этотъ день совершенно особымъ, необычайнымъ образомъ. Со всѣхъ возвышенностей, окаймлявшихъ Дрезденъ съ юго-западной стороны, надвигались колонны союзныхъ войскъ; передовые отряды повсюду уже спустились въ долину и завязали перестрѣлку съ французскими форпостами ¹⁾. Вездѣ у окраинъ деревушекъ, въ садахъ и рощахъ, на открытыхъ полянахъ и лужайкахъ подымались небольшiе бѣловатые дымки и быстро разсѣвались въ воздухѣ. Тамъ и сямъ, то на сторонѣ союзниковъ, то съ валовъ предмѣстiй, вырывались громадныя клубы дыма, и закрывали на минуту окрестность. Трескотня ружейной пальбы не умолкала ни на минуту; лишь изрѣдка покрывалась она глухими раскатами орудiйныхъ выстрѣловъ.

Съ возрастающимъ любопытствомъ всматривались монархи въ эту картину. На ихъ глазахъ бой принималъ все большее и большее оживленіе. Союзники наступали повсемѣстно; ихъ стрѣльцовая линiя быстро подавалась впередъ. Французскiе застрѣльщики, отстрѣливаясь, уходили отъ нихъ и искали прикрытiя то за оградами и домами предмѣстiй, то въ гущинѣ королевскаго сада. Все указывало, повидимому, на легкiй и быстрый успѣхъ. Не подлежало ни малѣйшему со-

¹⁾ Моро, бывший при государяхъ, замѣтивъ французскихъ солдатъ, сказалъ со вздохомъ: „Вотъ они, солдаты, которыхъ я такъ часто водилъ къ побѣдѣ“. Бернгарди, Т. III, стр. 142.

мнѣнію, что Дрезденъ былъ занятъ лишь незначительными непріятельскими массами, что укрѣпленія предмѣстій, построенныя на скорую руку, легко могутъ быть взяты штурмомъ. Успѣхъ былъ возможенъ, однако-же, лишь при одномъ условіи: наивозможно скорѣйшей быстротѣ и рѣшительности дѣйствій. Необходимо было двинуть на городъ всѣ войска, бывшія подъ рукою, не дожидая прибытія резервовъ, надлежало, отбрасывая въ сторону всѣ соображенія посторонняго характера, воспользоваться многочисленною союзною артиллеріею, открыть сильпѣйшій огонь по городу и вызвать тѣмъ смятеніе и страхъ среди многочисленнаго населенія и гарнизона. Всякое промедленіе было неумѣстно и могло повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія. Въ главной квартирѣ союзниковъ хорошо было извѣстно, что Наполеонъ съ главными своими силами находится не подалеку всего лишь въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Дрездена, что онъ можетъ явиться въ городъ съ сильными подкрѣпленіями черезъ какіе-нибудь сутки, и что всѣ шансы успѣха могутъ перейти въ такомъ случаѣ на сторону противника. Рѣшительность и быстрота, какъ ни желательны онѣ были въ настоящемъ случаѣ, не были, однако, вовсе, въ характерѣ главной квартиры союзниковъ. Какъ во всѣхъ критическихъ случаяхъ, такъ и теперь дѣло началось съ военнаго совѣта. Совѣтъ этотъ собрался на открытомъ полѣ вокругъ императора Александра и короля прусскаго. Всѣ присутствующіе генералы были на коняхъ, но эти необычныя условія не исключали ни обычной продолжительности преній, ни рѣзкихъ противорѣчій. Князь Шварценбергъ игралъ, по обыкновенію, крайне двусмысленную и жалкую роль. Руководимый своимъ менторомъ, генераломъ Лангенау, онъ не прочь былъ въ душѣ предпринять немедленное-же нападеніе на Дрезденъ, но замѣчая, что весьма многія и при томъ вліятельныя лица, держатся противоположнаго взгляда, онъ не рѣшался высказать открыто свое мнѣніе. Присутствующіе генералы вовсе не обращали вниманія на номинальнаго главнокомандующаго. Взоры всѣхъ устремлены были на императора Александра, отъ него ожидали всѣ окончательнаго рѣшенія. Одинъ изъ первыхъ за-

говорилъ генераль Жомини. Опъ высказался въ пользу немедленнаго-же штурма, но противъ него возсталъ рѣшительно Моро. „Государь“, замѣтилъ онъ, обращаясь къ императору Александру, „мы потеряемъ двадцать тысячъ человѣкъ и разобьемъ себѣ головы. Не должно деморализовать своихъ войскъ въ самомъ началѣ“ ¹⁾. Въ такомъ-же смыслѣ высказался Толь. Онъ не совѣтовалъ штурмовать города, а предлагалъ расположиться на высотахъ подъ Дрезденомъ и разстраивать изъ этой центральной позиціи всѣ предпріятія Наполеона, на какую-бы сторону ни направлялись они. Императоръ Александръ видимо колебался нѣкоторое время между этими противоположными мнѣніями, но, наконецъ, онъ рѣшительно склонился на сторону Моро и Толя. Совѣтъ окончился, все было, повидимому, рѣшено; но въ теченіи ночи произошло нѣчто совершенно неожиданное и непонятное. Князь Шварцбергъ, возвратившись въ свою квартиру и оставшись наединѣ съ своимъ неизмѣннымъ Лангенау ²⁾, рѣшился вопреки мнѣнію военнаго совѣта предпринять штурмъ на Дрезденъ и склонить на это предпріятіе во чтобы то ни стало императора Александра. Тутъ-же въ ночной тишинѣ составлена была диспозиція штурма и разслана на всякій случай по войскамъ. Диспозиція составлена была въ томъ-же духѣ, какъ и всѣ австрійскія диспозиціи того времени. Она напоминала начальникамъ частей самыя элементарныя правила военнаго построенія, какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь ученіи, или маневрахъ въ мирное время. „Первая колонна“, говорилось въ ней, маршируетъ налѣво, дабы развернуться направо; точно также двигается вторая; средняя колонна наступаетъ изъ середины и т. д.“. Утверждая такимъ образомъ

¹⁾ Sire, говорилъ Моро, nous sacrifierons vingt mille hommes et nous nous casserons le nez, (буквально: я разобьемъ себѣ носъ). Il ne faut pas demoraliser nos troupes“.

²⁾ Несомнѣнно, что Лангенау былъ главнымъ виновникомъ штурма, но что могло побудить именно его, человѣка въ высшей степени трусливаго и нерѣшительнаго, къ такому шагу,—сказать трудно. Но всей вѣроятности Лангенау полагалъ, что Наполеонъ не можетъ поспѣть въ Дрезденъ, такъ какъ онъ находится далеко въ Силезіи. Беригарди, Т. III, стр. 145.

союзныхъ генераловъ въ основныхъ правилахъ элементарной тактики, диспозиція напоминала имъ въ тоже время, что предпріятіе на Дрезденъ не есть собственно штурмъ, а только попытка. Сообразно такому опредѣленію, для нападенія на Дрезденъ назначалась лишь незначительная часть союзныхъ войскъ, всего около 40,000 человѣкъ. Войска эти раздѣлялись на четыре колонны, изъ которыхъ каждая должна была только производить демонстраціи и избѣгать особенной потери людей. Наступленіе должно было начаться лишь на другой день, т. е. 26-го августа въ 4 часа пополудни ¹⁾.

Это курьезное произведеніе австрійской стратегіи противорѣчило всѣмъ основнымъ правиламъ военной науки, а еще болѣе настоящему положенію дѣлъ. Предпринимать демонстраціи съ 40,000 человѣкъ, въ то время, когда подъ рукою было цѣлыхъ 200,000 солдатъ, горѣвшихъ петербургскимъ помѣряться силами съ непріятелями, не значило-ли это тратить понапрасно время и людей. Къ тому-же всякое предпріятіе на Дрезденъ, возможное еще 24 часа тому назадъ, становилось теперь если и не невысказаннымъ, то во всякомъ случаѣ крайне рискованнымъ дѣломъ. Съ часу на часъ можно было ожидать, что положеніе дѣлъ въ городѣ можетъ измѣниться самымъ роковымъ для союзниковъ образомъ, что Наполеонъ успѣетъ не только подкрѣпить Дрезденскій гарнизонъ сильными войсками, но и прибудетъ самъ на мѣсто боя. Какъ ни естественны, какъ ни настоятельны были всѣ эти соображенія, но они очевидно не приходили въ голову князю и его совѣтникамъ, по что всего изумительнѣе, — Шварценбергу удалось добиться согласія императора Александра на свой демонстративный штурмъ; — какими путями и средствами? на этотъ вопросъ доступные намъ источники не даютъ никакого отвѣта ²⁾.

¹⁾ Подробности диспозиціи см. у Бернгарди, Т. III, стр. 146—147.

²⁾ Что императоръ Александръ считалъ еще вечеромъ 25-го числа штурмъ окончательно отыѣненнымъ, видно изъ письма его къ Блюхеру, гдѣ мы читаемъ слѣдующія строки: „Nous aurons pu emporter cette ville pier, si les mauvais chemins et les defile's nous a vaient permis d'arriver à temps; mais l'ennemi y ayant réuni des forces suffisantes pour rendre l'attaque trop chere, nous

Въ то время, когда Шварценбергъ и Лангевау сочиляли свою странную диспозицію, Наполеонъ съ массами своей арміи былъ уже на пути къ Дрездену. Мы оставили императора французовъ въ Лузаціи, занятого своимъ планомъ вторженія въ Богемію, но готового въ тоже время ко всѣмъ другимъ случайностямъ. Еще 25 числа вечеромъ, Наполеонъ въ письмѣ къ Сень-Сиру выражаетъ надежду, что маршалъ успѣетъ продержаться въ Дрезденскихъ укрѣпленіяхъ хотя нѣсколько дней, но уже въ тотъ-же день получены были отъ Сень-Сира и Мюрата, посѣтившаго мимоходомъ Дрезденъ, самыя тревожныя извѣстія о положеніи города. Наполеонъ видимо не довѣрялъ этимъ вѣстямъ; желая получить возможно точныя свѣдѣнія, онъ еще изъ Бауцена послалъ въ Дрезденъ своего ординарца Гурго. Гурго прискакалъ обратно изъ Дрездена въ Штольценъ въ одиннадцать часовъ ночи того же 25-го числа. „Положеніе города самое отчаянное“, доносилъ онъ Наполеону. „Непріятели уже покушались овладѣть укрѣпленіями, и если-бы дѣйствовали рѣшительнѣе, то достигли-бы своей цѣли. Дрезденъ будетъ вскорѣ обложенъ со всѣхъ сторонъ, и тогда участь его рѣшится. Положеніе Сень-Сира весьма сомнительное; онъ предполагаетъ уже очистить большой садъ“. — „А герцогъ Бассанскій“, прервалъ Наполеонъ посланца. „что думаетъ онъ?“ — „Государь, онъ полагаетъ, что городъ не въ состояніи держаться въ продолженіи сутокъ“ — „А вы!“ — „Изъ всего мною видѣннаго, я убѣдился, что городъ будетъ взятъ завтра, если ваше величество не поспѣшите туда“. — „Вы заставляете меня измѣнить мой планъ дѣйствій. Могу-ли я быть увѣренъ въ истинѣ вами сказаннаго“. — „Государь ручаюсь въ томъ головою“, отвѣчалъ Гурго ¹⁾).

Рѣшаясь измѣнить свой планъ, какъ ему казалось въ силу необходимости, Наполеонъ не могъ, однако-же, отказаться

allons continuer de manoeuvrer jnsqu'a ce que ses projets soient mieux développés“. Письмо къ Блюхеру отъ 25 числа вечеромъ, у Бернгарди, Т. III, ст. 147.

¹⁾ Разсказъ Гурго мы находимъ въ его мемуарахъ, а также въ сочиненіи Тьера, томъ XVI, 315--319, Fain, II, стр. 256—259.

отъ мысли вторженія въ Богемію. То, что предполагалъ онъ предпринять самъ во главѣ 160,000 арміи, онъ рѣшился возложить теперь на генерала Вандамма, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи 40,000 корпусъ отборнаго войска. Вандамму предписано было двинуться на Пирну, завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ и дорогою на Петерсвальде, зайти такимъ образомъ въ тылъ союзникамъ и заградить имъ всѣ пути отступленія въ Богемію. Экспедиція Вандамма построена была на томъ совершенно вѣрномъ предположеніи, что Наполеону удастся отразить покушеніе союзниковъ на Дрезденъ и отбросить ихъ колонны къ узкимъ и неудобнымъ проходамъ черезъ Рудныя горы. Генералу внушено было дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, атаковать и истребить все, что попадется ему на встрѣчу, захватить артиллерію и обозы союзниковъ. Все было предусмотрѣно и рассчитано какъ нельзя лучше, но ставя во главѣ такого важнаго предпріятія Вандамма ¹⁾, Наполеонъ совершилъ крупную ошибку, имѣвшую самыя роковыя послѣдствія на весь дальнѣйшій ходъ кампаніи. Вандамму, человѣкъ въ высшей степени грубый и жестокій, вызвавшій противъ себя ненависть всей Германіи своими грабежами и жестокостями въ Ганзейскихъ городахъ, обладалъ въ избыткѣ свирѣпою энергіею и бѣшеною отвагою, но ему недоставало тѣхъ качествъ, которыя должны быть присущи всякому истинному полководцу. У него не было ни вѣрнаго взгляда, ни быстрой сообразительности, ни находчивости, онъ былъ совсѣмъ неспособенъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Вандамму не представлялъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи исключенія изъ числа другихъ Наполеоновскихъ генераловъ. Всѣ они были храбрые солдаты и вѣрные исполнители приказаній императора, но, предоставленные самимъ себѣ, они тотчасъ-же теряли голову. „Хуже всего, го-

¹⁾ Наполеонъ отправилъ къ Вандамму, въ качествѣ совѣтника, осторожнаго и благоразумнаго инженернаго генерала Гаксо. Онъ велѣлъ передать черезъ него Вандамму, „что ему предоставлено довершить побѣду, не обращая вниманія на многочисленность толпы, спасающейся бѣгствомъ. Объясните мои виды Вандамму и передайте ему все, что я отъ него ожидаю. Никогда не представится ему лучший случай заслужить маршальскій жезлъ“. См. Гап, II, стр. 250.

ворилъ самъ Наполеонъ, это недовѣріе, которое питаютъ мои генералы къ самимъ себѣ. Силы непріятеля кажутся имъ подавляющими повсюду, гдѣ не присутствую я лично“ ¹⁾. „Каждый планъ, который предполагаетъ мое отсутствіе, влечетъ за собою такъ называемый правильный образъ веденіи войны; онъ даетъ непріятелю возможность воспользоваться своими преимуществами въ числѣ, въ кавалеріи, даже въ генералахъ и влечетъ мое дѣло къ вѣрной гибели“ ²⁾.

Да и сами маршалы ясно сознавали это роковое обстоятельство. „Боюсь, писалъ одинъ изъ нихъ, „что въ тотъ самый день, когда ваше величество одержите побѣду и будете думать, что вы выиграли рѣшительное сраженіе, вы узнаете, что вы проиграли два другихъ“ ³⁾. Но кто-же былъ виновникомъ такого страннаго явленія? Почему величайшій изъ мастеровъ военнаго искусства не приготовилъ себѣ достойныхъ учениковъ? Просто потому, что Наполеонъ не терпѣлъ на ряду съ собою никакой самостоятельности, что онъ смотрѣлъ на людей какъ на машины, что онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ лишь одного слѣпago и безусловнаго исполненія, что онъ запрещалъ имъ мыслить и дѣйствовать самостоятельно. И вдругъ, когда размѣры его предпріятій начали охватывать собою цѣлый міръ, когда ему пришлось вести войну разомъ на различныхъ концахъ Европы, онъ пожелалъ, чтобы эти машины превратились въ самостоятельныхъ мыслящихъ людей. Тщетное начинаніе. Воля деспота пошла здѣсь свой предѣлъ. Уже въ Испаніи и въ Россіи его маршалы не выдерживали возложеннаго на нихъ испытанія. Теперь въ моментъ послѣдней отчаянной борьбы они ока-

¹⁾ Эти слова мы читаемъ въ письмѣ Наполеона къ Маре изъ Левенберга отъ 23-го августа. *Correspondance de Napoleon I*, T. 26, стр. 132.

²⁾ Собственноручная замѣтка Наполеона отъ 30 августа Дрезденъ.

³⁾ „Раздѣливъ ваши силы, создавъ три арміи, отдаленныя одна отъ другой на большое разстояніе, Ваше Величество отказываетесь отъ тѣхъ выгодъ, которыя соединяются съ Вашимъ присутствіемъ на полѣ битвы, и я боюсь и т. д.“ Мемуары маршала Мармона, T. V, стр. 140.

Correspondance de Napoleon I, T. 26, Note sur la situation general de mes affaires стр. 179—182.

зались одинъ за другимъ неспособными и несостоятельными.

Отдавъ приказанія Вандамму, Наполеонъ двинулъ массу своихъ войскъ къ Дрездену. Его колонны подвигались впередъ съ невѣроятною быстротою. Онѣ дѣлали сорокаверстные переходы въ сутки ¹⁾, и уже утромъ 26-го августа, въ тотъ самый день, когда союзники собирались исполнять страшную диспозицію князя Шварценберга, передовые отряды французовъ явились въ виду Дрездена. Самъ Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ въ 9 часовъ утра. Никто не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, когда императоръ прискакалъ черезъ Эльбскій мостъ въ городъ. Его появленіе произвело неописанное одушевленіе въ войскахъ и совершенно успокоило населеніе Дрездена. Сдѣлавъ короткій визитъ своему вѣрному вассалу, королю саксонскому, Наполеонъ остановился, сидя на конѣ, у моста и самъ указывалъ направленіе быстро подходящимъ колоннамъ. Войска, по мѣрѣ того какъ они входили въ городъ, размѣщались по предмѣстьямъ, радостно привѣтствуемые усталыми баталіонами Сень-Сира. Вслѣдъ за тѣмъ императоръ осмотрѣлъ частью пѣшкомъ, частью на конѣ всѣ позиціи и укрѣпленія и замѣтилъ совершенно спокойно, обращаясь къ генералу Герсдорфу: „Ну, черезъ нѣсколько часовъ они нападутъ на насъ, а вѣдь на первый взглядъ это казалось совершенно невѣроятнымъ; не могутъ-же они не знать, что я уже здѣсь со всею моею арміею,—но мы проводимъ ихъ, я готовъ ко всему“ ²⁾.

Между тѣмъ на всѣхъ передовыхъ позиціяхъ давно уже кипѣла оживленная перестрѣлка. Союзники, готовясь къ штурму, старались оттѣснить, какъ можно далѣе къ предмѣстьямъ войска Сень-Сира.—Русскіе подъ предводитель-

¹⁾ Войска могли такъ быстро достигнуть Дрездена, лишь потому, что Наполеонъ велъ ихъ не теперешними маршевыми колоннами, а широкими фронтами, при чемъ онъ соединялъ въ одной короткой колоннѣ многочисленныя силы нѣсколько корпусовъ. См. Napoleon als Feldherr, Iork. Т. II, стр. 268.

²⁾ См. записки Герсдорфа. Въ этихъ словахъ Наполеона высказалось, какъ нельзя болѣе, его колоссальное самомибіе, не лишнее, впрочемъ, своего основанія.

ствомъ Витгенштейна завладѣли пѣсколькими усадьбами впереди Пирнскаго предмѣстья, пруссаки проникли въ большой садъ и шагъ за шагомъ подвигались въ немъ впередъ, влѣво отъ нихъ, австрійцы выгнали французовъ изъ деревни Лебеды.—Императоръ Александръ, сопровождаемый главными лицами своего штаба, уже съ ранняго утра выѣхалъ на Рекницкія высоты. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣмъ происходившимъ. Его привлекалъ не столько бой, кипѣвшій у ногъ его въ долину, сколько то оживленіе, которое замѣчалось на противоположномъ берегу Эльбы. Дорога къ Бауцену, еще вчера почти пустынная, была покрыта теперь безконечными колоннами непріятельскихъ войскъ. Одна за другою спускались онѣ по крутому склону долины и бѣглымъ шагомъ вступали на мостъ. Артиллерія Витгенштейна, расположенная на высотахъ лѣваго берега, открыла огонь по непріятелю, но не въ состояніи была задержать его движенія, или причинить ему серьезный уронъ. Въ этотъ самый моментъ императору донесли, что, по свѣдѣніямъ перекрѣжчиковъ, Наполеонъ находится уже въ Дрезденѣ.

Александръ тотчасъ-же понялъ, что нападеніе на Дрезденъ при такихъ условіяхъ было-бы непростительною глупостью. Онъ обратился къ окружающимъ его лицамъ и всѣ они, безъ исключенія, согласились съ его мнѣніемъ. Даже Жюмини, такъ настойчиво совѣтовавшій штурмъ, предлагалъ теперь, подобно Толю, отвести войска въ Диппольдисвальде и занять тамъ центральную позицію. Императоръ послалъ за княземъ Шварценбергомъ, сообщилъ ему свои наблюденія и главнокомандующій, бывшій на этотъ разъ одинъ, безъ своего начальника штаба, согласился, что нападеніе на Дрезденъ теперь невысказано ¹⁾. Онъ объявилъ, что разыщетъ немедленно-же начальника своего штаба и отдастъ ему приказъ объ отмѣнѣ диспозиціи. Поистинѣ австрійская мето-

¹⁾ На совѣщаніи присутствовалъ и король прусскій. Онъ также высказался противъ штурма, но возражалъ и противъ отступленія къ Диппольдисвальде, считая его, какъ и всякое отступленіе вообще, дѣломъ совершенно не мотивированнымъ и постыднымъ. „Это значитъ, говорилъ онъ, бѣжать передъ однимъ появленіемъ, передъ однимъ именемъ Наполеона“. См. Бернгарди, Т. III, стр. 159.

личность! Какъ будто можно было при такихъ обстоятельствахъ заниматься подобными чисто канцелярскими формальностями, какъ будто приказъ объ отмѣнѣ штурма не могъ быть тотчасъ-же разосланъ по войскамъ черезъ адъютантовъ и ординарцевъ, находившихся постоянно при князѣ. Но этого мало. Произошло нѣчто еще болѣе австрійское! Шварценбергъ уѣхалъ и не возвращался болѣе. Часы проходили, наступилъ назначенный моментъ штурма и, къ удивленію Александра, внезапно раздались четыре сигнальныхъ выстрѣла и союзныя колонны двинулись со всѣхъ сторонъ на штурмъ ¹⁾. Изумленіе и гнѣвъ Александра не знали границъ, но было уже поздно думать объ отмѣнѣ приказа. Оглушительный громъ нѣсколькихъ сотъ орудій потрясалъ всю окрестность; густыя облака дыма заволокли всю долину Эльбы, вдоль всей линіи предмѣстій завязался самый ожесточенный бой. Наступленіе союзниковъ было несравненно серьезнѣе и настойчивѣе, нежели предполагалось въ диспозиціи. Войска, давно уже рвавшіяся къ бою, съ ожесточеніемъ бросились на французовъ и повсемѣстно принудили къ отступленію баталіоны Сень-Сира. Пруссаки и русскіе совершенно выгнали непріятели изъ большого сада и сосѣднихъ мызь; австрійцы завладѣли люветомъ, находившимся впереди озернаго предмѣстія. Утвердившись въ этихъ пунктахъ, штурмовыя колонны пытались проникнуть въ предмѣстія, но такъ какъ онѣ не были снабжены ни лѣстницами, ни фашинами, то всѣ ихъ усилія перейти черезъ рвы и перебраться черезъ каменныя ограды садовъ, защищаемыя французскими стрѣлками, остались тщетными. Этимъ-то моментомъ замедленія и остановки непріятельской атаки воспользовался Наполеонъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ и быстротою. Внезапно огонь французской артиллеріи удвоился и изъ всѣхъ заставъ предмѣстія выступили бѣглымъ шагомъ густыя колонны пѣхоты. На лѣвомъ флангѣ наступалъ Мортъе съ двумя дивизіями

¹⁾ „Надо думать, замѣчаетъ Беригарди, что совѣтники князя успѣли переубѣдить его и затѣмъ съ намѣреніемъ удерживали его вдали отъ монарховъ“. Беригарди, Т. III, стр. 160.

молодой гвардіи, поддержанными кавалерією Латуръ-Мобура. Рѣшительнымъ патискомъ отбросилъ онъ войска Витгенштейна до Штризена и оттѣснилъ пруссаковъ до середины большаго сада. Двѣ другія французскія колонны, подъ предводительствомъ Нея, ударили на австрійцевъ, отняли у нихъ завоеванный люнетъ и оттѣснили ихъ до самыхъ Рекницкихъ высотъ. Наступила темнота и штурмъ союзниковъ отбитъ былъ на всѣхъ пунктахъ съ громаднымъ для нихъ урономъ.

Австрійскій штабъ сразу утратилъ свой воинственный пылъ. Уныніе и трусость заступили мѣсто прежней самоувѣренности. Шварценбергъ и Лапгенау объявили, что теперь не остается иного исхода, какъ поспѣшно отступить въ Богемію; но императоръ Александръ, король прусскій, русскіе и прусскіе генералы рѣшительно возстали противъ этого предложенія. Положено было оставаться на высотахъ въ виду Дрездена и ожидать дальнѣйшихъ предпріятій Наполеона ¹⁾.

Между тѣмъ гроза собиралась въ тылу союзной арміи. Вандаммъ, подкрѣпленный двумя дивизіями, перешелъ черезъ Эльбу у Кенигштейна и пытался прежде всего завладѣть Пирнскимъ плоскогорьемъ. Безъ всякаго труда оттѣснилъ онъ небольшой отрядъ генерала Гельфрейха, назначенный для наблюденія за Кенигштейномъ, и двигаясь далѣе, встрѣтилъ у подошвы плоскогорья корпусъ герцога Евгенія Виртембергскаго, состоявшій всего лишь изъ 12,500 человекъ. Къ счастью, для союзной арміи, для успѣха великаго дѣла, судьба поставила здѣсь, на этомъ мѣстѣ человека, сразу понявшаго и свое собственное положеніе, и планы противника и всю великость возложенной на него задачи. Герцогъ Евгеній, на котораго указывалъ уже Кутузовъ, какъ на своего достойнаго преемника, понялъ, что движеніе Вандамма угрожаетъ всѣмъ сообщеніямъ союзниковъ, что оно можетъ имѣть, особенно въ случаѣ неудачи съ большой арміи подъ Дрезденомъ, самыя роковыя и ужасныя послѣдствія.

¹⁾ Такое рѣшеніе было принято, между прочимъ, и въ виду того, что союзники ожидали на слѣдующій день съ увѣренностью прибытія русской гвардіи и гренадеровъ, а также австрійскаго корпуса Кленау.

Понявъ цѣль и смыслъ непріятельскаго движенія, герцогъ Евгений рѣшился тотчасъ-же воспротивиться ему всѣми своими силами, хотя силы, бывшія въ его распоряженіи, были крайне ничтожны ¹⁾. Немедленно-же двинулся онъ на Пирпское плато и въ виду наступавшаго непріятели занялъ выгодную позицію между Кричвичемъ и Штруппеномъ. Подкрѣпленный кирасирскимъ полкомъ, присланнымъ ему на помощь великимъ княземъ Константиномъ, онъ съ необычайною стойкостью отражалъ въ теченіе цѣлаго дня всѣ атаки Вандамма, на сторонѣ котораго было четверное—превосходство силъ. Правда, Вандаммъ могъ переводить свои войска черезъ Эльбу лишь постепенно, онъ не могъ воспользоваться своею многочисленною артиллеріею, но все-же при меньшей стойкости русскихъ, ему удалось-бы навѣрное достиг-

¹⁾ О предпріятіяхъ герцога Евгенія единственныя точныя свѣдѣнія мы очерпаемъ изъ записокъ самого герцога и его адъютанта, ф. Гельдорфа; всѣ остальные источники и позднѣйшія сочиненія, за исключеніемъ одного Бергарди и лишь отчасти Богдановича, совершенно неудовлетворительны, крайне односторонни и пристрастны. По причинамъ, частью неразъяснимымъ, частью не подлежащимъ разъясненію и въ настоящее время, официальные донесенія и реляціи того времени систематически умалчиваютъ не только о принцѣ Евгениі, но и обо всемъ его второмъ армейскомъ корпусѣ и приписываютъ всѣ подвиги, совершенные Евгениемъ и его войсками, другимъ лицамъ и другимъ войскамъ. На основаніи этихъ официальныхъ данныхъ писалъ свои сочиненія Михайловскій-Данилевскій, Астеръ, составившій громадную монографію о Кульмскомъ сраженіи, извѣстный пѣмецкій публицистъ Фальмерайеръ и другіе военные и не военные историкки. Когда въ 1833 г. поставленъ былъ памятникъ на мѣстѣ Кульмскаго побоища, то и въ надписи на этомъ памятникѣ не упомянуты были вовсе герцогъ Евгений и его войска. Тогда герцогъ обратился, по просьбѣ своихъ сподвижниковъ, съ письмомъ къ императору Николаю, въ которомъ просилъ государя о восстановленіи истины. Герцогъ получалъ чрезвычайно любезный отвѣтъ, но желаніе его оставалось неудовлетвореннымъ. Герцогъ Евгений, въ числѣ добродѣтелей котораго скромность занимада одно изъ первыхъ мѣстъ и который хорошо помнилъ слова, сказанныя ему императоромъ Александромъ на мѣстѣ Кульмскаго боя: „Я знаю, чѣмъ мы обязаны вамъ, но самоотверженіе есть высшая добродѣтель“, молчалъ и послѣ этого. Когда-же адъютантъ его ф. Гельдорфъ рѣшился наконецъ открыть міру истину, то Евгений принужденъ былъ подтвердить его рассказъ, сдѣлавшійся отнынѣ достояніемъ исторіи, своимъ авторитетомъ. Богдановичъ былъ первый изъ русскихъ писателей, воспользовавшійся свидѣтельствами герцога и его адъютанта, хотя онъ и старался, по своему обычаю, примирить ихъ съ господствующею традиціею.

нуть своей цѣли и сбросить герцога Евгенія съ высоты Пирнскаго плато. Евгеній хорошо, однако-же, понималъ, что удерживаться далѣе на занятой имъ позиціи безъ присылки подкрѣпленій рѣшительно невозможно. Немедленно-же отправилъ онъ въ главную квартиру союзниковъ адъютанта своего Гофмана съ настойчивою просьбою подкрѣпить какъ можно скорѣе его отрядъ. До возвращенія посланнаго, герцогу предстояло рѣшить самому чрезвычайно важный и тяжелый вопросъ. Оставленный безъ всякихъ точныхъ инструкцій, герцогъ самъ долженъ былъ теперь избирать одинъ изъ двухъ способовъ дѣйствій, повидимому, одинаково важныхъ и одинаково обязательныхъ для него. Онъ долженъ былъ или сосредоточить все свое вниманіе на охраненіи важнѣйшей и удобнѣйшей дороги изъ Дрездена въ Богемію, черезъ Петерсвальде и Ноллендорфъ къ Теплицу и Кульму, и обезпечить тѣмъ отступленіе союзной арміи въ случаѣ ея неудачи подъ Дрезденомъ, или-же онъ долженъ былъ заботиться исключительно о прикрытіи тыла союзной арміи, которому движеніе Вандаммы грозило величайшею опасностью. Герцогу казалось, что вторая задача пока несравненно важнѣе и настоятельнѣе первой, и онъ имѣлъ на это свои основанія, такъ какъ былъ твердо увѣренъ, что союзники отразятъ всѣ нападенія Наполеона подъ Дрезденомъ и во всякомъ случаѣ удержатся на своей позиціи при Дипольдисвальде. Принявъ такое рѣшеніе, Евгеній оставилъ на Пирнскомъ плато лишь небольшіе отряды для наблюденія за Вандаммомъ, занялъ главными своими силами новую позицію близъ Цешсты и послалъ опять нѣсколькихъ изъ своихъ адъютантовъ въ главную квартиру союзниковъ съ новыми просьбами о помощи.

Посланцы герцога долго не могли добиться, однако-же, никакого толку въ главной квартирѣ. Тамъ, гдѣ не было въ сущности единства власти, гдѣ распоряжались одновременно и императоръ Александръ, и Фридрихъ-Вильгельмъ, и князь Шварценбергъ, и генералъ Барклай-де-Толли, главнокомандующій русско-прусскими войсками въ Богемской арміи, тамъ было въ порядкѣ вещей, что офицеры, пріѣзжавшіе съ самыми важными извѣстіями, должны были отправляться отъ

одной власти къ другой, и что всѣ главноначальствующіе, какъ-бы сговорившись между собою, или оставляли ихъ безъ всякаго отвѣта, или посылали ихъ за таковыми къ другому лицу. Въ данномъ случаѣ случилось нѣчто еще болѣе страшное. Просьбы герцога Евгенія о помощи оставлены были безъ всякаго отвѣта, но за то въ его отрядъ посланъ былъ главнокомандующій, въ лицѣ графа Остермана-Толстаго. Записка, заключающая въ себѣ это неожиданное распоряженіе, была подписана графомъ Витгенштейномъ; но само собою понятно, что ни Витгенштейнъ, ни даже Барклай ¹⁾ не могли рѣшиться на подобный шагъ, что инициатива назначенія Остермана могла принадлежать лишь самому императору Александру. Чѣмъ-же могъ руководиться Александръ, отдавая подобный приказъ? По всей вѣроятности, императоръ не имѣлъ никакого точнаго понятія о положеніи дѣлъ подъ Пирною, о страшной опасности, грозившей отсюда и тылу союзной арміи и ея сообщеніямъ съ Богеміею. Онъ послалъ Остермана въ Пирну просто для того, чтобы отдѣлаться отъ этого страшнаго человѣка, только что возвратившагося въ армію по выздоровленіи отъ ранъ, полученныхъ имъ въ кампанію 1812 года и не дававшего ему покоя настойчивыми просьбами о новомъ назначеніи.

Графъ Остерманъ-Толстой едва-ли могъ выполнить съ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Онъ былъ человѣкъ безусловно храбрый, энергическій, честный и высокодаровитый, но въ то же время въ высшей степени нервный, раздражительный, вспыльчивый. Последнія раны и тяжелая, вынесенная имъ болѣзнь ухудшили его и безъ того уже ненормальное душевное настроеніе. Онъ былъ болѣнъ душою и тѣломъ, онъ самъ нуждался въ руководительствѣ и надзорѣ и неспособенъ былъ къ самостоятельной командѣ ²⁾.

¹⁾ Витгенштейнъ говорилъ впоследствии, что записка была написана не имъ, а Барклаемъ, тогда какъ Барклай далъ прямо понять Гофману, что назначеніе Остермана исходило не отъ него, а отъ самого императора Александра. См. Дневникъ принца Евгенія Helledorf, Т. II, стр. 137.

²⁾ Берягарди, Т. III, стр. 166. Богдановичъ говоритъ: „Графъ Остерманъ человѣкъ сноравнаго и раздражительнаго характера, извѣстный своими причудами“... Т. 4, стр. 171.

Назначеніе Остермана уже состоялось и самъ графъ отправился уже подъ Пирну, когда въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ узнали, наконецъ, отъ адъютанта герцога Евгенія, Гофмана, объ опасномъ положеніи дѣлъ въ тылу союзной арміи. Князь Шварценбергъ былъ пораженъ какъ громомъ этою вѣстью. Ничего не боялся онъ такъ, какъ непріятеля въ своемъ тылу; ни за что не трепеталъ онъ такъ днемъ и ночью, какъ за свои сообщенія съ Богеміею. Немедленно-же созвалъ онъ всѣхъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ. Всѣ они единогласно заявили, что необходимо удерживать во чтобы то ни стало важнѣйшій путь сообщенія съ Богеміею, дорогу на Петерсвальде и Ноллендорфъ. Князь Шварценбергъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ самое строгое внушеніе Гофману, а графъ Радецкій сказалъ, прощаясь съ адъютантомъ герцога Евгенія: „Сообщеніе съ Богеміею должно быть для васъ свято“¹⁾. Отославъ Гофмана, князь Шварценбергъ тотчасъ-же послалъ приказаніе генералу Барклаю подкрѣпить свѣжими войсками корпусъ герцога Евгенія. Барклай повиновался, но онъ послалъ въ подкрѣпленіе герцогу Евгенію такую часть войска и такого генерала, которые могли только усилить неурядицу въ главной квартирѣ Евгенія, вызванную пріѣздомъ туда Остермана-Толстаго. Въ помощь герцогу, двинута была первая гвардейская дивизія, т. е. именно та часть арміи, на которую смотрѣли какъ на избранную и которую крайне неохотно пускали въ серьезныя дѣла²⁾; къ довершенію бѣды, начальникомъ первой гвардейской дивизіи былъ ни кто иной, какъ генералъ Ермоловъ, относившійся далеко не дружественно къ герцогу Виртембергскому, и вовсе не расположенный подчиняться его авторитету.

Князь Шварценбергъ не ограничился, однако-же, одними распоряженіями о посылкѣ подкрѣпленій герцогу Евгенію. Извѣстіе, привезенное Гофманомъ, не давало ему ни минуты покоя. Хотя въ распоряженіи его было 200,000 войска, но

¹⁾ См. Дневникъ принца Евгенія Helldorf, Т. II, стр. 134.

²⁾ Что на гвардію смотрѣли именно такъ, а не иначе доказывается всѣми дальнѣйшими дѣйствіями не только Остермана и Ермолова, но и второстепенныхъ начальниковъ.

все же онъ впалъ въ окончательное уныніе, узнавъ, что на сообщеніи его въ Богемію стоитъ 40,000 непріятельскій корпусъ. Его совѣтники, и во главѣ всѣхъ Лангенау, вмѣсто того, чтобы успокоить князя и разсѣять его опасенія, раздували ихъ еще болѣе. Что-же удивительнаго, что робкій и нерѣшительный главнокомандующій думалъ теперь лишь объ одномъ поспѣшномъ отступленіи въ Богемію, что онъ совершенно отказался отъ мысли вступить съ Наполеономъ въ рѣшительный бой подъ Дрезденомъ и смотрѣлъ на предстоящее сраженіе лишь какъ на аррьергардное дѣло, назначенное для прикрытія отступленія главныхъ союзныхъ силъ. Какъ настоящій дипломатъ и кавалеръ, князь Шварценбергъ не рѣшился, однако-же, увѣдомить союзныхъ монарховъ о своихъ новыхъ рѣшеніяхъ и предпочелъ дѣйствовать на собственный страхъ и притомъ въ глубокой тайнѣ. Немедленно же отдалъ онъ диспозицію къ отступленію австрійскихъ войскъ изъ подъ Дрездена, начиная съ ранняго утра 27 августа ¹⁾. Уже на разсвѣтѣ австрійскіе обозы двинулись въ обратный путь въ Богемію. Войска, расположенныя въ видѣ резервовъ, также послѣдовали ихъ примѣру, и начали отступление въ 9 часовъ утра. Все это происходило въ то самое время, когда русская и прусская гвардія спѣшили форсированными маршами къ Дрездену и когда Наполеонъ собирался атаковать всѣми своими силами позиціи союзниковъ. Совпаденіе, быть можетъ, безпримѣрное во всей военной исторіи. Въ немъ выразились во всей своей полнотѣ и характеръ князя Шварценберга, и австрійской военно-политической системы ²⁾.

В. Жадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ 15-го августа стар. ст.

²⁾ Бернгарди, Т. III, стр. 168; Астеръ *Schilderung der Kriegsergebnisse in und vor Dresden*, стр. 328.

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(Продолженіе *).

VIII.

Два слова о „гусарскомъ“ принципѣ.

Въ предыдущей главѣ мы выслушали рассказъ графа о томъ, какъ онъ пытался „осмыслить“ обряды православиной Церкви, рассматривая ихъ съ своей собственной точки зрѣнія. Въ этой попыткѣ онъ пришелъ къ необходимости выбрать что нибудь одно: или отбросить обряды по причинѣ ихъ бессмысленности, или лгать, продолжая соблюдать ихъ. Мы оставили его между этими двумя противоположными теченіями. Въ своемъ аллегорическомъ плаваніи онъ лавируетъ теперь между Сциллой и Харибдой. Онъ ясно чувствуетъ, что ему нужно отбросить обряды и не лгать. Но онъ не дѣлаетъ этого сразу, а все еще пытается удержаться въ серединѣ между „лганьемъ“ и „отбрасываньемъ“. Трудное плаваніе; тѣмъ болѣе, что графъ, по этому невозможному пути, ѣдетъ съ таинственнымъ грузомъ. Мы въ концѣ этой главы увидимъ, что въ своей утлой ладѣ онъ плыветъ не одивъ, а съ сосѣдомъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 4.

Плаванье свое между „лганьемъ“ и „отбрасываньемъ“ и затѣмъ свой рѣшительный поворотъ къ послѣднему графъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Продолжая по прежнему исполнять обряды, говоритъ онъ, я все еще вѣрилъ, что въ томъ вѣроученіи, которому я слѣдовалъ, была истина (графъ слѣдовалъ, конечно, своему вѣроученію, но онъ выражается здѣсь такимъ образомъ, что это ученіе какъ-бы еще не отдѣлено отъ православнаго, какъ будто онъ вѣритъ не себѣ, а православію), и со мною происходило то, что теперь для меня ясно, но что тогда казалось страпнымъ. Слушалъ я разговоръ безграмотнаго мужика, странника и вообще простыхъ людей о Богѣ, о вѣрѣ, о жизни, о спасеніи—и знаніе вѣры (sic!) открывалось мнѣ. Сближался съ народомъ, слушая сужденія его о жизни, о вѣрѣ,—я все больше и больше понималъ истину. Тоже было со мною при чтеніи Четьи-Миней и прологовъ. Это стало любимымъ моимъ чтеніемъ. Исключая чудеса, смотря на нихъ, какъ на фэбулу, выражающую мысль, чтеніе это открывало мнѣ смыслъ жизни (sic!). Тамъ была жизнь Макарія Великаго, Іосафа царевича (исторія Будды ¹⁾), слова Іоанпа Златоуста, слова о чудесномъ колодцѣ, о монахѣ, нашедшемъ золото,—тамъ была исторія мучениковъ, всѣмъ заявлявшихъ одно, что смерть не исключаетъ жизни (однако не въ вашемъ „родовомъ“ смыслѣ, графъ); тамъ была исторія спасшихся безграмотныхъ, глухихъ и пезнающихъ ничего объ ученіи Церкви (беззавѣтно вѣрящихъ, нужно прибавить, читатель). Но стоило мнѣ сойтись съ учеными вѣрующими, или взять ихъ книги, какое-то сомнѣніе въ себѣ (пеужели?), недовольство, озлобленіе спора возникали во мнѣ, и я чувствовалъ, что чѣмъ больше и вникаю въ ихъ рѣчи, тѣмъ больше отдаляюсь отъ истины (отъ своей) и иду къ пропасти (графъ разумѣетъ вѣроятно православное ученіе подъ этою пропастію). Сколько разъ я завидовалъ мужикамъ за ихъ безграмотность и пеученость. Пзъ тѣхъ положеній вѣры, изъ которыхъ для меня выходили яв-

¹⁾ Это скобки графа. Очевидно, въ составъ Четьихъ-Миней графъ помѣщаетъ и народныя легенды.

ныя безсмыслицы, для нихъ не выходило ничего ложнаго, они могли принимать ихъ и могли вѣрить въ истину (одновременно); въ ту истину, въ какую я вѣрилъ. Только для меня несчастнаго ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена съ ложью. (въ воззрѣнiяхъ православныхъ, конечно) и что я не могу принять ее въ такомъ видѣ (въ чемъ-же тутъ несчастье?). Такъ я жилъ года три (!) и первое время, когда я, какъ оглашенный, только понемногу приближался къ истинѣ (конечно своихъ собственныхъ воззрѣнiй), только руководимый чутьемъ шелъ туда, гдѣ мнѣ казалось свѣтлѣе,—эти столкновения менѣе меня поражали (но все-таки поражали, какъ видите). Когда я не понималъ чего-нибудь (т. е. когда не могъ перетолковать чего-либо въ смыслѣ своего ученiя), я говорилъ себѣ: „я виноватъ, я дурень“. Но чѣмъ больше я сталъ проникаться тѣми истинами, которымъ я учился (т. е. которыя графъ образовывалъ изъ смѣси Спенсера съ Фейербахомъ), чѣмъ больше они становились основой жизни (еще со временъ Войны и Мира), тѣмъ тяжелѣе, разительнѣе стали эти столкновения и тѣмъ рѣзче становились тѣ черты, которыя есть между тѣмъ, чего я не понимаю, и тѣмъ, чего нельзя понять иначе, какъ солгавъ передъ самимъ собою. Несмотря на эти сомнѣнiя и страданiя, я еще держался православiя (вотъ, подумаешь, добровольный мученикъ-то!). Но явились вопросы жизни, которые надо было разрѣшить, и тутъ рѣшенiе этихъ вопросовъ Церковiю, противное самымъ основамъ той вѣры, которою я жилъ,—окончательно заставило меня отречься отъ общенiя съ православiемъ“.

Вы видите, что графъ все еще „по прежнему“ продолжалъ было соблюдать обряды и послѣ того, какъ ясно увидалъ альтернативу, что нужно или ихъ отбросить, или лгать. Но вы видите также, что онъ теперь уже не на обрядахъ сосредоточиваетъ свое вниманiе. Онъ интересуется разсказами безграмотныхъ мужиковъ, странниковъ и простыхъ людей; онъ читаетъ житiя и легенды; словомъ, онъ изучаетъ теперь „народное“ религиознае мiросозерцанiе. Слѣдовательно, не въ обрядахъ уже онъ ищетъ своего мнимо-всеобщаго

смысла жизни, а въ содержаніи народныхъ вѣрованій. Пусть и обряды тоже исполняются народомъ, но они не относятся къ этой всеобщей вѣрѣ, которою живетъ весь человѣческій родъ: они слишкомъ безсмысленны съ этой точки зрѣнія, или слишкомъ понятны, какъ крещеніе и евхаристія. Къ тому-же они принадлежатъ собственно не народу, а Церкви или „православію“. Но графъ уже теперь чувствуетъ, что православіе—ложь. Какъ при изученіи народныхъ воззрѣній онъ чувствовалъ, что „знаніе вѣры“ открывалось ему, такъ напротивъ—при изученіи православія, въ бесѣдахъ съ учеными и по ученымъ книгамъ, онъ чувствовалъ, что тѣмъ болѣе удаляется отъ истины, чѣмъ болѣе вникаетъ въ ихъ рѣчи. Графъ не показываетъ намъ, въ чемъ собственно состояло изученіе православія или православнаго міросозерцанія. Онъ заявляетъ въ предисловіи къ псевдо-евангелію и въ книгѣ подъ заглавіемъ „Въ чемъ моя вѣра“, что онъ излагаетъ результаты своихъ изысканій въ особенныхъ критическихъ сочиненіяхъ, которыя вѣроятно написаны уже послѣ того, какъ графъ убѣдился въ несостоятельности православнаго ученія, слѣдовательно, послѣ описываемаго имъ времени. Теперь-же онъ просто заявляетъ, что явились, наконецъ, вопросы жизни, которые послужили поводомъ къ его окончательному отреченію отъ православія, потому что рѣшеніе этихъ вопросовъ православіемъ было противно самымъ основамъ той вѣры, которою онъ жилъ. Вопросовъ этихъ было два: вѣроисповѣдной и вопросъ объ отношеніи Церкви къ войнамъ и казнямъ. Посмотримъ, что тутъ столь сильно смутило графа.

Графъ говоритъ: „Вопросы эти были: отношеніе православія къ другимъ церквамъ, къ католицизму и къ такъ называемымъ раскольникамъ. Въ это время, вслѣдствіе моего интереса къ вѣрѣ, я сближался съ вѣрующими разныхъ исповѣданій: католиками, протестантами, старообрядцами, молоканами и другими. И много я встрѣчалъ у нихъ людей высоконравственныхъ и истинно вѣрующихъ (конечно въ смыслѣ графа вѣрующихъ). Я желалъ быть братомъ этихъ людей. И что-же? То ученіе, которое обѣщало мнѣ соединить всѣхъ

людей единою вѣрою и любовію, это самое ученіе, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, сказало мнѣ, что все это люди находящіеся во лжи, что то, что даетъ имъ силу жизни, есть искушеніе діавола, что мы одни обладаемъ единой возможной истиной. И я увидаль, что всѣхъ, исповѣдующихъ съ нами одинаковую вѣру, православные считаютъ еретиками, точь въ точь такъ-же, какъ католики и другіе считаютъ православіе еретичествомъ. Я увидаль, что ко всѣмъ исповѣдующимъ внѣшними символами и словами свою вѣру, какъ (это дѣлаетъ) православіе, православіе относится враждебно, хотя и старается скрыть это, какъ оно и должно быть, во-первыхъ, потому, что утвержденіе о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, какое только можетъ сказать одинъ человѣкъ другому (замѣтьте-же это!), а во-вторыхъ, потому, что человѣкъ, любящій дѣтей и братьевъ своихъ, не можетъ не относиться враждебно къ людямъ, желающимъ обратить его дѣтей и братьевъ въ вѣру ложную. И враждебность эта увеличивается по мѣрѣ большаго знанія вѣроученія. И мнѣ, полагавшему истину въ единеніи любви (а прежде вы утверждали, что любовь не даетъ истины, а производитъ лишь одну любовь!), невольно бросилось въ глаза, что самое вѣроученіе разрушаетъ то, что оно должно произвести“. И такъ графъ нашель, что вѣроученіе находится въ обратномъ отношеніи къ любви: по мѣрѣ большаго знанія вѣроученія увеличивается враждебность вѣроисповѣданій и слѣдовательно—умельшается и разрушается любовь. Это противорѣчіе вѣры и любви, невольно бросившееся въ глаза графу, открыто однако давнымъ-давно таинственнымъ спутникомъ ¹⁾ графа, столь любезно къ нему присосѣдившимся. Въ извѣстной книгѣ этого спутника есть цѣлая глава (27), рассматривающая это „противорѣчіе“ и высказывающая убѣжденіе, что „вѣра есть противоположность любви“. Здѣсь говорится, на примѣръ, что „законъ: любите враги ваши, простирается только на личныхъ враговъ, а не на враговъ Бо-

¹⁾ Этотъ спутникъ — книга, которую авторъ имѣетъ причины назвать въ концѣ статьи. *Ред.*

жѣихъ, враговъ вѣры. Кто любитъ человѣка больше Христа, тотъ отрицается Христа, не вѣритъ въ Него, отрицается своего Господа и Бога; вѣра разрываетъ естественный союзъ людей“... „Любовь христіанская тѣмъ самымъ есть уже любовь частная, что называется христіанскою. Въ сущности-же любви заключается универсальность. До тѣхъ поръ, пока христіанская любовь не уничтожитъ понятія христіанственности, не сдѣлается просто любовью, она останется любовью оскорбляющею чувство истины, потому что истинная любовь есть только та любовь, которая уничтожаетъ всякое различіе между христіанствомъ и такъ-называемымъ язычествомъ“.

„Христіанская любовь не возвысилась надъ адомъ, потому что не возвысилась надъ вѣрою“. Такъ говорится въ книгѣ, которую я разумѣю. Вы видите, что графъ только иллюстрируетъ общую мысль высказанную въ этой книгѣ и прилагаетъ ее къ наиболѣе извѣстнымъ намъ фактамъ; но въ сущности какъ графъ, такъ и книга говорятъ одно и тоже.

Замѣтивъ это „противорѣчіе“ между вѣрою и любовью, графъ пришелъ будто-бы въ большое недоумѣніе. „Соблазнъ этотъ, говоритъ онъ, до такой степени очевиденъ, до такой степени ясенъ намъ, образованнымъ людямъ, жившимъ въ странахъ, гдѣ исповѣдаются разныя вѣры, и издавшимъ то презрительное, самоувѣренное, непоколебимое отрицаніе, съ которымъ относится католикъ къ протестанту и православному, православный къ протестантамъ и остальнымъ, и такое-же отношеніе старообрядца, пашковца, шокера и всѣхъ вѣръ, что самая очевидность соблазна въ первое время озадачиваетъ. Говорить себѣ: да не можетъ-же быть, чтобы это было такъ просто и все-таки люди не видѣли-бы того, что если два утвержденія другъ друга *отрицаютъ*, то ни въ этомъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, какою *должна быть вѣра*. Что нибудь тутъ есть“. Очевидно графъ хочетъ сказать, что существованіе различныхъ вѣръ и различныхъ вѣроисповѣданій, въ извѣстныхъ пунктахъ другъ друга отрицающихъ, противорѣчатъ единому истинному существу вѣры, какъ оно противорѣчитъ и любви. Если желаете понять почему это такъ, то войдите въ слѣдующія соображе-

нія. Въ чемъ состоитъ, по графу, вѣра? Вѣра, по его мнѣнію, есть придаваніе своему конечному существованію смысла существованія безконечнаго. Безконечна моя конечная жизнь можетъ быть лишь въ безконечномъ продолженіи рода человѣческаго. Значитъ вѣра есть сознаніе рода. Но сознаніе рода есть родовое самосознаніе человѣчества, родовой разумъ, въ которомъ человѣкъ сознаетъ свою родовую божественную безконечную сущность. Но если вѣра есть родовое самосознаніе, то она должна быть едина, ибо родъ человѣческой единъ. А если она должна быть едина, то различія всѣ ложны, ни въ одномъ нѣтъ истины. „Если два положенія отрицаютъ другъ друга, то ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, какою должна быть вѣра“. Вы видите теперь почему для графа столь очевидна истинность этого положенія, такъ явно противорѣчащаго всякой логикѣ: ибо по логикѣ, если одинъ говоритъ: „было“, а другой: „не было“, то одинъ *непретѣнно* говоритъ истину. А у графа выходитъ, что если одинъ отрицаетъ другаго, то истины нѣтъ ни у того, ни другаго совсѣмъ. Итакъ, различіе между вѣрами и вѣроисповѣданіями противорѣчитъ не только любви, но и существу вѣры. Въ вышеупомянутой мною книгѣ эти мысли выражены такъ: „Религія вообще, какъ тождественная съ сущностію человѣка, тождественна и съ самосознаніемъ, съ сознаніемъ человѣка своей сущности. Но она, выражаясь вообще, есть сознаніе безконечнаго, — слѣдовательно, она не что иное, какъ сознаніе человѣкомъ своей, не конечной, ограниченной, а безконечной сущности“. „Сознаніе въ самомъ строгомъ или собственномъ смыслѣ и сознаніе безконечнаго тождественны“. „Сознаніе въ самомъ строгомъ смыслѣ можетъ быть только у такого существа, которое способно дѣлать предметомъ его свой родъ, свою сущность“. Между тѣмъ „вѣра партикуляризируетъ человѣка, дѣлаетъ его ограниченнымъ, отнимаетъ у него свободу и способность по достоинству цѣнить другія, отличныя отъ нея разности“. „Она выдаетъ себя за истину, содержитъ опредѣленную особенную истину, и потому необходимо соединяется съ отрицаніемъ“. „Она вездѣ осуждаетъ и проклинаетъ“. „Въ самой

сущности заключается необходимость, чтобы она была заключена въ догматы“, ибо она „по своей сущности есть вѣра опредѣленная“. Изъ всѣхъ этихъ положеній, очевидно, вытекаетъ, что вѣра, выражаемая догматически въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ, или даже вѣрахъ, противорѣчитъ истинному существу религіи, какъ сознанію единой родовой сущности человѣка, какъ придаванію себѣ безконечнаго значенія. Мысль, очевидно, таже, что и у графа. Графъ только выражаетъ ее „своими словами“.

Сдѣлаемъ еще шагъ. Высказавъ мысль, что вѣроисповѣданія и вѣры не могутъ содержать въ себѣ единой истины, каковою должна быть вѣра, именно по причинѣ взаимоотрицанія своего, графъ удивляется, почему этого всѣ эти вѣроисповѣданія не сознаютъ. „Что нибудь тутъ есть“, говорятъ онъ. „Есть-же какое нибудь объясненіе этого явленія. И я думалъ, что есть, и отыскивалъ это объясненіе, и читалъ все, что могъ по этому предмету (я думаю, читатель, что онъ прочиталъ съ особеннымъ вниманіемъ именно столь поразительно сходную съ его мыслями вышеупомянутую книгу), и совѣтывался со всѣми (о чемъ?), съ кѣмъ могъ. И не получалъ никакого объясненія, кромѣ того-же самаго, по которому сумскіе гусары считаютъ, что первый въ мірѣ полкъ—сумскіе гусары, а желтые уланы,— что самый первый полкъ въ мірѣ—желтые уланы“. Такимъ образомъ графъ нашель, что если одна вѣра или вѣроисповѣданіе учитъ по своему и тѣмъ противорѣчитъ другой вѣрѣ и другому вѣроисповѣданію, то она поступаетъ въ этомъ случаѣ подобно сумскимъ гусарамъ и желтымъ уланамъ, полагающимъ, что лучше ихъ ничего нѣтъ на свѣтѣ. Гусарскій принципъ, которымъ руководствуются различныя вѣры, состоитъ, слѣдовательно, въ исключительномъ и смѣшномъ призваніи собственныхъ достоинствъ, въ тщеславіи, самопѣніи и самоуслажденіи. Этимъ сближеніемъ вѣръ съ гусарами графъ хочетъ сказать: „ржаная, моль, каша сама себя хвалитъ“. Графъ, очевидно, желаетъ этимъ указать причину, почему каждое вѣроисповѣданіе себя считаетъ истиннымъ и лучшимъ, сравнительно съ другими. Но это опять только повтореніе своими словами слѣдующей мысли вышеупомянутой книги:

„что касается того, что христіане, замѣчая сучки въ вѣрѣ народовъ нехристіанскихъ, въ собственной—не видятъ цѣлыхъ бревенъ, такъ это происходитъ отъ ихъ эгоизма, тщеславія, самоуслажденія“. Кажется, ясно!

Итакъ соблазнъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что вѣроисповѣданія и вѣры, въ томъ числѣ и православіе, противорѣчатъ любви, во-вторыхъ, въ томъ, что каждое вѣроисповѣданіе въ своей отдѣльности противорѣчитъ сущности вѣры, и въ-третьихъ, въ томъ, что исключительное самоутвержденіе исповѣданій слѣдовательно, и православія, происходитъ только отъ самомнѣнія и самоуслажденія. Каждое изъ этихъ положеній, очевидно, основывается на той предвзятой мысли, что религіозная истина не только должна быть достояніемъ всего человѣческаго рода, но и теперь уже свойственна всѣмъ людямъ до единого, что она не есть истина искомая, но истина всегда найденная. Однако спрашивается, такъ-ли все это? Прежде всего, дѣйствительно-ли человѣчество владѣетъ уже и владѣло всегда религіозною истиною, начиная отъ послѣдняго дикаря и оканчивая первымъ богословомъ или подвижникомъ нашего времени? Едва-ли кто-нибудь станетъ утверждать это. Гораздо вѣрнѣе обратное положеніе, т. е. что человѣчество только постепенно отыскиваетъ и усваиваетъ какъ религіозную, такъ и всякую другую истину, если только можетъ быть между истинами какое-нибудь различіе. Вѣдь лишь только самъ графъ не замѣчаетъ, что религіозная истина есть истина искомая прежде всего для него самого. Только онъ одинъ не видитъ, какое вопіющее противорѣчіе, съ одной стороны, утверждать, что религія есть истинный смыслъ жизни, которымъ руководствуется все человѣчество, потому что оно безъ этого смысла жить не можетъ, а съ другой—упорно искать этого смысла и столь смѣло доказывать, что различныя вѣры этого смысла просто не понимаютъ, что, напримѣръ, православіе даже его затемняетъ. Если религіозная истина уже есть въ сознаніи всего человѣчества, то о чемъ же вы-то хлопчете, чему еще хотите его учить, зачѣмъ расписываете на разные лады, *какъ вы ее открыли* послѣ 1880-лѣтняго затемнѣнія? Не меньшее противорѣчіе утвер-

ждать, что религіозная истина есть достояніе всѣхъ безъ исключенія и что тѣмъ не менѣе она многими не только можетъ быть потеряна, но и дѣйствительно потеряна, какъ она потеряна была самимъ графомъ и, по его словамъ, всѣми людьми того круга, къ которому онъ принадлежитъ, или можетъ быть религіозная истина хотя и есть въ сознаниіи всѣхъ людей, но не всѣ ее сознаютъ? Графъ, повидимому, именно такъ и думаетъ. Но—это такой соблазпъ, который противорѣчитъ элементарнымъ правиламъ логики и называется *contradictio in adjecto*. Мало того: это такой соблазпъ, который уничтожаетъ основное положеніе графа о всеобщей распространенности этой религіозной истины, ибо утверждать, что не всѣ сознаютъ то, что есть въ сознаниіи всѣхъ, значитъ утверждать, что это сознаютъ только нѣкоторые. И тогда невольно возникаетъ вопросъ, почему же только нѣкоторые? Очевидно потому, что только эти нѣкоторые открыли и нашли въ своемъ сознаниіи эти всеобщія истины, между тѣмъ какъ другіе ничего этого не видятъ. Итакъ, религіозныя истины, какъ и всякія истины, не есть достояніе всѣхъ людей безъ исключенія: въ сознаниіи нѣкоторыхъ они есть, а въ сознаниіи нѣкоторыхъ ихъ еще нѣтъ, именно какъ истины. Для этихъ послѣднихъ они еще суть истины искомыя.

Но если истина религіозная, какъ истина вообще, можетъ быть доступна только нѣкоторымъ, то значитъ-ли это во-первыхъ, что она противорѣчитъ любви всеобщей, потому что противорѣчитъ заблужденіямъ многихъ, этой истины еще не признающихъ, во-вторыхъ, что она есть заблужденіе, противорѣчащее общечеловѣческимъ истинамъ и общечеловѣческому сознанию, и наконецъ, въ-третьихъ, что это заблужденіе обусловливается и поддерживается только гусарскимъ самомишнїемъ и самоутвержденіемъ? На всѣ эти вопросы пужно дать отрицательные отвѣты. Во-первыхъ, если есть истины въ религіи или въ наукѣ, доступныя только нѣкоторымъ, а другими еще несознанныя или отрицаемыя,—то это любви людей другъ къ другу не противорѣчитъ. Правда, обладающій истинною и убѣжденный въ ней долженъ будетъ непременно сказать другому, этого убѣжденія пераздѣляющему: я—въ исти-

нѣ, а ты—во лжи. Но это нисколько не противорѣчитъ любви къ людямъ вообще и въ частности къ тому, кто—во лжи. Напротивъ, по самымъ высшимъ побужденіямъ любви я даже долженъ противодѣйствовать лжи и содѣйствовать истинѣ, какъ и всякій кто любитъ человѣчество. Развѣ я перестаю любить своихъ дѣтей, своихъ друзей, своихъ ближнихъ, когда обличаю ихъ въ заблужденіи и учу истинѣ? напротивъ, я не любилъ-бы ихъ и противорѣчилъ-бы любви къ роду человѣческому только тогда, если-бы я этого не дѣлалъ. Вѣдь скрывать истину, не говорить ее, покоряться, когда ей противодѣйствуютъ,—это значить не только лгать, но и предавать истину на поруганіе ея врагамъ. Служить истинѣ значить служить благу человѣчества, ибо благо это обусловлено истиною; но служить благу людей развѣ не значить любить ихъ? Если Сократъ проповѣдывалъ истину и обличалъ заблужденіе, то развѣ онъ не любилъ людей? или: если Галилей утверждалъ, что онъ „въ истинѣ“, полагая, что земля движется, то развѣ онъ нарушалъ единеніе любви? И если люди, полагая, что проповѣдуютъ истину, часто однако впадаютъ въ заблужденіе, то это указываетъ только, что истина достается человѣку съ большимъ трудомъ, но вовсе не доказываетъ, что она противорѣчитъ любви. Только графъ находитъ это противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ. Только, по его мнѣнію, „утвержденіе о томъ, что я—въ истинѣ, а ты—во лжи, есть самое жестокое слово, какое только одинъ человѣкъ можетъ сказать другому“, какъ будто нельзя сказать съ любовію, что ты въ истинѣ, и какъ будто нельзя съ любовію выслушать, что ты во лжи. Напротивъ, тотъ говоритъ людямъ жестокое слово, кто, подобно графу, называетъ жестокимъ словомъ сознаніе различія между истинною и заблужденіемъ. Напротивъ, тамъ есть поправленіе и любви къ людямъ и любви къ истинѣ, гдѣ убѣждены въ истинности одного, а дѣлаютъ другое, напр., когда люди, убѣжденные въ жестокости „утвержденія о томъ, что я—въ истинѣ, а ты—во лжи“, дѣлаютъ эту жестокость въ самыхъ жестокихъ размѣрахъ, утверждая, что они—въ истинѣ, что они открыли истинную вѣру, а Церковь христіанская, „милліоны“ во лжи, въ намѣренной будто-бы безсовѣ-

стной. Вотъ это жестоко, это значить сознательно дѣлать то, что считаешь жестокимъ, сознательно дѣйствовать вопреки принципу, слѣдовать которому обязываешь другихъ. Жестоко и противоестественно!

Во-вторыхъ, если есть истины доступныя теперь только нѣкоторымъ, то это не значить, чтобы эти истины были ложны, вслѣдствіе будто своего противорѣчія общечеловѣческимъ истинамъ. Пусть два утвержденія отрицаютъ одно другое, это не значить, что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ единой общечеловѣческой истины; напротивъ, это значить, что одно непременно эту истину содержитъ, даже и въ религіозной сферѣ; потому что если справедливо отрицаніе, то несправедливо утвержденіе, и если справедливо утвержденіе, непременно несправедливо отрицаніе. Если нѣкоторые люди отрицаютъ однѣ истины, между тѣмъ какъ другіе въ нихъ убѣждены, то это свидѣтельствуетъ не о томъ, что въ ихъ утвержденіи и отрицаніи совсѣмъ нѣтъ общечеловѣческой истины, а только о томъ, что самая общечеловѣческая истина, не переставая быть общечеловѣческою, доступна не всѣмъ: многіе ее знаютъ, многіе ее отрицаютъ, многіе еще только ее отыскиваютъ. Есть множество общечеловѣческихъ истинъ, которыми уже владѣютъ всѣ люди, и есть множество общечеловѣческихъ истинъ, которыя еще только должны стать достояніемъ всѣхъ людей, хотя въ настоящее время онѣ находятся въ сознаніи лишь нѣкоторой, иногда малой части, людей. Эти послѣднія истины обыкновенно противорѣчатъ весьма распространеннымъ, а иногда общечеловѣческимъ заблужденіямъ, такъ что потому именно они и суть истины, что противорѣчатъ непосредственному сознанію всѣхъ. Напримѣръ: истина Коперниковой системы сначала была въ сознаніи одного Коперника, слѣдовательно, стояла въ противорѣчій съ сознаніемъ всѣхъ людей. Несмотря на свое широкое распространеніе, она еще и теперь составляетъ истину только для образованнаго меньшинства людей, обитающихъ на земномъ шарѣ. Но этого мало: она не перестаетъ противорѣчить и теперь самому всеобщему наблюденію и постоянному, ежедневному опыту нашему. Слѣдуетъ-ли отсюда, что солнце движется по небесному своду, какъ говоритъ всеобщій опытъ,

а не земля вокругъ солнца, какъ говоритъ Коперникъ? Графъ, если желаетъ быть послѣдовательнымъ, очевидно, долженъ противостать Копернику и утверждать, что земля неподвижна, что она плоскость, что небо есть дѣйствительный сводъ и т. д.; потому что все это видятъ всѣ люди, а Коперникова система понятна лишь немногимъ. Очевидно, если держаться того воззрѣнія, что истина, не находящаяся въ данную минуту въ сознаниіи всѣхъ людей, не есть истина, то мы должны отрицать всякое, даже индивидуальное развитіе человѣка, ибо человѣкъ рождается невѣждою, и только постепенно пріобрѣтаетъ и знаетъ истины, которыя ему не были доступны прежде, вслѣдствіе чего одинъ доходитъ до многихъ такихъ истинъ, до которыхъ другой еще не дошелъ, и потому выходитъ, что одинъ отрицаетъ другаго. Приложите тоже самое къ религіозной истинѣ вообще, и въ частности, къ усвоенію христіанства. Одни усвоили себѣ его такъ, другіе иначе, одни утверждаютъ одно, другіе отрицаютъ. Значитъ-ли это, что ни тѣ, ни другіе не понимаютъ христіанства? Напротивъ, очень можетъ быть, что на чьей-нибудь сторонѣ правда. То, что различныя вѣроисповѣданія спорятъ, это совсѣмъ не доказываетъ, что ни одно не знаетъ истины. Нужно, слѣдовательно, какое-нибудь другое доказательство того, что *ни въ одномъ* вѣроисповѣданіи этой истины нѣтъ. Но этого доказать вы мнѣ никакъ не можете. Если вы мнѣ скажете: потому ни въ одномъ изъ нихъ истины нѣтъ, что ни одно изъ нихъ не понимаетъ ученія Евангелія. Я васъ спрошу: почему вы это знаете? Вы мнѣ можете на это отвѣтить только одно: я знаю, чему учить Евангеліе, и, сравнивая данное вѣроисповѣданіе съ этимъ ученіемъ, нахожу, что это вѣроисповѣданіе учить другому. Графъ именно такъ и утверждаетъ. Онъ доказываетъ въ своей книгѣ „Въ чемъ моя вѣра?“, что ученіе Церкви не то, что ученіе Христа. Но если вы мнѣ отвѣтили такимъ образомъ, тогда вы попали въ свои собственные сѣти. Что вы дѣлаете, отвѣчая такимъ образомъ? Конечно, *отрицаете* вѣроисповѣданія, т. е. отрицаете ихъ пониманіе христіанства и *устанавливаете* свое собственное пониманіе, или исповѣданіе христіанства. Вы свое пониманіе противопоставляете другимъ пониманіямъ. Выходитъ, что вы

отрицаете ихъ, они отрицаютъ васъ. Полагая, что по ученію вѣры, по ученію Христа, не должно быть противорѣчій и раздѣленія, вы, чтобы возстановить ученіе Христа, начинаете отдѣляться и противорѣчить. Почему-же вы противорѣчить другимъ во имя общечеловѣческой вѣры можете, а другіе противорѣчить никому не могутъ? Почему вы желаете установить истину тѣмъ самымъ способомъ, который отнимаете у другихъ? Не говорите мнѣ: я хочу возстановить подлинное ученіе Христа только чрезъ выдѣленіе всего, въ чемъ *есть согласны*, что, слѣдовательно, составляетъ достояніе всѣхъ. Я вамъ скажу: вы этого всеобщаго элемента выдѣлить не можете, ибо выдѣляя общій всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, слѣдовательно, отвлеченный элементъ христіанства, какъ подлинное ученіе Христа, вы тѣмъ самымъ станете въ противорѣчіе со всѣми вѣроисповѣданіями, такъ какъ ни одно изъ нихъ этого общаго элемента не выдѣляетъ изъ состава своего ученія, которое оно считаетъ Христовымъ, въ противоположность другимъ. Такимъ образомъ чрезъ это выдѣленіе всеобщаго элемента вы получаете не всеобщее христіанство, а только свое собственное и прерываете общеніе со всѣми. Словомъ вы, отрицая всѣ вѣроисповѣданія въ ихъ отдѣльности, основываете новую секту отдѣльную отъ другихъ. Такъ какъ графъ именно это самое и дѣлаетъ, то очевидно онъ только противорѣчитъ себѣ и тѣмъ опровергаетъ свой собственный взглядъ. Вотъ это—соблазнъ, разрушающій самыя основы той вѣры, которую графъ пытается выдать подъ видомъ своей!

Наконецъ, въ третьихъ, о гусарскомъ принципѣ самоулаженія или „ржаной каши“. Правда-ли, что всякій вѣрующій и исповѣдающій свою вѣру въ определенной формулѣ, противоположной иногда другимъ такимъ-же формуламъ, дѣлаетъ это вслѣдствіе пустаго самолюбія? Религіозная истина, какъ и научная, есть достояніе убѣжденія, если разсматривать ее съ субъективной стороны. Истина для меня то, въ чемъ я убѣжденъ, а убѣжденъ въ томъ, противнаго чему не могу допустить. Галилей, высказывая теорію движенія земли, не могъ допустить противнаго, потому что былъ убѣжденъ въ своей теоріи. Первомученикъ св. Стефанъ не могъ не проповѣдывать

предъ синедріономъ (Дѣян. гл. VI, VII), потому что не могъ допустить противнаго. Сократъ не могъ не идти на смерть, потому что не могъ отказаться отъ того, что считалъ истинною. Аѳанасій Великій былъ гонимъ за свое православіе, но отказаться отъ него не могъ. Никто не можетъ отказаться отъ своего убѣжденія въ какой-нибудь истинѣ, пока онъ въ ней убѣжденъ; потому что это значитъ вступать въ противорѣчіе съ истиною. Истина требуетъ самоотрицанія, безусловной покорности себѣ. Она есть истина не потому, что я этого хочу, а вопреки моему хотѣнію. Мнѣ можетъ быть желалось-бы, чтобы при отдачѣ денегъ 2×2 было 3, а чтобы при получкѣ 2×2 было 5, но я все-таки долженъ признать вопреки всѣмъ своимъ желаніямъ, что $2 \times 2 = 4$. Тоже и со всякимъ убѣжденіемъ въ истинѣ. Пока я убѣжденъ въ какой-нибудь истинѣ, я подчиняюсь ей, не смотря на свое желаніе или нежеланіе. Православные считаютъ православіе истинною не потому, что этого имъ хочется, не потому что считаютъ свои желанія мѣриломъ истины, а потому, что иначе поступить не могутъ, иначе они стали-бы въ противорѣчіе съ истиною и съ собою. А вы говорите о самомнѣніи, о гусарскомъ принципѣ! Если вы хотите сказать, что православные неправы, то докажите это, пошатните ихъ убѣжденіе, раскройте имъ истину, а не указывайте на гусарскій принципъ. Принципъ „ржаной каши“ приложимъ къ людямъ совершенно другаго разбора. Онъ приложимъ къ тѣмъ, которые, предлагая правила другимъ, сами этимъ правиламъ не слѣдуютъ. То, что другіе, по ихъ мнѣнію, непременно должны дѣлать по справедливости, отъ того эти люди считаютъ самихъ себя изъятыми. Вотъ, на примѣръ, по мнѣнію графа, всѣ вѣроисповѣданія, утверждая, что каждое изъ нихъ въ истинѣ, а другое—во лжи, производятъ этимъ страшный соблазнъ, свидѣтельствующій о крайнемъ самомнѣніи cadaго изъ нихъ, потому что, по словамъ графа, „утвержденіе о томъ, что я—въ истинѣ, а ты—во лжи, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому“. Но самъ графъ, по его мнѣнію, не производитъ соблазна, когда утверждаетъ, что онъ въ истинѣ, а Церковь и всѣ вѣроисповѣданія—во лжи; ибо иное дѣло Церковь, и испо-

вѣданія, а иное дѣло — графъ. Вѣроисповѣданія не могутъ имѣть въ себѣ, по его мнѣнію, истины, ибо, по его словамъ, „если два утвержденія другъ друга отрицаютъ, то ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, каковою должна быть вѣра“. Но ученіе самого графа все-таки есть единственная проповѣдуемая имъ истина, хотя оно отрицаетъ всѣ вѣроисповѣданія; ибо иное дѣло если одно исповѣданіе отрицаетъ другое, и иное если исповѣданіе вѣры самого графа отрицаетъ всѣ эти другія исповѣданія. Если одно исповѣданіе отрицаетъ другое, а о себѣ думаетъ, какъ объ истинномъ исповѣданіи, то, по словамъ графа, это происходитъ на томъ основаніи, „по которому сумскіе гусары считаютъ, что первый полкъ въ мірѣ—сумскій гусарскій, а желтые уланы считаютъ, что самый первый полкъ въ мірѣ—желтые уланы“. Но самъ графъ, конечно, не на этомъ основаніи полагаетъ, что эта его „моя вѣра“ есть единственная вѣра въ мірѣ; ибо опять-таки иное дѣло вѣры другія и иное—вѣра графа. Но тутъ-то вотъ и возникаетъ неволью такой вопросъ: почему-же такое изъятіе графъ допускаетъ для себя, почему это выходитъ такъ, что если что-нибудь дѣлаютъ другіе, то это—соблазнъ, а если дѣлаетъ тоже самое графъ, то это, по его мнѣнію, уже перестаетъ быть соблазномъ, а становится единою истинною? Почему это иное дѣло *всѣхъ*, а иное дѣло *однѣхъ* графъ? Для объясненія этого, конечно, нѣтъ нужды ни совѣтываться, съ кѣмъ можно, ни читать, что можно, потому что никакого другаго объясненія нельзя получить, кромѣ того-же самаго, по которому сумскіе гусары считаютъ, что они первый полкъ въ мірѣ. Такимъ образомъ, если измѣрить графа его собственнымъ аршиномъ, то онъ долженъ будетъ сознаться, что, утверждая истинность своихъ убѣжденій, онъ руководствуется принципомъ самолюбія „ржаной капи, которая сама себя хвалитъ“, именно потому, что онъ считаетъ въ себѣ хорошимъ то, что въ другихъ, по его мнѣнію, дурно. Самъ графъ, слѣдовательно, является въ нѣкоторомъ родѣ единственнымъ въ мірѣ гусаромъ, который считаетъ, что всѣ гусарскіе полки въ мірѣ, во всемъ ихъ разнообразіи, предъ нимъ ничто!

Когда графъ искалъ объясненія, почему „православный на-

ходилъ очевидность истины въ своемъ вѣроисповѣданіи, католикъ въ своемъ, старообрядецъ въ своемъ“, онъ искалъ его между прочимъ и у духовныхъ лицъ. „Духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій, говоритъ онъ, лучшіе представители изъ нихъ, ничего не сказали мнѣ кромѣ того, что они вѣрятъ, что они въ истинѣ, а тѣ—въ заблужденіи, и что все, что они могутъ—это молиться объ ихъ просвѣщеніи. Я ѣздилъ къ архимандритамъ, архіереямъ, старцамъ, схимникамъ и спрашивалъ, и никто никакой попытки не сдѣлалъ объяснить мнѣ этотъ соблазнъ“. Почему-же никакой попытки, когда графу прямо было сказано, что они *вѣрятъ*, что они въ истинѣ! Развѣ это не объясненіе? Если-бы спросить графа, какъ онъ можетъ объяснить, почему онъ, высказывая свою вѣру въ сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра?“, думаетъ, что онъ въ истинѣ, то развѣ онъ самъ могъ-бы сказать что нибудь иное, кромѣ того, что онъ вѣритъ, что очевидность истины на его сторонѣ, между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что очевидность истины на ихъ сторонѣ? Очевидно, отвѣтъ, данный духовными лицами, есть единственный отвѣтъ и единственное объясненіе, какое въ данномъ случаѣ возможно. Самъ графъ относительно себя не можетъ дать никакого другаго объясненія. Значитъ напрасно графъ утверждаетъ, что никто не сдѣлалъ никакой попытки объяснить мнимый соблазнъ: ему было дано такое объясненіе, какимъ единственно можетъ воспользоваться и воспользовался онъ самъ. „Одинъ только изъ нихъ, продолжаетъ графъ, разъяснилъ мнѣ *все*, но разъяснилъ такъ, что я уже больше ни у кого не спрашивалъ. Я говорилъ о томъ, что для всякаго невѣрующаго, обращающагося къ вѣрѣ (а этому обращенію подлежитъ все наше молодое поколѣніе ¹⁾), этотъ вопросъ представляется первымъ: почему истина—въ православіи, а не въ католичествѣ, не въ лютеранствѣ? Его учатъ въ гимназіи и ему нельзя не знать, какъ этого не знаетъ мужикъ, что протестантъ, католикъ точно такъ-же утверждаютъ единую истинность своей вѣры. Историческія доказательства, пригибаемыя каждымъ исповѣданіемъ въ свою сторону, *недостаточны*“.

¹⁾ Скобки графа.

Опять непонятно почему недостаточны. Вѣдь православіе, протестантство и католичество возникли *исторически*. Почему-же историческія доказательства недостаточны? Напротивъ, историческое доказательство здѣсь единственное доказательство. Вѣроисповѣдной вопросъ, какъ таковой, весь сводится вѣдь къ тому,—не начала-ли какая нибудь религіозная община учить чему-нибудь такому, что *противно* было въ данное время всеобщему догматическому ученію Церкви, потому что этотъ вопросъ есть вопросъ объ отпаденіи отъ исповѣданія вѣры, уже существовавашаго прежде, и о сопротивленіи всеобщему авторитету Церкви, который былъ уже на лицо. Очевидно безъ рѣшенія вопроса о *времени* и способѣ *происхожденія* даннаго вѣроисповѣданія нельзя видѣть, стало-ли оно въ противорѣчіе съ вселенскимъ исповѣданіемъ и авторитетомъ Церкви. Самъ графъ, полагая, что онъ возстановляетъ своею вѣрою истинное ученіе Христа, обезображенное съ теченіемъ времени Церковію, указываетъ, что подлинное Христово ученіе, какъ оно было развито Иисусомъ Христомъ, т. е. какъ историческій фактъ, было иное. Христіанство *было иное* исторически—развѣ это не значитъ прибѣгать къ историческому доказательству? Вѣроисповѣдной вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть рѣшенъ именно исторически. Отчего-же графъ считаетъ историческія доказательства недостаточными? Оттого, что, говоря о вѣроисповѣданіяхъ, онъ подразумѣваетъ христіанство вообще. Для него важна не истинность исповѣданія, а истинность самаго христіанства, которое онъ разумѣетъ въ смыслѣ только доктрины или ученія Христа, а не искупительнаго Его дѣла. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, почему ученіе Иисуса Христа истинно? Ясно, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда это ученіе будетъ понято такъ, что его истинность будетъ очевидна изъ свойствъ самаго ученія, а не изъ однихъ историческихъ обстоятельствъ его появленія. Въ чемъ „сущность“ христіанства—вотъ вопросъ, который здѣсь требуется рѣшить прежде всего. Отвѣтъ на этотъ вопросъ графъ изложилъ въ своемъ псевдо-евангеліи. И вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи къ нему объ историческомъ взглядѣ: „Я понимаю и богословскій, и историческій взглядъ на Еван-

гелія, но я смотрю на нихъ иначе... Я смотрю на христіанство ни какъ на исключительно божественное (т. е. въ смыслѣ графа божественное) откровеніе, ни какъ на историческое явленіе, а смотрю на христіанство, какъ на ученіе, дающее смыслъ жизни... Я искалъ отвѣта на вопросъ жизни, а не богословскій и историческій, и потому для меня совершенно все равно—Богъ, или не Богъ былъ Іисусъ Христосъ, отъ кого изшелъ Св. Духъ и т. п. и одинаково не важно и не вужно знать, когда и кѣмъ написано какое Евангеліе и какая притча, и можетъ, или не можетъ, она быть приписана Христу. Мнѣ важенъ тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ 1800 лѣтъ человечество, и освѣщаль (это ужь не во времена-ли невѣрія?) и освѣщаетъ меня, а какъ назвать источника этого свѣта и какіе матеріалы его, и кѣмъ онъ зажженъ,—мнѣ все равно". Ясно, слѣдовательно, что дѣло идетъ о „раціональномъ“ выясненіи сущности ученія христіанскаго. И здѣсь графъ опять удивительно совпадаетъ съ предисловіемъ къ той книгѣ, съ которой онъ вообще совпадаетъ. Вотъ что говоритъ авторъ этой книги въ предисловіи ко второму изданію: „Я не спрашиваю о томъ, чѣмъ былъ дѣйствительный, естественный Христосъ, какъ отличный отъ вымышленнаго или супранатуралистическаго Христа: я принимаю его такимъ, каковъ Онъ есть въ библіи, но показываю лишь, что это выпечеловѣческое существо есть не что иное, какъ продуктъ и предметъ сверхъестественнаго, человѣческаго чувства.. Бауеръ (Бруно) имѣетъ предметомъ своей критики евангельскую исторію, т. е. библейское христіанство, или лучше библейскую теологію, Штраусъ—христіанское ученіе вѣры, слѣдовательно, догматическое христіанство, или лучше догматическую теологію,—а я христіанство вообще, т. е. христіанскую религію и,—какъ слѣдствіе ея—христіанскую философію или теологію“, т. е. не догматическую теологію, а христіанское ученіе о Богѣ и отношеніи Бога къ человѣку. Такимъ образомъ графъ, и авторъ этой книги опять сходятся въ воззрѣніяхъ. Мы видимъ, слѣд., что историческія доказательства оказываются у графа недостаточными не потому, чтобы, они въ самомъ дѣлѣ были таковы, а по другимъ совершенно причинамъ.

Считая историческія доказательства въ рѣшеніи вѣроисповѣднаго вопроса недостаточными, графъ предложилъ въ разговорѣ съ своимъ собесѣдникомъ совершенно устранить этотъ вопросъ такимъ пониманіемъ христіанства, которое уничтожило-бы самыя вѣроисповѣдныя различія. „Нельзя-ли, говоритъ онъ, повимать ученіе такъ, чтобы съ высоты его исчезали различія, какъ они исчезаютъ для истинно вѣрующаго (т. е. опять для вѣрующаго въ смыслѣ графа, ибо для истинно-вѣрующаго различія все-таки остаются различіями). Нельзя-ли идти дальше по тому пути, по которому мы идемъ съ старообрядцами. Они утверждали, что крестъ, аллилуія и хожденіе вокругъ алтаря у насъ другіе. Мы сказали: вы вѣрите въ Никейскій символъ, въ семь таинствъ — и мы вѣримъ. Давайте держаться этого, а въ остальномъ — какъ хотите. Мы соединились съ ними тѣмъ, что поставили существенное въ вѣрѣ выше несущественнаго ¹⁾. Нельзя-ли такъ-же сдѣлать съ католиками, съ протестантами, оставивъ частности и соединившись въ главномъ. Собесѣдникъ мой согласился съ моею мыслию“. Это мысль давнишняя и съ нею нельзя не согласиться. Но чтобы осуществить эту мысль, не достаточно только имѣть ее: нужно рѣшить еще вопросъ о томъ, что-же такое считать главнымъ? Графъ, по видимому, главнымъ считаетъ *общее*, а не главнымъ *частности*. Нужно отбросить частности и оставить только то, въ чемъ и такъ уже всѣ согласны. Но съ этимъ то вотъ именно и нельзя согласиться, потому что этотъ принципъ ведетъ къ нелѣпостямъ. Если принять этотъ принципъ, тогда придется вамъ отыскивать общее, возвышающееся надъ истиною съ одной стороны и заблужденіемъ съ другой, ибо фактически истина и заблужденіе только двѣ частности, свойственныя двумъ группамъ людей. Выходитъ, что для отысканія общей истины нужно эту общую истину, какъ истину, противоположную заблужденію, отбросить какъ частности, наравнѣ съ заблужденіемъ. Напримѣръ Сочиніане учатъ, что Богъ *только* одинъ

¹⁾ Въ исправленной редакціи читается: Теперь нельзя-ли сказать католикамъ: вы вѣруете въ то-то и то-то, въ главное, а по отношенію къ *filioque* и пр. дѣлайте, какъ хотите? „Правосл. Обозр.“ 1886 года, Февр. 308.

по существу, но *не* троиченъ въ лицахъ, а другія исповѣданія учатъ, что Богъ *не только* единъ по существу, но *и* троиченъ въ лицахъ. Что тутъ вы найдете общаго, когда ясно, что одни *отрицаютъ* другихъ. Вы скажете, что въ единого Бога вѣрятъ Социніане и въ единого Бога вѣрятъ другія исповѣданія. Но вѣдь Социніане подъ единымъ Богомъ разумѣютъ одно, а другія вѣроисповѣданія—другое. Социніане отрицаютъ единого Бога другихъ исповѣданій, а другія исповѣданія отрицаютъ единого Бога Социніанъ. Одни говорятъ: Богъ не такой, какъ вы думаете, а другіе говорятъ: Богъ не такой, какъ вы думаете. Найдите теперь между ними общее. Этимъ общимъ будетъ все, что угодно, но только не Богъ. Ученіе о Богѣ будетъ частностію, раздѣляющею Социніанъ отъ другихъ исповѣданій. Но можно идти далѣе. Одни вѣрятъ въ личнаго Бога, другіе, атеисты, не вѣрятъ. Найдите между ними общее. Вы скажете: тѣ и другіе все-таки вѣрятъ въ общее начало вещей. Конечно; но у каждаго это начало свое и они отрицаютъ одно другое. Выходитъ опять, что не пужво говорить и о Самомъ Богѣ, какъ о частности. Можно идти еще дальше. Одни считаютъ безличнымъ началомъ вещей одну субстанцію, другіе, (атомисты) множество субстанцій. Опять найдите между ними общее, и вы увидите, что вамъ придется начало вещей считать ни единымъ, ни многимъ, ибо единство и множество вы должны отбросить, какъ частности. Какая-же у васъ въ концѣ концовъ получится вѣра и во что именно вы будете вѣрить? Выходитъ очевидная пелѣпость, потому что между положеніемъ и отрицаніемъ, между истиною и заблужденіемъ никогда не можетъ быть ничего общаго. Конечно хорошо-бы всѣмъ согласиться, но это согласіе не можетъ быть достигнуто отбрасываніемъ частностей и различій, потому что самого этого согласія требуется достигнуть не относительно того, въ чемъ и такъ всѣ согласны, т. е. общаго, а именно относительно тѣхъ частностей, въ которыхъ вѣрующіе несогласны между собою. Оно, слѣдовательно, можетъ быть достигнуто только чрезъ признаніе частностей. И весь вопросъ именно въ томъ, какія частности имѣютъ значеніе.

„Собесѣдникъ мой, говоритъ графъ, согласился съ моею

мыслью, но сказалъ мнѣ, что такія уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ и произведутъ расколъ, а между тѣмъ призваніе духовной власти блюсти во всей чистотѣ Греко-Россійскую православную вѣру, преданную ей отъ предковъ. Тутъ я все повялъ. Я ищу вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполнять передъ людьми извѣстныя человѣческія обязанности. Исполняя эти обязанности, они исполняютъ ихъ по человѣчески. Сколько-бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи заблудшихъ братьевъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола Всевышняго, для исполненія человѣческихъ дѣлъ *нужно насиліе*, и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться. Если два исповѣданія считаютъ себя въ истинѣ, а другъ друга во лжи, то желая привлечь братьевъ къ истинѣ, они будутъ проповѣдывать свое ученіе. А если ложное ученіе проповѣдывается неопытнымъ сынамъ Церкви, находящейся въ истинѣ, то Церковь эта *не можетъ* не сжечь книги, не удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ея. Что-же дѣлать съ тѣмъ, горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія, вѣры, сектантомъ, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ соблазняетъ сыновъ Церкви? Что-же, какъ не отрубить ему голову, не запереть его въ тюрьму. При Алексѣѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т. е. по времени прилагали высшую мѣру наказанія; въ наше время тоже прилагаютъ высшую мѣру наказанія, запираютъ въ одиночное заключеніе ¹⁾. И я обратилъ вниманіе на то, что дѣлается во имя *отроисповѣданія*, и ужаснулся, и уже почти совсѣмъ отрекся отъ православія“. Напрасно. Допустимъ, что во имя вѣроисповѣданія многое дѣлалось и у насъ на Руси жестокаго, прямо по инопоземному „гиппанскому“ обычаю, какъ рекомендовалъ впервые эти мѣры Геннадій Новгородскій. Допустимъ, что испанская инквизиція и все подобное есть возмутительное дѣло. Но почему вы думаете, что непременно такъ и должно быть? Почему вы думаете, что насиліе необходимо слѣдуетъ изъ вѣроисповѣданія? Развѣ апостолы и Самъ Іисусъ Христосъ употреб-

¹⁾ Въ исправленной редакціи это выпущено. „Прав. Обзор.“ 16, стр. 309.

ляли насиліе? Развѣ въ православной Церкви не раздавались самыя сильныя голоса противъ насилія ¹⁾? Насиліе, напротивъ, средство не цѣлесообразное, ибо насиліе принуждаетъ, но не убѣждаетъ, между тѣмъ какъ проповѣдь истиннаго ученія, или отстраненіе проповѣди ложнаго ученія требуетъ именно убѣжденія: въ первомъ случаѣ вы должны убѣдить, что ваше ученіе истина, во-второмъ, что противное вашему ученію—ложно. И мнѣ кажется, что если въ настоящее время прилагаются мѣры „огражденія“ православія отъ инославія, то самыя эти мѣры составляютъ не насиліе, а направлены именно противъ насилія, съ которымъ опытные, слѣдовательно, сильныя проповѣдники инославія насилуютъ души неопытныхъ, слѣдовательно, несильныхъ, слабыхъ сыновъ Церкви. Здѣсь дѣлается тоже. что сдѣлали-бы вы сами, если-бы кто-нибудь вашего неопытнаго сына, гимназиста, сталъ учить тому, что по вашему мнѣнію ложь. Вѣдь вы стали-бы ограждать сына своего отъ развращенія и лжи, или нѣтъ? Можетъ быть, слѣдуя своему принципу — не сопротивляться злу, вы остались-бы простымъ зрителемъ этого развращенія, потому что спины своей за сына тутъ подставить нельзя, такъ какъ никто не бьетъ мальчика, а развращаетъ? Ума своего отдать за развращеніе за умъ сына тоже нельзя. Очевидно, вы стали-бы сначала убѣждать сына не слушать соблазнительной лжи. Но вашъ противникъ можетъ здѣсь оказаться болѣе искуснымъ діалектикомъ и прибѣгнетъ даже къ помощи конфектъ. Тогда что остается дѣлать? Увести сына отъ дурнаго сообщества? Но собесѣдникъ сына можетъ пойти за вами, въ вашу квартиру, и если вы будете убѣждать его не идти, онъ можетъ васъ не послушать. Если вы сами пожелаете вступить съ нимъ въ споръ, онъ можетъ уклониться отъ этого. Какъ быть тогда? Если вамъ не все равно, развращается вашъ сынъ, или нѣтъ, то вы должны будете употребить такую мѣру, которая-бы воспрепятствовала дѣйствовать проповѣднику лжи на слабого мальчика. Съ вашей точки зрѣнія это можетъ быть будетъ насиліе, но съ моей—это бу-

¹⁾ См. *Кипарисова*, Дисциплина древней Церкви въ отношеніи къ свободѣ совѣсти. Прибавл. къ твор. Св. Отцевъ 1884 г. кн. 2 1886 стр. 2.

детъ противодѣйствіе насилію. Такимъ образомъ „огражденіе“ „неопытныхъ“, — рѣчь именно идетъ о нихъ, — не есть насиліе. Что же касается до опытныхъ, напримѣръ, до богослововъ различныхъ вѣроисповѣданій, то они взаимно не употребляютъ другъ противъ друга насилій, а просто спорятъ, слѣдовательно, дѣйствуютъ въ сферѣ убѣжденій, въ той сферѣ, въ которой дѣйствуете и вы сами. Вѣдь, если изъ сущности всякаго вѣроисповѣданія вытекаетъ необходимость насилія, то нужно сказать тоже самое и относительно вашего исповѣданія вѣры; однако вы этого не признаете. Значитъ насиліе вытекаетъ не изъ существа вѣроисповѣданія, какъ вѣроисповѣданія, а изъ постороннихъ причинъ. Не все, что дѣлается во имя истиннаго ученія, истинно, какъ не все, что дѣлается во имя Иисуса Христа, есть Христово. Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи! Господи! не отъ Твоего-ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ-ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ-ли именемъ многія чудеса творили? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе (Мѡ. VII, 22—23). Можно ужасаться того, что иногда дѣлается во имя истины, но отрекаться отъ нея поэтому еще нельзя. Мнѣ кажется, впрочемъ, что графъ въ сущности и не отрекался отъ православія, ибо никогда въ него не вѣровалъ.

Итакъ, по словамъ графа, его оттолкнуло отъ православія, прежде всего, будто-бы рѣшеніе вѣроисповѣднаго вопроса. Второю причиною, оттолкнувшею его отъ православія, было отношеніе Церкви къ войнамъ и казнямъ. „Вторымъ отношеніемъ Церкви къ жизненнымъ вопросамъ, говоритъ графъ, было отношеніе ея къ войнѣ и казнямъ. Въ это время случилась война у Россіи, и русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ было нельзя. Не видѣть, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ всякой вѣры, также нельзя было (очевидно вѣры, понимаемой въ смыслѣ вѣры въ божественность жизни, а не такой, какова, напримѣръ, магометанская, или извѣстная индійская секта душителей). А между тѣмъ въ церквахъ молились объ успѣхѣ нашего оружія и учителя вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры“. Графъ, оче-

видно перетолковываетъ смыслъ войны за болгарское освобожденіе. Это была война не для убійства, а для прекращенія убійства. Это была война не за себя, а за другихъ, для того, чтобы воспрепятствовать сильному убивать слабыхъ. Русскіе въ этой войнѣ шли не убивать своихъ братьевъ, т. е. турокъ, а напротивъ, жертвовать своею жизнью за братьевъ, болгаръ, за нихъ подставляя подъ пули свою грудь. И въ этомъ смыслѣ она была жертвою во имя любви ¹⁾, ибо „больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Графъ, конечно, можетъ сказать, что это было-бы жертвою только тогда, если-бы русскіе вмѣсто болгаръ просто отдали себя на смерть туркамъ, нисколько имъ не сопротивляясь; но русскіе хотя де и подставили себя подъ скорострѣлки за болгаръ, однако и сами убивали ближняго въ лицѣ турка; значитъ все-таки во имя любви къ однимъ ближнимъ убивали другихъ ближнихъ, которые въ свою очередь желали бить самихъ русскихъ. Это конечно правда, что русскіе, защищая болгаръ и защищая сами себя, убивали турокъ, однако это было все-таки не убійство для убійства. Здѣсь убійство, по моему, было нравственнѣе сантиментальнаго и недѣятельнаго созерцанія того, какъ сильный бьетъ слабого. Если-бы ребенокъ графа сталъ какой-нибудь извергъ убивать и мучить, то сталъ-ли бы графъ защищать этого ребенка, или-же ограничился сантиментальнымъ воздыханіемъ и только „ужаснулся“? Если-бы онъ сталъ защищать, то конечно долженъ былъ-бы избрать такое средство, которое бы дѣйствительно защищало. Если-бы онъ для этой защиты просто вмѣсто ребенка подставилъ свою спину, какъ онъ наивно рекомендуетъ въ одномъ своемъ посланіи, то онъ конечно этого ребенка не защитилъ-бы, ибо разбойникъ убилъ-бы и его, и ребенка вмѣстѣ. Чтобы дѣйствительно защитить ребенка, очевидно нужно употребить надъ разбойникомъ насиліе, пригрозить ему смертию и, въ случаѣ новаго покуше-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ о турецкой войнѣ были сдѣланы графу замѣчанія Ѳ. М. Достоевскимъ, по поводу 8 части Анны Карениной. Сочин. Достоевскаго, ч. II, стр. 665 и сл.

нія и борьбы, убить. Тоже самое было въ турецкую войну. Баши-бузуки били и мучили и взрослыхъ и дѣтей; они были предупреждены, но вступили въ борьбу, и были биты и убиваемы. Но убиваемы не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы сами они убивать не смѣли. Какъ это ни странно, однако вѣрно, что изъ любви къ ближнимъ часто приходится съ этими ближними расправляться силою. Странно, но естественно, ибо люди не рождаются въ видѣ такихъ мудрецовъ, какъ графъ, а рождаются существами несовершенными, съ дурными инстинктами, подлежащими культурѣ и обузданію. Но если иногда обязательно употребленіе силы именно ради любви къ ближнему, то Церковь естественно не можетъ остаться къ этому равнодушною. Конечно было-бы лучше, если-бы войны совсѣмъ никогда не было, въ этомъ всѣ согласны. И Церковь не только прямо заповѣдуетъ миръ. Она дѣлаетъ попытки облегчить бѣдствія войны, выкупаетъ плѣнныхъ, примиряетъ враговъ, добивается установленія періодовъ Божьяго мира въ средніе вѣка ¹⁾. Но она видитъ, что люди могутъ умириться не вдругъ, что души людей переработываются постепенно, что міръ можетъ настать только тогда, когда всѣ люди проникнутся ученіемъ ея, очистятъ свое сердце и сдѣлаются совершенными; съ своей стороны она предлагаетъ единственное средство уничтожить войны—это всѣмъ проникнуться всецѣло ея ученіемъ; но она не можетъ принудить людей къ всеобщему замиренію. Она проповѣдуетъ миръ и ждетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она видитъ, что миръ нарушается, что инстинкты человѣческіе нарушаютъ справедливость, что сильный нападаетъ на слабого, что несправедливый вредитъ справедливому, что существуетъ скрытая и открытая вражда между отдѣльными людьми и цѣлыми народами. Тогда она становится на сторону невиннаго и угнетеннаго, на сторону справедливости и человѣколюбія. Она, какъ мать, запрещаетъ дѣтямъ драться, но когда они, вопреки ея воли, начинаютъ драться,

¹⁾ См. взглядъ Церкви на войну у Laurent, Histoire du droit des gens 1855. IV, стр. 175—186 и въ другихъ томахъ.

она становится на сторону справедливаго и угнетеннаго. Церковь не виновата въ томъ, что загораются войны; онѣ возникаютъ вопреки ея проповѣди. Но если война однажды возникла и Церковь стала на сторону справедливаго, развѣ она измѣнила себѣ, развѣ она оправдываетъ черезъ это войну, какъ войну? Поэтому напрасно графъ утверждаетъ, будто учителя вѣры признавали или признаютъ убійство на войнѣ дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры. Не могли этого учителя вѣры признавать. Вѣра требуетъ двухъ вещей: во-первыхъ, чтобы войны не было; во-вторыхъ, если все-таки война есть, чтобы успѣха желать справедливому и обиженному. Церковь православная въ войнѣ неповинна. Тутъ просто недоразумѣніе со стороны графа, происшедшее отъ предвзятаго взгляда на дѣло. Припомните его собственную quasi—вѣру, и тогда станетъ понятно, почему онъ такъ невѣрно смотритъ на отношеніе Церкви къ войнамъ и на самыя войны.

„И не только эти убійства на войнѣ, продолжаетъ графъ, но во время тѣхъ смуть, которыя послѣдовали за войною, я видѣлъ чиновъ Церкви, учителей ея, монаховъ, схимниковъ, которые одобряли убійства заблудшихъ, беспомощныхъ юношей. Я обратилъ вниманіе на все, что дѣлается людьми, исповѣдующими христіанство, и ужаснулся“. Что эти юноши заслуживали примѣрнаго и исключительнаго наказанія, это утверждали не одни духовные и учителя Церкви въ то время. Исключительныхъ наказаній требовали всѣ, у кого было живо патріотическое чувство. Но чтобы узнать, какъ Церковь относится къ смертной казни вообще, графу слѣдовало-бы обратить вниманіе не на одинъ только этотъ исключительный случай. Тогда онъ нашелъ-бы, что существовало въ древности право убѣжища, по которому преступникъ могъ избѣжать наказанія, отдавшись подъ покровительство Божества, пока находился на священной территоріи. У Евреевъ были для этого особые „грады убѣжища“. Въ древней христіанской Церкви тоже существовало право убѣжища и „чины“ Церкви, какъ выражается графъ, не только обладали правомъ заступничества (*intercessio*) передъ судьями, но часто брали преступниковъ на поруки, а монахи нерѣдко просто отбивали

ведомыхъ на казнь у воиновъ ¹⁾. Значить нельзя безусловно утверждать, что Церковь одобряетъ смертную казнь и сочувствуетъ ей. Въ частности припомните споры „заволжскихъ старцевъ“ съ преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ во главѣ противъ защитниковъ казни еретиковъ въ нашей русской Церкви. Значить противъ смертной казни всегда были протесты въ области религіи. И это тѣмъ естественнѣе, что, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая школа криминалистовъ, въ принципѣ отвергающихъ эту мѣру наказанія, во имя самаго права. Лично я не симпатизирую смертной казни во имя непосредственнаго чувства. Еще очень молодымъ юношей, раннимъ майскимъ утромъ, при шумѣ и хохотѣ многочисленной публики, обезпечившей себя раннимъ пробужденіемъ для этого зрѣлища, я видѣлъ разстрѣляніе трехъ разбойниковъ,—и съ той поры не могу отвязаться отъ мысли, что, рано или поздно, смертной казни быть не должно, потому что она не составляетъ неизбѣжной необходимости, или единственнаго средства наказанія въ такихъ случаяхъ. Это единственный пунктъ, въ которомъ я согласенъ съ графомъ и со всѣми, кто думаетъ подобнымъ образомъ. Замѣчательно, что случаи смертной казни встрѣчаются чаще всего въ эпохи „либерализма“, горячихъ словоизверженій о „правахъ человѣка“, о „диктатурѣ сердца“. Во времена французской революціи, когда на улицахъ кричали: *fraternité, égalité, liberté*, на парижскихъ площадяхъ не поспѣвали рубить головы, и вынуждены были выдумать для этого особую машину (гильотину). Напротивъ, у насъ во времена Николая I, когда вмѣсто тѣхъ трехъ абстрактныхъ словъ были поставлены живыя слѣва: православіе, народность, самодержавіе, о смертной казни было не слышно ²⁾. Крѣпкая власть человѣчнѣе безвластія. Но сходясь съ графомъ во взглядѣ на казни вообще, я однако настаиваю на необходимости наказанія особенно для такихъ молодыхъ изверговъ,

¹⁾ Такъ что Феодосій I въ 392, и Аркадій 398 г.г. должны были воспретить это. Сравни вліяніе Церкви, именно Толедскихъ соборовъ, на визиготское законодательство. Гизо, Истор. цивил. въ Евр. II изд. стр. 100.

²⁾ Исключая казни декабристовъ.

каковы были упоминаемые графомъ. Я не могу согласиться съ графомъ и въ томъ, чтобы сочувствіе монаховъ и „чиновъ“ казнямъ было достаточнымъ основаніемъ къ отреченію отъ православнаго ученія. Я настаиваю на своемъ, что графъ только дѣлаетъ видъ, что онъ бросаетъ православіе, какъ прежде дѣлалъ видъ, что его принимаетъ. Какъ видѣлъ читатель изъ предшествовавшей главы, графъ никогда не принималъ православія, а потому и отречься ему было не отъ чего.

Тѣмъ не менѣе графъ говоритъ: „И я пересталъ сомнѣваться и убѣдился вполне, что въ томъ знаніи вѣры, къ которому я присоединился (не разумѣеть-ли здѣсь графъ ту вышеупомянутую книгу?), не все-истина. Прежде я-бы сказалъ, что все вѣроученіе ложно, но теперь нельзя было этого сказать. Весь народъ имѣлъ знаніе истины. Это несомнѣнно, иначе-бы онъ не жилъ (дѣти и животныя живутъ; слѣдуетъ-ли отсюда, что у нихъ есть „знаніе вѣры“?) Кромѣ того, это знаніе истины уже мнѣ было доступно (это мы знали давно), я уже жилъ имъ и чувствовалъ всю его правду, но въ этомъ знаніи была и ложь (выше упомянутая книга тоже раздѣляется на двѣ части: въ одной указывается истинный смыслъ христіанства, а въ другой—ложь его, какъ религіи). И въ этомъ я не могъ сомнѣваться. И все то, что прежде отталкивало меня, теперь снова представало предо мной. Хотя я и видѣлъ, что во всемъ народѣ меньше было той примѣси оттолкнувшей меня лжи, чѣмъ въ представителяхъ Церкви, я все-таки видѣлъ, что и въ вѣрваніяхъ народа была примѣшана къ истинѣ ложь. Откуда-же взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь, и истина переданы тѣмъ, что называютъ Церковью. И ложь, и истина заключаются въ преданіи—въ такъ называемомъ священномъ преданіи— и священномъ Писаніи“. Вы видите, читатель, что графъ совершенно ясно произноситъ самое жестокое слово, какое только, по его мнѣнію, одинъ человекъ можетъ сказать другому: онъ утверждаетъ, что въ народѣ есть ложь, и что ложь эта идетъ отъ Церкви, которая руководится преданіемъ и Писаніемъ, что ложь эта, слѣдовательно, въ преданіи и Писаніи. Прежде, когда ложь гдѣ-нибудь видѣло православіе, онъ

соблазнялся такимъ фактомъ, какъ противорѣчіемъ самымъ основамъ той вѣры, которой онъ жилъ. Теперь онъ живетъ тою же вѣрою, но соблазняться пересталъ, и самъ обвиняетъ во лжи и народъ, и Церковь, и Писаніе. Этого мало. Онъ обрушивается на Церковь и Писаніе со всею силою вражды, на какую способенъ. Почитайте его сочиненіе: „Въ чемъ моя вѣра?“ и предисловіе къ псевдо-евангелію, чтобы убѣдиться, что онъ дышетъ „прещеніемъ“, и обличеніемъ, и враждою. Да и естественно! Развѣ особа, носящая въ своемъ разумѣ божественное разумѣніе, творящее божественную сущность его жизни, развѣ такая особа можетъ стѣсняться тѣмъ, что впадаетъ въ самыя вопіющія противорѣчія. Богамъ законы не писаны,—это правда; но я не зналъ до сихъ поръ, что эти боги разрѣшаютъ себѣ безъ зазрѣнія совѣсти поирать даже законы собственной логики! И выходитъ, что отъ такого божества до гусара только рукой подать.

И о чемъ, подумаешь, графъ хлопочетъ? Вѣдь „знаніе истины“ доступно ему, вѣдь онъ живетъ уже имъ, вѣдь онъ уже видитъ примѣшанную къ нему ложь, какъ это и естественно, ибо кто знаетъ истину, тому легко видѣть ложь. Въ чемъ-же дѣло? А въ томъ вотъ, что будто-бы все-таки еще нужно „ислѣдовать“ Писаніе и преданіе, чтобы и въ немъ отдѣлать ложь отъ истины: вотъ тогда получится ужъ настоящее знаніе истины. Теперь правда ему истина доступна и онъ живетъ ею, но тогда... тогда истина несомнѣнно ужъ откроется! Ничего нельзя иначе сдѣлать! Нужда! „Волей-неволей я приведенъ былъ къ изученію и изслѣдованію этого Писанія и преданія, говоритъ онъ, изслѣдованію, котораго я такъ боялся до сихъ поръ (!). И я обратился къ изученію того самаго богословія, которое я когда-то съ такимъ презрѣніемъ откинулъ, какъ ненужное (когда-же это было?). Тогда оно казалось мнѣ рядомъ ненужныхъ безсмысленницъ. Тогда со всѣхъ сторонъ окружали меня явленія жизни, казавшіяся мнѣ ясными и исполненными смысла. Теперь-бы я и радъ откинуть то, что не лезетъ въ здоровую голову, но дѣваться было некуда („Нужда научаетъ калачи ѣсть“). На этомъ (т. е. христіанскомъ) вѣроученіи зиждется или по крайней мѣрѣ неразрывно связано съ

нимъ то единое знаніе смысла жизни, которое открылось мнѣ (вѣдь открылось уже, а вы говорите: дѣваться некуда!) какъ ни кажется оно (т. е. христіанское ученіе) на мой старый, твердый умъ дикимъ, это — одна надежда спасенія. Надобно осторожно и внимательно разсмотрѣть его, чтобы понять его, хотя бы и не такъ, какъ я понимаю положенія науки (почему же вамъ нужно разсмотрѣть его, когда вы уже знаете и живете истинной и отъ чего вы ищете спасенія въ томъ, что на вашъ старый умъ кажется дикимъ и что не лезетъ въ здоровую голову). Послѣдняго рода пониманія я не ищу и не могу искать, зная (уже!) особенности знанія вѣры. Я не буду искать объясненія всего: знаю, что объясненіе всего должно скрываться, какъ начало всего, въ безконечности. Но я хочу понять такъ, чтобы быть приведеннымъ къ неизбѣжно необъяснимому (такъ понимаютъ всѣ, вѣрующіе въ сверхъ-естественное, ибо они тоже думаютъ, что этотъ неизбѣжно необъяснимый элементъ долженъ быть признанъ умомъ нашимъ). Я хочу, чтобы все то, что необъяснимо, было таковымъ не потому, что требованія моего ума неправильны — они правильны и вѣ ихъ я понять ничего не могу — но потому, что я вижу предѣлы своего ума. Я хочу понять такъ, чтобы всякое необъяснимое положеніе представлялось мнѣ, какъ необходимость разума-же, а не какъ обязательство повѣрить (это дѣло другое, это раціонализмъ). Что въ ученіи (Церкви) есть истина, это для меня несомнѣнно, но несомнѣнно и то, что въ немъ есть и ложь (съ вашей точки зрѣнія) и я долженъ найти истину и ложь (не вообще, конечно, а въ ученіи только) и отдѣлить первую отъ послѣдней. И вотъ я приступаю къ этому. Что я *нашелъ* въ этомъ ученіи ложнаго и что *нашелъ* истиннаго, равно къ какимъ выводамъ я *пришелъ* (только приступаете, а уже нашли и пришли — искусно!), это составляетъ слѣдующія части сочиненія, которое, если оно того стоитъ и нужно кому-нибудь, будетъ вѣроятно когда-нибудь и гдѣ-нибудь напечатано“. 1879 г.

Изъ содержанія этого заключенія видно, что какъ ни старается графъ убѣдить читателя въ необходимости изслѣдованія и объясненія ученія Церкви и Евангелія, сдѣлать этого

ему не удастся. Онъ утверждаетъ, съ одной стороны, что знаніе истины было доступно ему, что онъ жилъ имъ. Съ другой стороны христіанское ученіе Церкви кажется ему смѣсью истины и лжи, оно не лезетъ въ здоровую голову и представляется ему на его старый твердый умъ дикимъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что и нужно эту дичь оставить въ сторонѣ. Но графъ всячески старается доказать, что оставить нельзя. Резонъ одинъ: знаніе истины, которымъ онъ уже владѣетъ, основывается будто-бы на христіанствѣ или неразрывно по крайней мѣрѣ связано съ нимъ. Но если христіанство только связано съ знаніемъ истины и въ немъ есть ложь, то ясно, что знаніе истины основывается не на христіанствѣ; напротивъ, христіанство само основывается на этомъ знаніи истины. И графъ сказалъ-бы правильнѣе, если-бы сказалъ, что знаніе истины, которымъ владѣлъ онъ, въ христіанствѣ только, такъ сказать, обезображено. Вотъ отъ этого-то предполагаемаго безобразія онъ и хочетъ очистить христіанство. Но спрашивается зачѣмъ? Пусть въ христіанствѣ безобразная ложь, вамъ-то что до этого за дѣло? Вы обладаете истиною и проповѣдуйте ее, а христіанство оставьте въ покоѣ. Папуасы, эскимосы, китайцы, индійцы тоже вѣдь учатъ ложно въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Ну, и татары тоже. Отъ чего-же вы взялись не за коранъ, а за Евангеліе? Никакой нѣтъ необходимости братья за Евангеліе: ни логической, ни жизненной. Но причина есть. Она состоитъ въ томъ, что графъ свои воззрѣнія вздумалъ выдать подъ чужимъ именемъ, подъ именемъ Христова ученія. Это называется — воспользоваться чужимъ авторитетомъ. Онъ отлично знаетъ, что его ученіе вовсе не христіанское ученіе, но онъ желаетъ придать ему ореолъ совершеннѣйшей религіи. Вотъ что графъ говоритъ въ предисловіи къ своему псевдо-евангелію. „Если читатель принадлежитъ къ тому ничтожному меньшинству образованныхъ людей, которые держатся церковной вѣры, исповѣдуя ее не для виѣшнихъ цѣлей, а для внутренняго спокойствія, я прошу такого читателя помнить, что ученіе Христа, изложенное въ этой книгѣ, не смотря на одинаковость названія, есть совершенно другое ученіе чѣмъ то, которое онъ исповѣдуетъ, и что потому отношеніе его, исповѣ-

дующаго церковную вѣру; къ этому изложенію ученія Христа есть тоже, какъ отношеніе магометанина къ проповѣди христіанства“. Кажется, ясно! Зачѣмъ-же этому иному ученію давать одинаковое названіе? При чемъ тутъ одинаковость названія? Очевидно оно служитъ „овчею“ одеждою, въ которую графъ наряжаетъ свое ученіе, чтобы придать ему значеніе, котораго оно не имѣетъ. Очевидно также, что исповѣдь графа назначена для прикрытія этого манѣвра, чтобы убѣдить читателя, что все это вышло какъ бы само собою изъ самаго религіознаго развитія графа. Но прикрытіе вышло столь неудачнымъ, что выдало само себя. Именно заключительныя слова показываютъ, что весь этотъ рассказъ о развитіи написанъ и придуманъ послѣ того, какъ графъ уже выполнилъ свое дѣло. „И вотъ я приступаю къ этому“, говоритъ онъ. Эта фраза указываетъ, что исповѣдь написана какъ будто прежде, чѣмъ графъ сочинилъ свое псевдо-евангеліе. Но слѣдующая фраза опровергаетъ это: „что я нашелъ (а не найду) въ этомъ ученіи ложнаго, говоритъ онъ, и что нашелъ (уже) истиннаго, равно къ какимъ выводамъ пришелъ, это *составляетъ* (а не будетъ составлять) слѣдующія части сочиненія“. Очевидно графъ уже написалъ эти части сочиненія, очевидно слѣдующія части явились въ какомъ-нибудь видѣ раньше предыдущихъ, т. е. раньше исповѣди. Это даетъ поводъ думать, что исповѣдь придумана послѣ для прикрытія указаннаго подмѣна.

Итакъ въ продолженіе исповѣди произошло двѣ подмѣны: во-первыхъ, вмѣсто вѣры, противоположной разуму и дающей силу жизни, графъ выдалъ намъ раціоналистическое ученіе о божественности родовой жизни, назвавъ вѣрою придаваніе своему конечному существованію смысла существованія безконечнаго, т. е. родоваго продолженія жизни; во-вторыхъ, вмѣсто евангельскаго повѣствованія о дѣлѣ и условіяхъ искупленія, онъ теперь даетъ намъ подъ именемъ Евангелія совершенно раціоналистическое толкованіе и искаженіе Евангелія въ смыслѣ этой своей вѣры. Но я подозреваю еще третью подмѣну. Графъ утверждаетъ, что онъ выработалъ свое ученіе самъ, и тѣмъ неволью внушаетъ намъ мысль, что это ученіе есть оригинальное, принадлежащее исключительно ему. Рассказъ о томъ,

какъ было выработано имъ это ученіе, обставленъ такими подробностями, что не остается, повидимому, никакого мѣста сомнѣнію въ исключительной принадлежности этого ученія графу. Но я думаю иначе. Я уже имѣлъ случай указать, что метафизика или философія графа есть философія Спенсера, а богословіе графа или его религія представляетъ сходство съ самою „озорною“ книгою нашего вѣка. Я указывалъ, что ученіе о существѣ вѣры, таинствахъ евхаристіи и крещенія, о противорѣчьи между вѣрою и любовію, о противорѣчьи между вѣроисповѣданіемъ и общимъ родовымъ сознаніемъ человѣчества, которое есть единственная религія, о вѣроисповѣдномъ сомнѣніи, объ историческомъ взглядѣ на христіанство,—что ученіе обо всемъ этомъ буквально сходно съ ученіемъ этой книги. Самое основное положеніе графа, что жизнь есть Богъ, принадлежитъ этому-же автору. Теперь я открою секретъ теологіи графа, если только читатель уже не догадался въ чемъ дѣло: авторъ этотъ есть не кто иной, какъ самый беззастѣнчивый софистъ нашего вѣка, Людвигъ Фейербахъ, а книга есть извѣстное хитросплетенное произведеніе его, именуемое: „Сущность христіанства“. Я утверждаю, что графъ написалъ свое псевдо-евангеліе, насколько оно касается теологіи, совершенно по-Фейербаховски. Ученіе о „сынѣ человѣческомъ“ есть ученіе о родовомъ сознаніи Фейербаха. „Богъ христіанскій есть не что иное, говоритъ Фейербахъ, какъ созерцаніе непосредственнаго единства рода и индивидуума, общаго и частнаго“¹⁾. Вся теологія псевдо-евангелія графа выражена въ этихъ словахъ. Я не стану теперь подробно говорить объ этомъ псевдо-евангеліи, не стану говорить и о теологіи сочиненія: „Въ чемъ моя вѣра?“ Оба сочиненія повторяютъ одно и то же. Общій-же смыслъ воззрѣній графа мною уже указанъ въ шестой главѣ моей статьи. Но если бы кто-нибудь захотѣлъ заняться подробнымъ изученіемъ этой теологіи, тому я настоятельно рекомендую прочесть прежде всего вышеупомянутое сочиненіе Фейербаха. По моему мнѣнію, графъ, сознательно или несо-

¹⁾ Глава XVII.

знательно, вмѣсто своего даетъ намъ Фейербаховское ученіе. Иначе говоря: графъ Толстой не оригиналь, а копія.

Итакъ г. Фейербахъ есть тотъ таинственный спутникъ, который незримо сопровождалъ и сопровождаетъ графа въ его аллегорическомъ плаваніи, т. е. въ осмысленіи обрядовъ и ученія православной Церкви.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ РАЦІОНАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

Мы старались доказать существенное отличіе понятій отъ представленій и самостоятельность раціональнаго познанія путемъ психологическимъ. Мы могли-бы придти къ тому-же результату и путемъ логическаго анализа абстрактныхъ понятій какъ по ихъ содержанію, такъ и по формѣ, и отдѣлить въ нихъ элементы дѣйствительно заимствованные изъ опыта отъ элементовъ, которые никоимъ образомъ не могли произойти изъ этого источника и должны быть отнесены на счетъ нашего разума. Это мы и попытаемся сдѣлать въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи о понятіяхъ категорическихъ, такъ какъ въ нихъ съ наибольшею ясностью и силою выступаетъ на видъ этотъ апріорный, не опытный элементъ. Здѣсь-же, что касается до понятій общихъ, въ точномъ значеніи этого слова, ограничимся замѣчаніемъ, что какъ-бы много ни приписывали опыту участія въ ихъ образованіи, мы не можемъ объяснить ихъ происхожденія безъ предположенія независимаго отъ опыта дѣятеля, каковъ нашъ разумъ. Допустимъ въ угоду сенсуалистамъ самое больше,—что все содержаніе нашихъ понятій заимствуется изъ опыта. Однакоже самый рѣшительный сенсуалистъ долженъ признать, что понятіе не то же что конкретное представленіе или возрѣніе, что оно есть обобщеніе или

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 года. № 4.

извѣстная комбинація представленій или частей ихъ, что эта комбинація составляетъ не сама собою, какъ нибудь и случайно, но по извѣстнымъ строго опредѣленнымъ законамъ, указываемымъ логикою и для извѣстной цѣли,—познаванія. Итакъ, независимо отъ возрѣній и представленій, мы должны признать въ душѣ особую комбинирующую и отличную отъ нихъ силу, потому что логическая связь мыслей отлична отъ связи представленій по законамъ, такъ называемой, ассоціаціи идей. Такимъ образомъ если мы даже допустимъ сенсуалистическое положеніе: nihil est in intellectu, quod non ante fuerit in sensu, то во всякомъ случаѣ съ Лейбницевою прибавкою: nisi intellectus ipse. Правда, вынужденный здѣсь уступить нѣкоторыя права разуму и нѣкоторую долю участія въ образованіи понятій, сенсуализмъ старается иногда довести до крайняго minimum эти права; онъ хочетъ видѣть въ разумѣ не болѣе какъ *формальную* способность комбинировать тѣ или иныя представленія,—способность, лишенную всякаго внутренняго содержанія; все содержаніе онъ относитъ на счетъ опыта. Однакоже, признавая согласно съ опытомъ, что дѣятельность нашего мышленія есть *сознательная* дѣятельность, онъ долженъ допустить и то, что мы можемъ сознавать не только эмпирическое содержаніе нашихъ мыслей, но и тѣ независимыя отъ опыта законы и нормы, по которымъ это содержаніе слагается въ извѣстныя группы, называемыя понятіями, сужденіями, умозаключеніями. Итакъ, вотъ мы имѣемъ сознательныя и вполнѣ независимыя отъ опыта представленія или понятія по крайней мѣрѣ о законахъ нашего разума. Такимъ образомъ самый крайній эмпиризмъ долженъ допустить не только самостоятельную силу разума, но и извѣстное, хотя ограниченное, содержаніе, исключительно принадлежащее этой силѣ, извѣстные апріорные элементы нашего познаванія. Intellectus, о которомъ говоритъ Лейбницъ, есть не простая формальная сила, но обладающая нѣкоторымъ свойственнымъ себѣ содержаніемъ.

Чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ и избѣжать противорѣчій себѣ, сенсуализмъ долженъ-бы прямо вычеркнуть разумъ съ его самостоятельными законами изъ ряда познавательныхъ способностей и объяснить происхожденіе нашихъ понятій изъ

тѣхъ-же механически дѣйствующихъ законовъ, которые управляютъ образованіемъ чувственныхъ воззрѣній и представленій. Въ попыткахъ этого рода не было недостатка, начиная отъ грубой попытки Ламетри, который своею фикціею „человѣк-машины“ думалъ объяснить происхожденіе всѣхъ нашихъ познаній чисто механическимъ путемъ, и кончая болѣе утонченными и сложными теоріями Гербарта и его послѣдователей, объясняющими образованіе нашихъ понятій путемъ притяженія и сплавленія однородныхъ представленій и сходныхъ въ нихъ элементовъ, по законамъ хотя психологическимъ, но столь же необходимымъ, какъ механическіе законы природы и аналогичнымъ съ ними. Предоставляя психологіи критическій разборъ этихъ теорій ¹⁾, замѣтимъ, что съ гносеологической и метафизической точки зрѣнія они несомнѣнно должны быть отвергнуты уже потому, что, будучи послѣдовательно проведены, неминуемо приведутъ къ уничтоженію не только достовѣрности, но и самой возможности нашего познанія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ насъ нѣтъ самостоятельной силы мышленія, властвующей надъ представленіями и преобразующей ихъ въ понятія по своимъ законамъ, если понятія образуются сами собою по законамъ ассоціаціи представленій и суть тѣ же въ сущности представленія, если эти законы дѣйствуютъ съ механическою неизмѣнностію, то какое мы имѣемъ право говорить объ истинѣ и неистинѣ понятій, ихъ достовѣрности и недостовѣрности, предъявлять къ нимъ какія либо логическія требованія? Какъ сами собою образовавшіеся механическимъ путемъ сплавленія сходныхъ представленій и ихъ элементовъ, они имѣютъ равное гносеологическое значеніе.—Далѣе, если понятія въ сущности не отличны отъ представленій и образованіе ихъ подчинено законамъ ассоціаціи послѣднихъ, а представленія не нами создаются, а получаютъ отвѣтъ, слагаясь въ свою очередь изъ чувственныхъ воззрѣній, то все дѣло нашего познанія въ концѣ—концовъ поставляется въ зависимость отъ окружающей насъ эмпирической дѣйствительности, отъ количества

¹⁾ Основательный разборъ такъ наз. „Verschmelzungstheorie“ Гербарта, Фортляге и др. см. у Ульрици, въ его *Leib und Seele*. 1866 p. 448—537.

и качества получаемыхъ нами впечатлѣній. Какихъ и сколько получено нами впечатлѣній, столько и такихъ должно быть у насъ представленій, а затѣмъ понятій и мыслей, такъ какъ понятія суть только извѣстныя комбинаціи представленій, а законы этихъ комбинацій непреложны и для всѣхъ людей одинаковы; знаніе каждаго человѣка,—простой эстрактъ полученныхъ имъ впечатлѣній; объективной, общеобязательной, единой истины нѣтъ и быть не можетъ. Но подобнаго рода выводъ противорѣчитъ нашему внутреннему опыту. Мы ясно сознаемъ, что образованіе тѣхъ или иныхъ нашихъ понятій вовсе не подчинено какимъ-либо неизбѣжнымъ механическимъ законамъ, что мы свободно владѣемъ ходомъ нашего мышленія, вслѣдствіе чего и возможны такого рода явленія, какъ напр. сомнѣніе въ правильности нашихъ мыслей, ошибки и сознательное исправленіе ихъ, неудовлетворенность даннымъ понятіемъ о предметѣ, стремленіе образовать иное съ полнымъ сознаніемъ возможности сдѣлать это. Конечно въ нашемъ мышленіи мы дѣйствуемъ по извѣстнымъ логическимъ законамъ; но самая возможность уклоняться отъ этихъ законовъ, не выполнять ихъ, словомъ—заблуждаться, ясно показываетъ, что эти законы вовсе не то-же, что механическіе законы природы, будутъ-ли то законы физическіе или психологическіе законы ассоціаціи представленій, уклоненіе отъ которыхъ невозможно. Это ясно показываетъ, что понятія не происходятъ только въ насъ вслѣдствіе сочетанія представленій, но что мы ихъ производимъ изъ матеріала отчасти доставляемаго представленіями и что производитъ ихъ свободно дѣйствующая сила,—разумъ. Въ пользу этого говоритъ и самое разнообразіе понятій между людьми, при одинаковости или сходствѣ представленій. Въ самомъ дѣлѣ, если понятія механически, такъ сказать, сплавляются изъ представленій по извѣстнымъ законамъ, то въ кругу лицъ, получающихъ тождественныя впечатлѣнія, живущихъ напр. въ одной и той-же странѣ, въ одномъ и томъ-же обществѣ, въ одно и тоже время, мы должны-бы находить если и не тождество, то замѣчательное сходство въ понятіяхъ и образѣ мыслей; но опытъ очевидно противорѣчитъ этому. Если скажутъ, что это различіе понятій, при одинаковости впечатлѣній мо-

жетъ быть объяснено различіемъ индивидуальной природы лицъ получающихъ впечатлѣнія, то на это должно замѣтить, что теорія, которая смотритъ на познавательную способность человека какъ на *tabula rasa*, едва-ли можетъ допустить столь сильное различіе природной индивидуальности между людьми, чтобы она могла значительно видоизмѣнять составъ нашихъ понятій. При томъ-же ни одна сенсуалистическая теорія не указываетъ намъ ни свойствъ этой индивидуальности, ни степени вліянія ея на образованіе нашихъ понятій. И дѣйствительно, при единствѣ законовъ ассоціація представленій, у всѣхъ людей, индивидуальныя различія (напр. дарованій) могли бы отражаться только въ нѣкоторой интенсивности, такъ сказать, понятій и въ быстротѣ ихъ образованія, но не въ ихъ содержаніи, которое получается отвнѣ; у однихъ понятія образовались-бы быстрѣе, у другихъ медленнѣе, но содержаніе ихъ было-бы тоже. Между тѣмъ на опытѣ мы видимъ, что между лицами, получающими совершенно сходныя впечатлѣнія отъ окружающаго міра и общества, встрѣчаются не только нѣкоторыя отгѣнки, но радикальная противоположность возрѣній, зависящая отъ полной разности ихъ понятій о вещахъ, что совершенно необъяснимо съ сенсуалистической точки зрѣнія на наше познаніе.

Наконецъ, считая понятія видоизмѣненіемъ представленій, совершающимся по извѣстнымъ законамъ ихъ сложенія и разложенія, мы должны-бы допустить, что не только качество, но и количество нашихъ понятій идетъ пропорціонально съ качествомъ и количествомъ получаемыхъ впечатлѣній, кои сами собою преобразуются въ представленія. Правда, опытъ до извѣстной степени подтверждаетъ такое значеніе количества и качества полученныхъ впечатлѣній для нашего познанія, но онъ-же представляетъ такія частыя исключенія изъ этого правила, которыя показываютъ, что представленія имѣютъ только содѣйствующее, а не рѣшающее значеніе въ образованіи нашихъ понятій. Мы видимъ, что при одинаковомъ количествѣ и качествѣ воспринятыхъ впечатлѣній люди чрезвычайно различаются строемъ своего мышленія, что глубина и сила мысли, богатство понятій далеко не пропорціональны объему полученныхъ впечатлѣ-

ній, что масса впечатлѣній и усвоенныхъ представлений имѣетъ иногда подавляющее вліяніе на ходъ, свѣжесть и самостоятельность нашего мышленія. Все это показываетъ, что главный дѣятель въ образованіи нашихъ понятій есть сила разума, свободно образующая ихъ по имманентнымъ ей законамъ, а не сила представленія, дѣйствующая механически. Относя все въ дѣлѣ мышленія на счетъ впечатлѣній и представлений, мы никакъ не поймемъ того напр., какъ скромный ваятель Сократъ могъ возвыситься надъ уровнемъ міросозерцанія многоученныхъ и много путешествовавшихъ софистовъ, или какъ малограмотный башмачникъ Бемъ, ничего не выдавшій кромѣ своего ничтожваго роднаго города, могъ создать такія глубокомысленныя понятія, которыя приняты во вниманіе и оцѣнены по достоинству такими широкообразованными философами, какъ напр. Шеллингъ.

2. Какъ скоро утверждена самостоятельность общихъ понятій и отличіе ихъ отъ представлений, какъ скоро признано, что хотя они состоятъ изъ нашихъ разумомъ на основаніи данныхъ опыта, но не происходятъ изъ одного опыта исключительно, то этимъ дается уже почва для возникновенія и правильнаго рѣшенія другаго метафизическаго вопроса, касающагося общихъ понятій,—соотвѣтствуетъ-ли имъ и въ какой мѣрѣ реальное бытіе и, слѣдовательно, обладаетъ-ли нане раціональное познаніе, по своему содержанію состоящее изъ сочетанія общихъ понятій, объективною достовѣрностью? Подобнаго рода вопросъ, очевидно, возможенъ только относительно того элемента, который привносится въ понятія нашимъ разумомъ и который дѣлаетъ понятія именно понятіями, а не конкретными представленіями. Что касается до элемента эмпирическаго, до тѣхъ представлений или частей представлений, которыя сопровождаютъ понятія и служатъ ихъ схемами или чувственными представителями, то, какъ мы уже говорили, они не могутъ имѣть реальнаго значенія. Дѣйствительное отображеніе въ насъ конкретно чувственныхъ объектовъ можетъ быть дано только въ конкретномъ представленіи; а тѣ тускляя или видовзмѣненныя зрительныя или слуховыя представленія (образы и слова), которыми сопровождаются понятія, не могутъ имѣть никакой соотвѣтствующей себѣ эмпирической вещи.

Въ чемъ-же теперь состоитъ тотъ привносимый въ понятія разумомъ элементъ, который дѣлаетъ ихъ именно понятіями, а не простымъ видоизмѣненіемъ представленій? Отвѣтъ на это заключается уже въ самомъ названіи: *общее* понятіе или общее представленіе. Особенность разума состоитъ въ томъ, что онъ хотя на почвѣ данныхъ опыта, но самостоятельно составляетъ нѣкоторые мысленные объекты, отличные отъ объектовъ конкретныхъ, о которыхъ даютъ намъ знать чувства, — объекты, которые, вслѣдствіе того, что они соединяютъ въ одно цѣлое свойства общія многимъ эмпирическимъ предметамъ, можно назвать общими, а по способу ихъ происхожденія въ насъ, — умопостигаемыми объектами. Итакъ, вопросъ здѣсь собственно въ томъ, соотвѣтствуетъ-ли созданіямъ нашего разума — общимъ объектамъ какая-либо находящаяся внѣ нашего разума дѣйствительность, также какъ созданіямъ нашей чувственно-познавательной силы, — представленіямъ, дѣйствительныя конкретныя вещи? Иначе, — бытіе общее, познаваемое разумомъ, также ли реально, какъ бытіе конкретное, познаваемое чувствами, слѣдовательно и познаніе о немъ, также ли достоверно, какъ познаніе эмпирическое?

Сенсуализмъ, вполне здѣсь согласный съ средневѣковымъ номинализмомъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Дѣйствительно существуетъ и достоверно познается только единичное, а не общее. Такъ, напр., въ дѣйствительности существуетъ тотъ, другой, третій человѣкъ, Петръ, Иванъ, Федоръ, но не существуетъ человѣка вообще; существуетъ тотъ, другой, третій конкретный домъ, столъ, но нѣтъ дома, стола вообще. Значитъ этимъ общимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ ничего реального и они, какъ выражались схоластики, суть не болѣе какъ *nomina, flatus vocis*.

Но противъ этого, послѣдовательно сенсуалистическаго воззрѣнія прежде всего нужно отмѣтить тотъ завѣдомый и всеобщій фактъ нашего сознанія, что мы постоянно говоримъ и мыслимъ объ общемъ, какъ о чемъ-то реальномъ. Мы говоримъ, пишемъ, разсуждаемъ о домѣ, деревѣ, человѣкѣ и т. п. какъ о чемъ-то дѣйствительномъ; мы не можемъ отрѣшиться отъ такого воззрѣнія, и если-бы намъ удалось отъ него отрѣ-

шиться, то мы должны-бы придти къ печальному убѣжденію, что все, что мы ни говоримъ, говоримъ о чемъ-то не существующемъ реально, все, о чемъ мы разсуждаемъ, пишемъ, относится къ чему-то вовсе къ не существу на самомъ дѣлѣ. Мы должны придти къ полному отрицанію возможности познанія. Въ самомъ дѣлѣ, разложите всѣ наши мысли на ихъ послѣдніе элементы и вы увидите, что всѣ онѣ состоятъ изъ сочетанія общихъ понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Разложите самую нашу рѣчь на ея послѣдніе элементы,— слова и вы опять увидите, что каждое слово выражаетъ или обозначаетъ какое-либо общее понятіе, а не конкретный предметъ, такъ что и наше мышленіе и наша рѣчь состоитъ собственно изъ различной комбинаціи общихъ понятій. Если-же теперь общимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ ничего реального, то и нашему мышленію и слову также не соотвѣтствуетъ ничего реального. Объективность нашего знанія исчезаетъ; наука, стремящаяся къ выводу общихъ заключеній изъ данныхъ опыта, заботящаяся объ открытіи общихъ законовъ явленій, говорящая не объ индивидуальныхъ предметахъ, а объ общемъ, обращается въ пустой фантомъ, въ иллюзію мысли. Единственно сколько-нибудь достовѣрнымъ и объективнымъ элементомъ во всемъ нашемъ познаніи остаются единичныя представленія отдѣльныхъ предметовъ, т. е. самый низшій и менѣе всего цѣнный видъ эмпирическаго познанія, которымъ обладаютъ и животныя. Все то лишнее, что отличаетъ познаніе человѣка отъ знанія животнаго, оказывается не существеннымъ приобрѣтеніемъ, которымъ справедливо гордится человѣкъ, но пустою мечтою, лишенною реальности.

Но если нельзя рѣшиться на такое уничтоженіе достовѣрности нашего познанія и на обращеніе его въ субъективный миражъ, если оно должно имѣть какую-либо реальную цѣнность, то очевидно, что это возможно только подъ однимъ условіемъ, что общимъ понятіямъ, изъ которыхъ, какъ изъ своихъ первоначальныхъ элементовъ, оно слагается, соотвѣтствуетъ что либо реальное, что, слѣд., существуетъ внѣ насъ не только конкретное, но и общее.

Противоположное мнѣніе можетъ основываться только на

грубо сенсуалистическомъ или точнѣе, — материалистическомъ предположеніи, что подлинно существуетъ только то бытіе, о которомъ даютъ намъ знать внѣшнія чувства, — бытіе материальное, и что кромѣ его и внѣ его не можетъ быть никакого реального бытія. А такъ какъ все чувственно воспринимаемое является намъ какъ бытіе конкретныхъ вещей, то кромѣ этого конкретнаго бытія, отраженіемъ котораго въ нашемъ сознаніи служатъ возрѣнія и представленія, не можетъ быть никакого иного реально познаваемаго бытія. Но мы уже имѣли случай говорить о несостоятельности этого метафизическаго принципа материализма. Мы показали, что область реально сущаго и объективно познаваемаго далеко не исчерпывается тѣми феноменами, о которыхъ даютъ намъ знать непосредственное чувственное возрѣніе ¹⁾. Но если вообще возможно существованіе чего-либо нечувственного и нематериальнаго не только въ насъ, но и внѣ насъ, то очевидно возможно и существованіе въ вещахъ субстрата общихъ понятій, — общаго ими обозначаемаго. Если же возможно существованіе такого субстрата, то само собою слѣдуетъ и то, что для воспріятія его, для познанія объективнаго элемента общихъ понятій, мы должны предположить какой-либо другой органъ въ нашей познавательной силѣ, кромѣ способности чувственнаго познанія. Поэтому никакъ не можетъ служить возраженіемъ противъ объективнаго значенія общихъ понятій то, что познанія объ объектахъ ихъ мы не можемъ получить путемъ непосредственнаго чувственнаго возрѣнія, что, на примѣръ, этотъ домъ, этотъ столъ, Петра, Ивана мы видимъ, а стола, дома, человѣка, не только видѣть, но въ точномъ смыслѣ и представить даже не можемъ. Несостоятельность этого, основаннаго на грубо-материалистическомъ возрѣніи на дѣйствительность, возраженія выступаетъ для насъ еще яснѣе, когда вспомнимъ, что столъ цѣнимъ сенсуализмомъ, по ихъ реальному значенію, возрѣнія и представленія, вовсе не суть такія вѣрныя и точныя копіи дѣйствительнаго бытія, какъ обыкновенно думаютъ. Вѣдь самое живое

¹⁾ „Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія“. „Вѣра и Разумъ“ 1886. № 3, 4.

и конкретное чувственное воззрѣніе далеко не исчерпываетъ всего содержанія познаваемаго при его помощи и постоянно измѣняющагося предмета, а только нѣкоторыя черты и свойства, схваченныя нами въ извѣстный моментъ его бытія или отразившіяся въ сознаніи. Вѣдь и представленіе въ сущности есть мысленное объединеніе въ одинъ цѣльный образъ впечатлѣній, полученныхъ разными органами чувствъ и въ разное время. Вотъ почему можно сказать, что и воззрѣніе и представленіе есть не копія предмета, а нѣкотораго рода абстракція отъ дѣйствительности, такъ что въ образованіи ихъ какъ-бы въ зародышѣ и на низшей степени повторяется тотъ-же процессъ, который продолжается и съ большею ясностію выступаетъ въ образованіи общихъ понятій; и въ созданіи воззрѣній и представленій, а не однихъ понятій, принимаетъ участіе не одинъ внѣшній міръ, но и наша познавательная сила. Поэтому мы вправѣ видѣть противорѣчіе сенсуализма себѣ самому въ томъ, что онъ, утверждая объективность представленій и воззрѣній, отрицаетъ въ то же время объективное значеніе общихъ понятій. Если участіе субъективнаго элемента въ образованіи первыхъ не препятствуетъ ни ихъ реальности, ни достовѣрности эмпирическаго познанія, то точно также это обстоятельство не можетъ служить и возраженіемъ противъ достовѣрности понятій и основаннаго на нихъ рациональнаго познанія.

Но все это, скажутъ намъ, устраняетъ только возраженія, которыя могутъ быть выставлены противъ существованія бытія общаго, какъ объективнаго коррелята понятій, но не ручается еще за реальное существованіе его не только въ насъ, но и внѣ насъ. Конечно, для доказательства такого существованія достаточно было-бы того простаго факта, что понятія о вещахъ не создаются нами произвольно, но на основаніи данныхъ опыта и въ свою очередь прилагаются къ даннымъ опыта, не только въ знаніи, для объясненія ихъ, но и въ практической жизни и подтверждаются такимъ образомъ въ своей истинѣ самымъ опытомъ. Это показываетъ, что въ основанномъ на понятіяхъ знаніи мы имѣемъ не призрачное, а реальное знаніе, что этотъ реальный характеръ его зависитъ отъ нѣ-

котораго внѣшняго принудительнаго элемента, который заставляетъ нашъ разумъ составлять именно такія, а не иныя понятія о вещахъ, именно, — понятія соотвѣтствующія дѣйствительности и отличать ихъ отъ понятій ложныхъ и дѣйствительности несоотвѣтствующихъ. Такимъ образомъ внѣ насъ должно быть нѣчто такое, соотвѣтствіе съ чѣмъ опредѣляетъ для насъ степень реальной (а не формальной только) истины и достовѣрности понятій.

Но тѣмъ не менѣе, не ограничиваясь этимъ общимъ выводомъ, всмотримся ближе въ метафизическое содержаніе понятія и попытаемся приложить къ нему тѣ признаки, которые для нашего сознанія служатъ критеріями для опредѣленія реальности бытія и для отличенія объектовъ существующихъ отъ не существующихъ или существующихъ только субъективно, въ нашей мысли.

Главнымъ и самымъ рѣшительнымъ изъ этихъ критеріевъ служитъ дѣйствіе какого-либо объекта на насъ и способность его воспринимать на себя наше воздѣйствіе (такъ называемое дѣйствіе и страданіе, *actio et passio*). Хотя этотъ признакъ нѣсколько субъективнаго характера, такъ какъ вполне возможно предположить, что можетъ быть реальное бытіе, которое совершенно недоступно нашему познанію, можетъ не оказывать на насъ никакого дѣйствія и не испытывать отъ насъ взаимодѣйствія, но тѣмъ не менѣе это признакъ рѣшительный по отношенію къ сферѣ бытія нами сознаваемаго. Не можетъ реально существовать внѣ насъ то, что никакъ отъ внѣ насъ не дѣйствуетъ и на что мы не можемъ дѣйствовать, хотя-бы и имѣли о томъ мысль или представленіе, напр., крылатая лошадь. Въ этомъ отношеніи реальность бытія конкретнаго несомнѣнна; предметы производятъ на насъ впечатлѣнія и мы съ своей стороны, по крайней мѣрѣ по отношенію къ предметамъ ближайшимъ къ намъ и намъ доступнымъ, также можемъ дѣйствовать на нихъ, напр., двинуть этотъ столъ, срубить это дерево. Съ этой точки зрѣнія реальность общаго кажется сомнительною. Объ общихъ предметахъ мы, повидимому, должны сказать тоже, что Кантъ говорилъ о пространствахъ и времени въ отрицаніе ихъ реальнаго характера: мы не испи-

тываемъ дѣйствія на насъ пространства и времени самихъ по себѣ, но только предметовъ, которые мы представляемъ себѣ въ пространствѣ и времени. Мы не испытываемъ на себѣ дѣйствія того общаго, которое выражается понятіями, самаго по себѣ, но только индивидуальныхъ вещей, которымъ въ нашемъ познаниі только придаемъ форму общаго; мы не испытываемъ на себѣ, напр., дѣйствія человѣчества, народа, общества, но только дѣйствіе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ. Но какъ тамъ невозможность для насъ испытывать впечатлѣнія отъ пространства и времени самихъ по себѣ висколько не служила доказательствомъ въ пользу субъективнаго только значенія этихъ понятій, такъ точно и здѣсь. Все это соображеніе имѣло-бы силу лишь въ томъ случаѣ, если-бы мы признавали самостоятельное существованіе общихъ понятій въ отдѣльности отъ частныхъ предметовъ обнимаемыхъ этими понятіями, по подобію, напр., самосущихъ Платоновыхъ идей, стоящихъ надъ понятіями и отдѣльно отъ нихъ; тогда мы имѣли-бы право сказать, что ни мы не испытываемъ дѣйствія этихъ сущностей на насъ, ни сами не можемъ дѣйствовать на нихъ. Но если общее существуетъ не иначе какъ въ частномъ и въ неразрывномъ единеніи съ нимъ, то и дѣйствовать оно на насъ (равно какъ и мы на него) можетъ не иначе, какъ черезъ частное и въ существенной связи съ нимъ. Итакъ, для опредѣленія степени реальности общаго чрезъ приложеніе къ нему категорій дѣйствія и страданія—мы должны искать не невозможнаго дѣйствія на насъ общаго самаго по себѣ, въ его отрѣшенности отъ частнаго, но посмотрѣть, не дѣйствуетъ-ли на насъ (и обратно) вмѣстѣ съ конкретными предметами нѣчто такое, что уже не есть спеціальное дѣйствіе того или другаго предмета, но что принадлежитъ извѣстной совокупности или общности ихъ и не заключаетъ-ли въ себѣ это общее дѣйствіе какихъ-либо характеристическихъ отличій отъ дѣйствій частныхъ? Но рассматривая съ этой точки зрѣнія дѣйствія или впечатлѣнія производимыя на насъ предметами, мы имѣемъ право отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Мы, напр., ясно сознаемъ, что впечатлѣніе, которое производитъ на насъ лѣсъ, вовсе не то, что впечатлѣніе производимое каждымъ деревомъ отдѣльно и что впечатлѣніе об-

шаго ландшафта данной мѣстности опять не то, что впечатлѣніе лѣса, входящаго въ составъ его. Опять дѣйствіе на насъ свѣта, тепла, холода, сырости не то, что впечатлѣніе того или другаго частнаго освѣщеннаго, нагрѣтаго, холоднаго или сыраго предмета. Конечно въ впечатлѣніи тепла, свѣта и пр. эти предметы дѣйствуютъ на насъ; отвлеченнаго отъ нихъ дѣйствія тепла, свѣта, нѣтъ; но они дѣйствуютъ на насъ не своею конкретностью, какъ эти именно предметы, но общими имъ со многими другими качествами; поэтому характеръ реальности дѣйствія по справедливости долженъ принадлежать не только частному, но и общему. Тоже должно сказать и относительно понятій принадлежащихъ къ области духовнаго бытія. Возьмемъ, напр., понятія: общественное мнѣніе, христіанская религія, законодательство; они дѣйствуютъ на насъ реально и эта реальность наглядно выражается въ характерѣ и особенностяхъ нашихъ поступковъ. Мы хорошо знаемъ и испытываемъ вліяніе на насъ христіанской религіи, мы подчиняемся общественному мнѣнію и знаемъ вліяніе опредѣленнаго законодательства на жизнь и нравы. Но это дѣйствіе на насъ религіи, общественнаго мнѣнія, законодательства вовсе не одно и тоже, что конкретное вліяніе того или другаго индивидуума изъ окружающихъ насъ лицъ, того или инаго христіанина, судьи. Христіанская, напр., религія, не тоже, что то или другое лице ее исповѣдающее, та или другая лежащая предъ нами книга, въ которой изложены догматы этой религіи, хотя конечно она не существуетъ, какъ что-то стоящее отдѣльно отъ лицъ, въ которыхъ она осуществляется; точно также какъ общественное мнѣніе, законодательство не суть самостоятельныя вещи, существующія отдѣльно отъ людей. Какъ не только конкретное, во и общее въ реальномъ бытіи можетъ дѣйствовать на насъ, такъ и наоборотъ мы съ своей стороны можемъ дѣйствовать на него, конечно опять не иначе, какъ черезъ посредство частнаго. Созрѣвшая въ умѣ нашемъ абстрактная мысль, понятіе можетъ произвести извѣстное дѣйствіе, оказать вліяніе не только на того, другаго, третьяго человека, съ которымъ мы встрѣтились или который прочелъ написанную нами книгу, но чрезъ нихъ на извѣстное общество,

народъ, время; а гениальныя понятія и идеи на все чело-
вѣчество.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ категоріи дѣйствія и стра-
данія частное и общее не представляютъ существеннаго раз-
личія. Разница лишь въ томъ, что частное и конкретное не-
посредственно дѣйствуетъ на наши чувства и непосредствен-
но познается въ чувственномъ воззрѣніи и представленіи, —
общее же дѣйствуетъ на насъ въ конкретномъ и черезъ кон-
кретное, поэтому и познаемъ его не иначе какъ въ частномъ
и черезъ посредство частнаго; общія понятія составляются ра-
зумомъ на основаніи данныхъ опыта и путемъ отвлеченія отъ
нихъ, въ этомъ отношеніи раціональное познаніе въ отличіе
отъ эмпирическаго мы можемъ назвать посредствованнымъ
познаніемъ.

Другимъ критеріемъ къ опредѣленію степени реальности
бытія служитъ признакъ постоянства и неизмѣнности. На осно-
ваніи этого признака мы отличаемъ въ реальномъ бытіи явле-
ніе и сущность вещи, случайныя и существенныя, измѣнчивыя
и неизмѣнныя свойства предмета. Хотя какъ явленіе, такъ и
сущность какъ случайное, такъ и необходимое въ предметѣ
составляютъ одинаково реальныя опредѣленія его, но тѣмъ не
менѣе мы признаемъ, что истинное, подлинное бытіе въ немъ
принадлежитъ именно тому, что составляетъ его сущность, его
неизмѣнное начало среди измѣнчивыхъ феноменовъ. Такъ, напр.,
въ извѣстномъ деревѣ такое или иное количество, расположе-
віе вѣтвей и листьевъ случайно и измѣнчиво, но самое дерево,
или, лучше сказать, то невидимое, организующее его начало,
отъ котораго зависитъ его жизнь, а съ нею и возможность
происходящихъ въ немъ измѣненій, остается неизмѣннымъ и
постоянно пребывающимъ, пока живетъ дерево. Прилагая те-
перь этотъ признакъ постоянства и устойчивости къ бытію
конкретному и общему для опредѣленія степени реальности
ихъ, легко замѣчаемъ, что бытіе общее въ этомъ отношеніи
имѣетъ большія преимущества предъ бытіемъ конкретнымъ, и
что эти преимущества увеличиваются въ той мѣрѣ, въ какой
мы восходимъ по ступенямъ общности. Такъ напр. извѣстной
породы дерево существуетъ въ то время, какъ отдѣльные эк-

земляры этой породы возникаютъ и уничтожаются; человѣкъ существуетъ на земли постоянно, хотя отдѣльные лица одни за другимъ исчезаютъ и т. п.

Конечно, выставя предикатъ постоянства и неизмѣнности бытія, какъ доказательство реальности общаго, мы не думаемъ злоупотреблять этимъ предикатомъ и вѣдаться въ противоположную номинализму крайность идеалистическаго реализма и на основаніи этого предиката считать, наоборотъ, истинно сущимъ и реальнымъ одно общее, а бытіе индивидуальное только отрицаніемъ его, или случайнымъ феноменомъ нашего сознанія. Идеализмъ, какъ извѣстно, съ особенною силою и односторонностью держится за этотъ признакъ неизмѣнности и постоянства, какъ за единственно вѣрную примѣту истинно сущаго бытія; роды вещей, говоритъ онъ, вѣчны и неизмѣнны; индивидуумы эфемерны и скоропреходящи; слѣдовательно, только общее, типы, идеи подлинно существуютъ и достоверно познаются. Но прежде всего должно замѣтить, что и общее, — роды и типы существъ и предметовъ, хотя болѣе устойчивы, чѣмъ индивидуумы, но также не вѣчны и потому къ нимъ не можетъ быть приложенъ признакъ бытія абсолютнаго; они только относительно устойчивѣе и постояннѣе, чѣмъ предметы индивидуальныя. Затѣмъ, эта большая ихъ устойчивость и большее постоянство бытія нисколько не уполномочиваетъ насъ на заключеніе, что менѣе устойчивое и постоянное, — индивидуальное, поэтому и не существуетъ реально и есть только случайный моментъ бытія общаго. Изъ сравненія бытія общаго съ конкретнымъ логически слѣдуетъ не уничтоженіе истины и реальности послѣдняго, а только то заключеніе, что оно хотя реально существуетъ, но *менѣе* приближается къ типу бытія абсолютнаго, чѣмъ бытіе общее. Для нашей цѣли достаточно было-бы даже того результата, что бытіе общее, если и не болѣе, то во всякомъ случаѣ *не менѣе* реально, чѣмъ бытіе конкретное, такъ какъ къ нему вполне прилагается признакъ постоянства, характеризующій реальное бытіе. А отсюда слѣдуетъ, что и общія понятія, выражающія въ нашемъ познаніи это общее, не менѣе объективны, какъ и конкретныя представленія.

Противъ этого вывода о значеніи общихъ понятій могутъ,

конечно, указать на представляющуюся на первый взгляд измѣнчивость, разнообразіе и постоянную усовершенствованность нашихъ понятій въ сравненіи съ неизмѣнностью и одинаковостью у всѣхъ представленій о конкретныхъ предметахъ. Напр. это дерево, этотъ домъ, этого человѣка представляютъ всѣ люди одинаково, но понятія о деревѣ, домѣ, человѣкѣ вообще, очень разнообразны; вотъ почему и бываетъ такъ трудно дать точное логическое опредѣленіе понятіямъ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что представленія даютъ намъ отображенія дѣйствительно существующихъ вещей, тогда какъ понятія суть только субъективные продукты нашего познающаго ума. Не будемъ здѣсь говорить о томъ, что и представленія наши о вещахъ не такъ однообразны и неизмѣнны, какъ кажутся; одинъ и тотъ-же предметъ, сообразно индивидуальной особенности каждаго, представляется для каждаго съ своеобразнымъ, неуловимымъ для другаго оттѣнкомъ. Дѣло въ томъ, что, такъ называемая, измѣнчивость понятій, кажется не общаго содержанія ихъ, а только большей полноты, ясности, правильности пониманія этого 'содержанія. Измѣнчивый и преходящій элементъ здѣсь относится не къ самому предмету понятія, а къ различнымъ степенямъ субъективнаго усвоенія его нашимъ познающимъ разумомъ. Когда, напр., мы говоримъ: человѣкъ, животное, дерево, то каждый очень хорошо понимаетъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, хотя между понятіями о человѣкѣ, животномъ, деревѣ фізіолога, філософа или простолюдина есть чрезвычайное различіе и между этими понятіями опять можетъ быть множество градацій и оттѣнковъ. Слѣдовательно, общее понимаемое въ понятіи одно и тоже, а только степени пониманія различны; у одного понятіе болѣе полно, точно, широко, у другого менѣе. Отсюда видно, что разность пониманія содержаемаго въ понятіи не можетъ служить доказательствомъ реальности самаго содержанія. Если-же дѣйствительно существуетъ относительное различіе между однообразіемъ представленій и разнообразіемъ понятій, то это зависитъ отъ того, что представленіе есть низшая форма познанія, имѣющая свои довольно тѣсно очерченныя предѣлы; представленіе человѣка ве болѣе даетъ для знанія, чѣмъ представленіе животнаго. Оно

завершено въ своемъ развитіи, будучи ограничено полемъ дѣйствія нашихъ чувственныхъ органовъ, и никакія усилія не могутъ заставить человѣка представить предметъ яснѣе, полнѣе, иначе, чѣмъ сколько позволяютъ видѣть въ немъ нормальные органы чувствъ. Иное дѣло понятія; сила и способность пониманія не ограничена ничѣмъ, кромѣ условій ограниченности нашей духовной природы вообще. Поэтому вполне естественна измѣнчивость и усовершенствование понятій, чѣмъ обуславливается и самая возможность постепенно идущаго впередъ познанія. Но эта измѣнчивость познанія также мало можетъ говорить противъ реальности нознаваемаго при помощи понятій, какъ напр. въ области представленій то обстоятельство, что близорукой или съ слабымъ зрѣніемъ видятъ предметы хуже и не такъ отчетливо представляетъ ихъ, какъ человѣкъ съ хорошимъ зрѣніемъ, не можетъ наводить тѣни сомнѣнія на дѣйствительность самыхъ представляемыхъ предметовъ.

Такимъ образомъ и въ отношеніи къ признаку постоянства и неизмѣнности бытія реальность общаго является по меньшей мѣрѣ столь-же достовѣрною, какъ и реальность конкретнаго. Главная причина, почему такъ часто отрицается истина общаго и потому объективное значеніе общихъ понятій та, что стоящій на низшей ступени познанія человѣкъ привыкаетъ считать болѣе дѣйствительнымъ и реальнымъ только наглядно ему представляющееся, чувственное и конкретное. Онъ не можетъ себѣ представить инаго бытія кромѣ того, которое постоянно дѣйствуетъ на его внѣшнія чувства. Тѣмъ болѣе трудно для не философскаго мышленія такое представленіе потому, что общее или идеальное въ предметахъ существуетъ не отдѣльно отъ конкретнаго, но въ связи съ нимъ и имъ постоянно закрывается: конкретное и чувственное для насъ всегда ставится на первомъ планѣ. Но этотъ предразсудокъ обыденнаго мышленія, на которомъ въ сущности и основываются теоріи сенсуализма и номинализма, должна разрушить философія при помощи анализа какъ представленія, такъ и понятія. Она показываетъ, что чувственно конкретными вещами не исчерпывается область сущаго, что бытіе общее и не чувственное, хотя оно и не представимо въ чувственно адекватныхъ обра-

захъ, тѣмъ не менѣе реально существуетъ и составляетъ по-
этому предметъ объективнаго познанія.

Утвержденіемъ самостоятельности и достовѣрности общихъ
понятій достигнута ближайшая цѣль нашего изслѣдованія этихъ
понятій,—опроверженіе сенсуалистическаго воззрѣнія на ихъ
происхожденіе и значеніе. Что касается до вопроса о сущно-
сти, того метафизическаго или идеальнаго элемента, выраже-
ніемъ котораго въ нашемъ познаніи служатъ понятія, и до
отношенія его къ элементу чувственному или эмпирическому,
то рѣшеніе его должно составлять дальнѣйшую задачу ме-
тафизики, какъ ученія о сущности бытія. Въ настоящемъ
случаѣ ограничимся ближайшимъ къ нашему предмету и вы-
текающимъ изъ нашего изслѣдованія заключеніемъ, что общее
столь-же реально, какъ и частное, но существуетъ не отдѣльно
отъ послѣдняго, а въ существенной связи съ нимъ. При та-
комъ воззрѣвіи сохраняется въ своемъ истинномъ значеніи по-
знаніе какъ общаго, такъ и частнаго, и устраняются крайно-
сти, какъ идеалистическаго реализма, утверждающаго истину
только общаго, съ уничтоженіемъ бытія конкретнаго, такъ и
сенсуалистическаго номинализма, утверждающаго только бытіе
конкретное, съ уничтоженіемъ истины общаго. Иначе, коротко
выражаясь довольно точною въ настоящемъ случаѣ формулою
схоластической философіи, мы признаемъ *universalia in re* и
отрицаемъ *universalia ante rem* идеалистовъ и *universalia post
rem* сенсуалистовъ.

В. Юдрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

Извѣстно, что О. Контъ ограничивалъ задачу философіи систематизаціею положительныхъ знаній, при чемъ однако заключительнымъ звѣномъ въ предположенной имъ системѣ знаній должна быть, по Конту, социологія,—наука тогда еще не существовавшая, не существующая и доселѣ, слѣдовательно, всего менѣе имѣющая право быть причисленною къ знаніямъ положительнымъ. Умы философовъ, подобныхъ О. Конту, всегда заняты проектами, рассчитанными на далекое отъ насъ будущее. Но занятый будущимъ, Контъ не подумалъ о томъ, чтобы оправдать такія предположенія своей философіи, которыя стояли въ разрѣзъ съ прошлымъ прочно установившимся, съ прошлымъ той самой философіи, которую онъ вознамѣрился преобразовать. О. Контъ допускалъ только внѣшнее наблюденіе; внутреннее-же наблюденіе, или самонаблюденіе, какъ особый способъ или источникъ познанія, онъ рѣшительно отвергалъ, признавая его невозможнымъ. Но какъ-же иначе какъ не путемъ самонаблюденія мы можемъ знать о томъ, какимъ образомъ происходитъ въ нашемъ умѣ или сознаниі дѣятельность познавательная, въ особенности какимъ образомъ происходитъ мышленіе. Между тѣмъ объ этомъ предметѣ издавна существуютъ вполне установившіяся въ главныхъ чертахъ философскія теоріи. При томъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 4.

же О. Контъ самъ утверждалъ, что причины вещей для насъ непознаваемы, что познанію нашему доступны лишь отношенія сходства, совмѣстности и послѣдовательности наблюдаемыхъ явленій. Но дабы имѣть возможность рѣшительно судить о томъ, что познаваемо для насъ и что не познаваемо, очевидно необходимо предварительно изслѣдовать, какъ происходитъ въ насъ самое познаніе и въ чемъ оно состоитъ, особенно же надлежало точно выяснитъ размѣръ и значеніе участія нашего мышленія въ дѣлѣ познанія вещей. Вотъ этотъ именно пробѣлъ въ позитивной филозофїи и вознамѣрился восполнить своею Логикою Д. С. Милль.

„Положимъ, говоритъ Милль, что предложеніе „герцогъ Веллингтопъ смертенъ“ есть непосредственный выводъ изъ предложенія: „Всѣ люди смертны“. Откуда-же почерпемъ мы знаніе этой общей истины? Конечно изъ наблюденія. Но наблюденію человѣка доступны лишь отдѣльные случаи. Изъ нихъ должны бѣть выведены всѣ общія истины, и на единичные случаи эти истины могутъ быть снова разложены, потому что общая истина есть лишь совокупность истинъ частныхъ, есть объемлющее выраженіе, которымъ неопредѣленное число единичныхъ фактовъ утверждается или отрицается разомъ. Поэтому единичные случаи составляютъ все доказательство, какимъ мы можемъ обладать, и ни одна логическая форма, въ которую намъ вздумалось-бы облечь его, не можетъ придать ему большей силы“¹⁾. На этомъ основаніи Милль полагаетъ, что лучше идти болѣе краткимъ, прямымъ путемъ, именно отъ частнаго заключать къ частному, вмѣсто того, чтобы сначала изъ частныхъ случаевъ выводить общее положеніе, а затѣмъ изъ общаго положенія снова выводить частный случай. „Я не вижу почему было-бы невозможно добратъся отъ одного мѣста къ другому иначе какъ взобравшись на холмъ и потомъ спустившись съ него“.— „Мы не только можемъ заключать отъ частнаго къ частному, но непрерывно такъ заключаемъ. Таковы всѣ выводы нашего дѣтства. Мы дѣлаемъ заключенія съ перваго пробужденія

¹⁾ Система Логики, рус. пер. 1865. т. I стр. 223—225.

нашего ума и не мало времени проходитъ пока мы научимся употреблять общіе термины... Такимъ-же образомъ заключаютъ и животныя. Они также пользуются опытомъ и избѣгаютъ того, что нашли причиняющимъ страданіе,—дѣлаютъ это подобно человѣку, хотя не всегда съ одинаковымъ искусствомъ... Даже люди научно образованные и обладающіе, въ формѣ общихъ предложеній, систематическимъ сводомъ результатовъ изъ человѣческой опытности не всегда должны обращаться къ этимъ общимъ предложеніямъ съ цѣлью приложить опытность къ новому случаю. Догальдъ Стюартъ справедливо замѣчаетъ, что хотя въ математикѣ заключенія вполне зависятъ отъ аксіомъ, однако для сознанія нами того, что доказательство оправдываетъ заключеніе, вовсе нѣтъ необходимости прямо приводить аксіомы. Когда выводится, что АВ равно CD, потому что каждое изъ нихъ равняется EF, самый неразвитый умъ, понявъ предложенія, согласится съ выводомъ, хотя-бы никогда не слышалъ общей истины, что величины равныя одной и той-же величинѣ, равны между собою“ ¹⁾. Это, по мнѣнію Милля, объясняется тѣмъ, что „общія предложенія, называются-ли они опредѣленіями, аксіомами или законами природы, суть только сокращенныя какъ-бы скорописныя отмѣтки частныхъ фактовъ, на которыхъ въ данномъ случаѣ мы въ правѣ основываться, какъ уже имѣющихъ доказательную силу, и которыми мы можемъ пользоваться въ видѣ предположенія принимаемаго нами за истинное“ ²⁾. „Вотъ почему хотя мы и заключаемъ большею частію отъ частнаго къ частному, по этимъ не исключается польза и важность сведенія отдѣльныхъ случаевъ къ общимъ положеніямъ. Обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ называется *индукціей*. Важное значеніе индукціи заключается въ томъ, что обобщенія, дѣлаемыя посредствомъ индукціи, обнимаютъ не только случаи уже извѣстные по опыту, но и неопредѣленное множество другихъ таковыхъ-же случаевъ, которые могутъ встрѣтиться когда либо. Отсюда очевидно, что осно-

¹⁾ Ibid. стр. 229.

²⁾ Стр. 230—231.

ваніемъ индуктивнаго обобщенія слѣдуетъ признать не просто отдѣльные случаи взятые порознь, но ихъ сходство“.

Итакъ сужденіе Милля объ общихъ положеніяхъ двойтся. Разсматривая общія положенія, какъ сокращенное выраженіе отдѣльныхъ случаевъ, Милль правильно заключаетъ отсюда, что общія положенія ничего не прибавляютъ къ суммѣ, имѣющихся у насъ фактическихъ свѣдѣній, и что слѣдовательно, когда требуется сдѣлать выводъ, то не только мы можемъ обходить общія положенія, прямо переходя отъ одного частнаго случая къ другому, но даже такой способъ заключенія представляется Миллю болѣе удобнымъ, кратчайшимъ. Но съ другой стороны не могъ-же Милль игнорировать того факта, что и въ обыденномъ, особенно-же въ научномъ мышленіи мы постоянно пользуемся общими положеніями и что выводъ общихъ положеній есть важнѣйшая задача научныхъ изслѣдованій. При томъ-же и для Милля очевидно, что, высказывая общее положеніе, мы подразумеваемъ не только случаи извѣстные намъ по опыту, но также еще безграничное множество такихъ-же случаевъ, имѣющихся когда-либо произойти. Онъ самъ говоритъ объ этомъ такъ: „Общее предположеніе есть не только сокращенная форма для обозначенія и удержанія въ памяти нѣкотораго числа частныхъ фактовъ, которые всѣ были наблюдаемы. Обобщеніе есть не только процессъ называнія, но и *процессъ вывода*. Изъ случаевъ, которые мы наблюдали, мы признаемъ себя въ правѣ заключить, что найденное нами истиннымъ въ этихъ случаяхъ оказывается вѣрнымъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, какъ-бы многочисленны они не были. При помощи драгоцѣнной способности языка, позволяющей намъ говорить о многихъ вещахъ какъ будто-бы онѣ были одною, мы заносимъ все, что наблюдали и все, что *выводимъ изъ нашихъ наблюдений*, въ одно краткое выраженіе, и такимъ образомъ, для памяти и сообщенія знаній, можемъ прибѣгать къ одному предположенію вмѣсто безконечнаго числа ихъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ оказывается, что общее поло-

¹⁾ Стр. 224, т. I.

женіе не есть только сокращенное повтореніе нѣкотораго числа извѣстныхъ случаевъ или фактовъ, но сверхъ этого заключаетъ въ себѣ еще и выводы изъ отдѣльныхъ наблюденій. При этомъ Милль не замѣчаетъ того, что если въ общемъ положеніи мы не только обзрѣваемъ отдѣльные, извѣстные намъ, случаи, но и подразумеваемъ выводъ сдѣланный изъ отдѣльныхъ случаевъ, то уже никакъ нельзя признать общее положеніе лишь сокращеннымъ выраженіемъ замѣченныхъ отдѣльныхъ фактовъ. Не самые факты мы имѣемъ въ виду, а сдѣланный относительно фактовъ выводъ, когда выражаемъ общее положеніе. Въ чемъ состоитъ выводъ? Въ томъ, что, замѣчая нѣкоторое свойство въ извѣстномъ намъ числѣ отдѣльныхъ случаевъ, мы заключаемъ, что и во всѣхъ сходныхъ съ замѣченными нами случаяхъ должно повторяться тоже свойство. На чемъ основывается это заключеніе? Очевидно на замѣченномъ нами сходствѣ случаевъ, къ которымъ относится заключеніе. Именно отъ сходства отдѣльныхъ предметовъ или фактовъ по нѣкоторымъ признакамъ мы заключаемъ, что должно быть также сходство и относительно того признака, о которомъ мы дѣлаемъ заключеніе. И при томъ, что особенно важно, для твердости заключенія сходство требуется полное, такъ какъ за основаніе заключенія мы принимаемъ не просто сходство, которое можетъ быть случайнымъ, а одинаковость, тождественность предметовъ или случаевъ. А такъ какъ извѣстно, что и двухъ совершенно тождественныхъ, неразличимыхъ вещей не бываетъ, то очевидно требуемое тождество слѣдуетъ понимать какъ совпаденіе не во всѣхъ и всякихъ безъ различія признакахъ, а только въ признакахъ важнѣйшихъ, — существенныхъ. Слѣдовательно, мы съ увѣренностію можемъ ожидать повторенія извѣстнаго свойства во всѣхъ одинаковыхъ случаяхъ тогда лишь, если предполагаемъ связь этого свойства съ другими важнѣйшими, т. е. существенными свойствами того предмета, къ которому заключеніе наше относится. А связь эта можетъ быть только причинная, состоящая въ томъ, что или одно свойство предмета является послѣдствіемъ другаго, или-же цѣлая совокупность свойствъ является необходимымъ послѣдствіемъ дру-

гой совокупности свойствъ. Причинная связь мыслится какъ необходимая. Поэтому если причинная связь есть принципъ нашихъ выводовъ, то и самый смыслъ выводовъ состоитъ собственно въ томъ, что одно явленіе мы представляемъ какъ *необходимо* связанное съ другимъ; эта-то предполагаемая нами необходимая связь и дѣлаетъ то, что выводимое нами заключеніе мы не ограничиваемъ числомъ извѣстныхъ намъ случаевъ, а относимъ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ.

Итакъ скрытымъ основаніемъ, такъ называемыхъ, индуктивныхъ обобщеній, служитъ предполагаемая нами повсюду необходимая связь вещей.

Этотъ простой и въ сущности неизбѣжный выводъ Милль дѣлаетъ, повидимому, съ крайнею неохотою; и здѣсь у него мысль двоится между допущеніемъ и отрицаніемъ необходимости, мыслимой нами въ видѣ всеобщаго закона причинности.

Смотря на общія положенія прежде всего какъ на обобщенія отдѣльных случаевъ, Милль поэтому не хочетъ признать, что есть положенія, которымъ свойственна общность безусловная, а неотносительная, простирающаяся только на случаи извѣстные по опыту намъ или другимъ лицамъ. Отличительный признакъ положеній, имѣющихъ безусловную общность, тотъ, что положенія эти мы мыслимъ какъ безусловно необходимыя, исключаящую всякую возможность противнаго имъ. Отсюда Милль старается показать, что нѣтъ такого положенія, которое-бы не допускало возможности противнаго тому, что имъ утверждается ¹⁾. „Я не могу не удивляться, говоритъ онъ, что такая важность придается обстоятельству немыслимости, когда столько опытовъ показываютъ, что наша способность или неспособность представить себѣ вещь (какъ возможную) заключаетъ весьма мало общаго съ возможностью вещи самой въ себѣ, что она (т. е. способность) есть, собственно,

¹⁾ Милль такъ формулируетъ отвергаемый имъ принципъ о всеобщихъ и необходимыхъ истинахъ: предложенія, отрицаніе которыхъ немыслимо, или иначе, которыя мы не можемъ представить себѣ ложными, должны опираться на доказательство высшаго и сильнѣйшаго рода, чѣмъ какія можетъ доставить опытъ. Логика т. I, 282.

дѣло весьма случайное и зависитъ отъ минувшей исторіи и привычекъ нашего ума. Самый общепризнанный фактъ въ человѣческой природѣ тотъ, что сначала бываетъ крайне трудно представить себѣ возможность того, что не согласуется съ давнишнимъ и привычнымъ опытомъ или даже съ укоренившимися привычками мысли. Если мы часто видѣли и представляли себѣ два предмета вмѣстѣ, и никогда ни въ одномъ случаѣ не видѣли и не представляли себѣ ихъ отдѣльно, то по основному закону ассоціаціи существуетъ увеличивающееся затрудненіе представить себѣ эти двѣ вещи разво и затрудненіе это можетъ наконецъ стать непреодолимымъ... Было время, когда люди чрезвычайно развитаго ума и наиболѣе освободившіеся отъ господства раннихъ предрасудковъ не могли вѣрить существованію антиподовъ... Картезіанцы долго отвергали Ньютоново ученіе о тяготѣніи тѣлъ другъ къ другу, опираясь на общее предложеніе, противное которому казалось имъ невысказаннымъ—на предложеніе, что тѣло не можетъ дѣйствовать тамъ гдѣ его нѣтъ¹⁾. Основаніе, на которомъ обыкновенно опираются наши убѣжденія, заключается въ единообразіи опыта. Когда извѣстный фактъ много разъ повторялся, то противное намъ кажется невѣроятнымъ или невозможнымъ, но это только до тѣхъ поръ такъ кажется, пока не встрѣтится случай противоположный. „Что всѣ металлы тонуть въ водѣ,—это постоянно подтверждалось опытомъ и было общепризнано, пока не былъ открытъ калий серомъ Гумфр. Деви“. Въ пемногихъ случаяхъ единообразіе опытовъ составляетъ сильнѣйшее изъ возможныхъ доказательствъ, напр., относительно такихъ предложеній, какъ „двѣ прямыя линіи не могутъ заключать пространства“; „каждому событію есть причина“. Но единообразіе опытовъ составляетъ такое доказательство не потому, чтобы отрицаніе упо-

¹⁾ Т. I стр. 282—285. Милль очевидно здѣсь не различаетъ логической невозможности, невысказанности отъ простаго незнанія, или отъ затруднительности для насъ представить себѣ вещь, которая намъ никогда не встрѣчалась, или которой мы объяснить себѣ не можемъ. А между тѣмъ различіе это такъ ясно и очевидно, что Милль самъ его указываетъ, когда разбираетъ ученіе Спенсера о невысказанности, какъ критеріи достовѣрности. См. Ibid. 319 стр.

мянутыхъ предложеній было немислимо, а потому, что опытъ, оказавшійся столь единообразнымъ, проникаетъ всю природу ¹⁾).

„Порядокъ природы не только единообразенъ, но и до безконечности различенъ. Нѣкоторыя явленія всегда повторяются; другія-же кажутся крайне своенравными; иныя мы привыкли считать связанными, но неожиданно встрѣчаются раздѣленными. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ жителю центральной Африки вѣроятно ни одинъ фактъ не казался опирающимся на болѣе однообразный опытъ какъ тотъ, что всѣ люди черны. Европейцамъ за небольшое число лѣтъ предложеніе: всѣ лебеди бѣлы,—казалось одинаково несомнѣннымъ примѣромъ единообразія въ порядкѣ природы“ ²⁾).

„Метафизики утверждаютъ, что всеобщность связи причины со слѣдствіемъ есть истина, въ которую мы вѣримъ по неволѣ, что вѣра въ нее есть инстинктъ. Въ доказательство этого говорятъ, что всякій вѣритъ въ упомянутую истину, и они причисляютъ ее къ предложеніямъ, по ихъ каталогу довольно многочисленнымъ, которыя могутъ быть логически оспариваемы и пожалуй не могутъ быть логически доказаны, но облечены высшимъ противъ логики авторитетомъ и до того присущи человѣческому духу, что даже люди, отрицающіе ихъ въ теоріи, всѣми своими дѣйствіями показываютъ, что ихъ доводы не производятъ впечатлѣнія на нихъ самихъ“.

По мнѣнію Милля, такое мнѣніе метафизиковъ о значеніи закона причинности неосновательно. Одна склонность вѣрить, говоритъ онъ, если и предположить, что она инстинктивна, не доказываетъ еще истинности того, чему вѣрятъ. Если бы вѣра была непреодолимою необходимостью, тогда конечно нечего было-бы противъ нея спорить; измѣнить ее было-бы невозможно. Но такой необходимости на дѣлѣ нѣтъ. Нѣтъ предложенія, о которомъ можно-бы утверждать, что человѣческой умъ долженъ вѣрить въ него вѣчно и безвозвратно. Вещи, о которыхъ предполагалось, что никто не можетъ въ нихъ не вѣрить, безчисленны; однако нѣтъ двухъ поколѣній, которые

¹⁾ Т. I стр. 315.

²⁾ Ibid. 361 стр.

составили-бы имъ одинъ и тотъ-же списокъ. Одинъ вѣкъ или народъ безусловно вѣритъ тому, что другому кажется невѣроятнымъ и немыслимымъ; въ одномъ лицѣ нѣтъ и слѣда вѣрованія, которое другой считаетъ безусловно присущимъ человечеству. Въ числѣ этихъ вѣрованій, предполагаемыхъ инстинктивными, нѣтъ ни одного дѣйствительно неизбежнаго. Каждый воленъ развить въ себѣ привычки мышленія, которыя сдѣлаютъ его свободнымъ отъ этихъ вѣрованій.

Привычка къ философскому анализу показываетъ намъ, что вещи не необходимо связаны на дѣлѣ, когда идеи о нихъ связаны въ нашемъ духѣ; тѣмъ самымъ она способна развязать безчисленныя ассоціаціи, деспотически господствующія надъ умомъ неупражнявшимся или рано зараженнымъ предрасудками. И привычка эта не бессильна даже надъ тѣми ассоціаціями, которыя упомянутая школа считаетъ врожденными и инстинктивными. *Я убѣжденъ*, что всякій, кто привыкъ къ отвлеченію и анализу и усердно употребляетъ на это свои способности и пріучилъ свое воображеніе усвоивать и сохранять данное представленіе, безъ всякаго затрудненія можетъ представить, что на примѣръ въ какомъ-либо изъ отдѣловъ, на которые астрономія раздѣляетъ міръ, событія случайно и безъ всякаго опредѣленнаго закона слѣдуютъ одно за другимъ. При томъ-же на самомъ дѣлѣ невѣрно будто люди всегда вѣрили, что всѣ послѣдовательности событій однообразны и происходятъ по опредѣленнымъ законамъ. Греческіе философы, неисключая Аристотеля, къ дѣятелямъ природы причисляли случай и произволь (*τύχη* и *αὐτόματον*)... Законъ, состоящій въ причинной связи явленій, мы признаемъ всеобщимъ лишь потому, что повсюду въ опытѣ находимъ подтвержденіе этого закона. „Что оказалось истиннымъ въ безчисленныхъ случаяхъ и ни разу не оказывалось ложнымъ по надлежащемъ изслѣдованіи любого изъ этихъ случаевъ, мы можемъ безъ всякаго опасенія принимать за всеобщій законъ,—пока не встрѣтится несомнѣнное исключеніе“... Но очевидно, что основанія для признанія означеннаго закона теряютъ свою силу за предѣлами возможнаго для насъ опыта. Посему причинную связь явле-

ній слѣдуетъ признавать закономъ не вселенной, а лишь ея части, которая доступна нашему наблюденію ¹⁾.

Послѣ всего изложеннаго кажется не можетъ быть сомнѣнія относительно того, какъ смотритъ Милль на общія положенія и какое имъ придаетъ значеніе. Истинность таковыхъ положеній опирается единственно на свидѣтельствъ опыта. А такъ какъ опытъ, сколько-бы мы ни расширяли его, всегда ограниченъ и всегда будетъ ограниченнымъ, то и не можетъ быть такихъ общихъ положеній, истинность которыхъ была-бы безусловна, не ограничивалась-бы никакими условіями мѣста и времени; истинное теперь могло быть неистиннымъ прежде или можетъ оказаться ложнымъ впоследствии; что достовѣрно относительно происходящаго на нашей планетѣ, то самое быть можетъ ложно въ отношеніи къ другимъ частямъ вселенной. Собственно говоря, если строго слѣдовать этой точкѣ зрѣнія, то мы должны признать и самое слово міръ, вселенная, не имѣющимъ никакого смысла, ибо если не существуетъ такого понятія, которое-бы мы въ правѣ были относить одинаково ко всѣмъ міровымъ тѣламъ, то, слѣдовательно, мы не имѣемъ и не можемъ имѣть въ нашемъ умѣ ничего такого, чѣмъ обобщались-бы и связывались всѣ міровыя тѣла въ одно цѣлое. Милль не подумалъ и о томъ, какой взглядъ получается на собственную его Логику, если признать вѣрными изложенныя выше его разсужденія: опъ долженъ-бы сказать, что изложилъ или выразилъ въ ней нажитыя имъ привычки своего мышленія. Но привычныя для него понятія и взгляды могутъ оказаться несогласными съ умственными навыками другихъ лицъ, которыя онъ однако не въ правѣ отвергать, если всякій воленъ приучить свой умъ къ какимъ угодно взглядамъ и представленіямъ. Если Милль и можетъ считать истиннымъ свои сужденія и взгляды, то развѣ только для себя самаго. Взгляды Милля таковы, что ими уничтожается собственное его дѣло. Онъ хотѣлъ представить систему логики, т. е. науку о разумѣ (отъ слова λόγος), а между тѣмъ смотритъ на разумъ,

¹⁾ Т. 2—стр. 94—106.

какъ на пустое мѣсто, которое опытъ наполняетъ всякими случайными замѣтками. Какая возможна послѣ этого логика? Однако какъ Милль ни приучалъ свой умъ къ противологическимъ взглядамъ, но не могъ-же онъ совершенно извратить, а тѣмъ болѣе искоренить то, что заключено въ природѣ человѣческаго разума, именно увѣренность, что есть и должно быть всеобщее, необходимое и безусловное. Когда требуется доказать, что для нашихъ понятій, даже наиболѣе общихъ, не имѣется никакихъ иныхъ основаній, кромѣ показаній опыта, тогда и закону причинности, не смотря на призваніе этого закона наиболѣе общимъ, Милль придаетъ ограниченное и условное значеніе. Но въ другомъ случаѣ онъ признаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ безусловный характеръ этого закона. Такъ онъ говоритъ, что причину явленія можно опредѣлить какъ предшествующее или совокупность предшествующихъ, за которыми явленіе неизмѣнно или безусловно слѣдуетъ. Причинная связь, по мнѣнію Милля, есть единообразіе послѣдовательности безусловное, отличное отъ послѣдовательности условной, какова напримѣръ послѣдовательность дня и ночи ¹⁾. Законъ причинности и въ другомъ отношеніи является камнемъ преткновенія для логической теоріи Милля.

Милль самъ указываетъ на то замѣчательное явленіе, что иногда одного факта достаточно для вывода общаго положенія, иногда-же безчисленное множество случаевъ не обезпечиваетъ основаннаго на нихъ заключенія противъ возможности противнаго этому заключенію ²⁾. Чѣмъ можетъ быть

¹⁾ „Неизмѣнная послѣдовательность не однозначна съ отношеніемъ причины къ слѣдствію, развѣ если послѣдовательность не только неизмѣнна, но и безусловна. Поэтому причину явленія мы можемъ опредѣлить какъ предшествующее, или совокупность предшествующихъ, за которыми явленіе неизмѣнно и безусловно слѣдуетъ“. Т. 1, стр. 392.

²⁾ „Почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ примѣръ достаточенъ для полнаго наведенія, между тѣмъ какъ въ другихъ міриады согласныхъ примѣровъ, при отсутствіи даже одного исключенія, извѣстнаго или предполагаемаго, такъ мало приближаютъ къ установленію общаго предложенія? Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, знаетъ болѣе о философіи логики, чѣмъ мудрѣйшій изъ древнихъ, и рѣшилъ задачу о наведеніи“. Т. I. стр. 365.

объяснено это явленіе съ точки зрѣнія Милля? По теоріи Милля, нѣтъ иного способа для вывода общихъ положеній кромѣ индукціи. А такъ какъ принципъ или основаніе индукціи заключается въ общемъ законѣ причинности ¹⁾, то казалось-бы, что тогда именно одинъ фактъ достаточенъ для вывода общаго заключенія, когда въ немъ ясно открывается причина того предмета, который требуется разъяснить, и наоборотъ, множество случаевъ недостаточно, если они не указываютъ причины. Но вѣдь и самый законъ причинности, по Миллю, познается и можетъ быть выведенъ только посредствомъ индукціи,—какимъ-же образомъ законъ причинности можетъ служить принципомъ индукціи? При томъ-же, въ чемъ состоитъ причинность? Слѣдуя философіи Юма, Милль опредѣляетъ причинность, какъ такое отношеніе послѣдовательности, которое состоитъ въ томъ, что одно явленіе всегда и неизмѣнно предшествуетъ, а другое слѣдуетъ за нимъ, и предъидущее мы называемъ причиною, а послѣдующее дѣйствіемъ этой причины. Спрашивается, какимъ-же образомъ одинъ фактъ можетъ быть достаточнымъ показателемъ того, что слѣдуетъ считать неизмѣнно предъидущимъ и неизмѣнно послѣдующимъ? Вѣдь только привычка постоянно встрѣчать извѣстныя явленія сопутствующими другъ другу, по Миллю, побуждаетъ насъ признавать одно изъ таковыхъ явленій за неизмѣнно предъидущее, а другое за неизмѣнно послѣдующее, а чтобы образовалась такая привычка единичнаго наблюденія недостаточно. Мы можемъ знать, что вотъ это явленіе всегда предшествуетъ, а другое слѣдуетъ за нимъ, только послѣ многократной встрѣчи съ этими явленіями. Такимъ образомъ, если иногда изъ одного факта мы выводимъ общее положеніе, то или это явленіе не имѣетъ отношенія къ принципу причинности и должно быть иваче объяснено, или-же слѣдуетъ отвергнуть теорію Милля о томъ, какъ мы приходимъ къ познанію причиннаго отношенія вещей. Но первое предположеніе недопустимо, слѣдовательно остается признать второе. Дѣйствительно, если

¹⁾ Понягіе причины—корень всей теоріи объ индукціи. Ibid. стр. 377.

всякое объясненіе фактовъ имѣетъ своею задачею раскрытіе ихъ причинной связи, то ясно, что для вывода общаго положенія, опредѣляющаго причинную связь вещей, достаточно и одного факта, какъ скоро этотъ фактъ указываетъ намъ на такую связь и можетъ привести насъ къ познанію ея ¹⁾.

Что-же касается того, въ чемъ состоитъ причинная связь вещей и какъ она познается, то очевидно никакъ нельзя признать теорію Милля объ этомъ предметѣ. Теорія эта есть не что иное, какъ выводъ изъ общаго взгляда эмпирической школы на познаніе. Такъ какъ, по ученію эмпирической школы, познаніе образуется изъ отдѣльныхъ представленій, возникающихъ у насъ вслѣдствіе чувственныхъ впечатлѣній, представленія-же означаютъ отдѣльныя вещи или ихъ свойства и состоянія, то очевидно всякое общее положеніе, какъ простирающееся на множество отдѣльныхъ вещей, или ихъ свойствъ, должно быть совокупностію множества отдѣльныхъ представленій. На этомъ основаніи эмпирики утверждаютъ, что всякое познаніе есть не что иное какъ ассоціація идей. И при томъ, какъ представленія возникаютъ у насъ невольно, вслѣдствіе воздѣйствія вещей на наши чувства, также непроизвольно образуются и ассоціаціи идей по законамъ сходства, противоположности, совмѣстности и послѣдовательности. Смотри такъ на познаніе, эмпирики и понятія рациональныя, каковы понятія причинности и субстанціальности, выводятъ изъ ассоціаціи идей. Что мы называемъ причинностью есть только послѣдовательность идей; субстанціальность-же не что иное, какъ ассоціація идей по сходству и смежности.

Всѣ несообразности, какія только можно находить въ Логикѣ Милля—послѣдствія изложеннаго взгляда на познаніе. Мы видѣли, что руководясь тѣмъ понятіемъ о знаніи, что оно есть ассоціація идей, Милль отвергаетъ, вопреки оче-

¹⁾ Отчего въ самомъ дѣлѣ множество случаевъ оказалось недостаточнымъ для того, чтобы сдѣлать истиннымъ общее положеніе, что всѣ лебеди бѣлы, послѣ того какъ было узнано, что есть и черныя? (Примѣръ Милля). Отъ того конечно, что всѣ многочисленные примѣры бѣлыхъ лебедей не указываютъ причины, по которой эти лебеди имѣютъ этотъ, а не иной цвѣтъ.

видности, существованіе необходимыхъ положеній. И въ самомъ дѣлѣ, ничего необходимаго, принудительнаго для мысли не можетъ быть, коль скоро всякое положеніе имѣетъ въ основаніи своемъ простую ассоціацію, такъ какъ всякая ассоціація для мысли всегда представляется случайною, когда представленія сочетаются по законамъ ассоціаціи, то мы всегда сознаемъ при этомъ возможность измѣнить эту связь и сочетать ту-же идею съ иною идеею. Если точно нѣтъ никакихъ иныхъ законовъ; правящихъ нашимъ мыслительнымъ процессомъ, тогда дѣйствительно, какъ это полагалъ Милль, ни о чемъ нельзя сказать, что вотъ это невозможно; дѣло въ томъ, что законы ассоціаціи суть законы эмпирическіе, и состоятъ въ томъ, что представленія группируются сообразно съ тѣмъ, какъ внушаются опытомъ, и слѣдовательно, могутъ относиться только къ тому порядку вещей, подъ воздействием котораго образовались. Но какъ въ дѣйствительности познаваемой нами, кромѣ случайной и временной комбинаціи вещей, составляющей то, что въ тѣсномъ смыслѣ называется опытомъ, есть законы всегда и неизмѣнно сохраняющіе свою силу, вслѣдствіе того, что имѣютъ свое основаніе въ самой природѣ вещей, такъ и въ общей сложности нашихъ представленій, сверхъ представленій, случайно возникающихъ и имѣющихъ временное значеніе, есть также понятія и положенія со всеобщимъ и необходимымъ значеніемъ. И только опираясь на такія понятія и положенія, мысль наша можетъ господствовать надъ ассоціаціями идей и быть отъ нихъ независимою. Умственную свободу по отношенію ко всякимъ ассоціаціямъ мы и дѣйствительно обнаруживаемъ всякій разъ, какъ только мы хотимъ доказать какую-либо истину такъ, чтобы эта истина могла сдѣлаться столь-же очевидною и убѣдительною для всякаго, какова она для насъ; важно здѣсь самое намѣреніе достигнуть этой цѣли, такъ какъ оно само по себѣ предполагаетъ существующее въ насъ убѣжденіе, что есть и должны быть истины, которыя могутъ быть доказаны, а доказать истину значитъ представить ее такъ, что невозможно не признать оную, или иначе,—показать ея необходимость, невозможность отрицать оную. Такимъ обра-

зомъ самъ по себѣ процессъ доказыванія предполагаетъ существованіе необходимыхъ истинъ. А такъ какъ задача логики изложить различные виды доказательства, то слѣдовательно, отрицать существованіе необходимыхъ истинъ—значить отрицать возможность самой логики, какъ науки о различныхъ способахъ доказыванія.

Итакъ, съ одной стороны, эмпирическій взглядъ на познаніе и стоящее съ нимъ въ связи истолкованіе понятія причинности привели Милля къ тому заключенію, что необходимыхъ истинъ нѣтъ, ибо самый принципъ всѣхъ общихъ положеній—законъ причинности не включаетъ никакой необходимости; и дѣйствительно, если связь причинная есть не что иное, какъ послѣдовательность во времени, то съ этой точки зрѣнія причинная связь не что иное, какъ привычный для насъ способъ представлять вещи, а не что-либо необходимое въ субъективномъ или объективномъ смыслѣ. Съ другой стороны, причинность, по теоріи Милля, есть принципъ индуктивнаго вывода; но съ этой точки зрѣнія причинность получаетъ уже иное значеніе; она должна быть признана имѣющею характеръ логической необходимости, ибо иначе не могла-бы быть принципомъ доказательства: доказывать можно только необходимое.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ВЫСШЕЕ БЛАГО ПО УЧЕНІЮ ЭПИКУРА *),

Вопросъ о высшемъ благѣ не есть вопросъ чисто теоретическій; нѣтъ,—онъ имѣетъ величайшее *жизненное* значеніе; его вліяніе на *практическую* дѣятельность человѣка неизмѣримо велико. Человѣкъ, который живетъ жизнью, сколько-нибудь болѣе возвышенною, чѣмъ жизнь животнаго, не можетъ не задавать себѣ, хотя-бы незамѣтно для себя, этого вопроса всякій разъ, когда ему приходится *выбирать* какое-нибудь одно изъ нѣсколькихъ, возможныхъ для него, дѣйствій; когда приходится дѣлать *сравнительную оцѣнку* ихъ. Всякій человѣкъ, если только онъ дѣйствуетъ не въ силу физическаго принужденія, обязывается передъ своимъ нравственнымъ идеаломъ, передъ своею совѣстью, передъ рѣшительными требованіями своего убѣжденія и чувства,—обязывается поступить такъ, чтобы всякое дѣйствіе и всякое вытекающее изъ него слѣдствіе неизмѣнно подчинялись тому, что въ глазахъ дѣйствующаго считается важнѣйшимъ, наиболѣе цѣннымъ, высшимъ благомъ, и что по этому самому онъ долженъ предпочесть всему остальному. Обладаніе высшимъ благомъ нераздѣльно со счастьемъ, которое наполняетъ сердце его обладателя; а такъ какъ изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій ни одно не обладаетъ такою могучею силой, такимъ обязательнымъ для cadaго характе-

*) Изъ сочиненія студента Харьковскаго университета, за которое авторъ 17 января удостоенъ золотой медали. Помѣщаемъ въ нашемъ изданіи съ удовольствіемъ это изслѣдованіе, привѣтствуя пробужденіе въ нашихъ молодыхъ людяхъ интереса къ изученію философіи. *Ред.*

ромъ, какъ стремленіе достигнуть возможно болѣе полнаго счастья, то понятно отсюда все то значеніе, какое имѣетъ для всякаго вопросъ о достиженіи высшаго блага; понятно, почему ни одинъ человѣкъ, рѣшившій этотъ вопросъ въ какомъ-бы то ни было смыслѣ, не оставляетъ его отвлеченнымъ для себя принципомъ, но немедленно и рѣшительно переноситъ его въ сферу своей практической дѣятельности. Вопросъ такой глубокой важности уже въ древности не могъ остаться незамѣченнымъ; почти всѣ выдающіеся философскіе умы того времени дѣлали попытки разрѣшить его въ томъ или другомъ смыслѣ, и никто не станетъ отрицать того бесспорно-великаго значенія, которое имѣютъ для насъ эти попытки древнихъ философовъ.

Гдѣ-же лежатъ причины того интереса, который могутъ возбуждать и въ наше время прежнія рѣшенія этого вопроса?— Отвѣтъ на это даетъ положеніе современнаго общества. Огромная часть этого общества, цѣлыя массы людей всякихъ званій и положеній открыто и смѣло заявляютъ себя сторонниками самаго грубаго матеріалистическаго направленія, нерѣдко однако прикрываясь, для избѣжанія упрековъ въ грубости и невѣжествѣ, громкимъ именемъ такихъ великихъ философовъ, какъ Эпикуръ; называя себя его горячими послѣдователями и учениками и навязывая ему при этомъ руководящія принципы такого содержанія, что введеніе ихъ въ практическую жизнь показалось-бы самому Эпикуру крайне недостойнымъ и унижительною. Необходимо поэтому разрушить эту ложную увѣренность, которая столь многихъ заставляеть смотрѣть на себя съ гордымъ сознаніемъ того, что и они живутъ съ тѣми-же идеалами, съ какими жили великіе философы древности. Необходимо разрушить эту увѣренность, которая даетъ многимъ возможность удовлетворять самымъ низкимъ своимъ инстинктамъ съ мыслью о томъ, что этимъ самымъ они осуществляютъ въ жизни философскіе принципы. Необходимо показать, что тотъ человѣкъ, которому приписываются всѣ чудовищныя идеи, оскорбляющія нравственное чувство своимъ грубо-матеріальнымъ характеромъ, тотъ человѣкъ, именемъ котораго проповѣдники наслажденій прикрываютъ свой соб-

ственный позоръ, — Эпикуръ, — никогда не стоялъ и не могъ стоять во главѣ ихъ пестраго сборища и первый возсталъ-бы съ громкимъ протестомъ противъ ихъ развращающей пропаганды. Показать все это тѣмъ болѣе своевременно теперь, что именно въ настоящее время послѣдствія увлеченія материалистическими идеями проявляются особенно рѣзко, и притомъ въ самыхъ неприглядныхъ формахъ: отрицая всякую цѣль жизни, всякое благо, высшее, чѣмъ обладаніе материальнымъ благосостояніемъ и связанными съ нимъ чувственными наслажденіями, одни направляютъ всѣ свои способности и силы на достиженіе этихъ наслажденій, попирая ногами и совѣсть, и долгъ, и все, что можетъ помѣшать такимъ стремленіямъ, а другіе, ратуя за тѣ-же идеи, но будучи не въ силахъ осуществить ихъ, рѣшаются, — если они послѣдовательны и согласуютъ дѣла съ своими убѣжденіями, — тѣмъ или другимъ способомъ покончить съ своею жизнью, потому что она теряетъ для нихъ всякій смыслъ; потому что единственная для нихъ цѣль этой жизни, — пользованіе наслажденіями, не можетъ быть ими достигнута.

Возстановивши истинный смыслъ ученія Эпикура о высшемъ благѣ; уничтоживши для тѣхъ, кто прикрывался его именемъ, опираясь на его авторитетъ для оправданія своихъ поступковъ, всякую возможность продолжать то-же и въ будущемъ, — быть можетъ, мы достигнемъ того, что въкоторые, хотя-бы очень немногіе, изъ проповѣдниковъ материализма поглубже вдумаются въ смыслъ высокоразумной философской доктрины Эпикура и, понявши ея истинный смыслъ, перестанутъ называть себя его послѣдователями, а его своимъ, учителемъ.

Въ этихъ видахъ предметомъ нашего очерка мы избираемъ *вопросъ о высшемъ благѣ* — основной вопросъ всякой нравственной философской системы, и постараемся прослѣдить его въ ученіи Эпикура.

Въ древней философій вопросъ этотъ занималъ почти всѣхъ ея представителей; почти каждый изъ нихъ предлагалъ свое „высшее благо“, и такихъ различныхъ рѣшеній этого вопроса Варронъ насчитываетъ до трехъ сотъ. Не трудно замѣтить общій характеръ рѣшеній всѣхъ предшественниковъ Эпикура:

они повимали благо слишкомъ отвлеченно, слишкомъ логически, почти безъ всякаго участія въ немъ нравственнаго практическаго элемента. Платонъ, напримѣръ, употребляетъ вполне нейтральный терминъ τ'αγαθόν, чтобы обозначить высшее благо или благость, находящуюся въ мірѣ идей, существующихъ объективно, но лежащихъ гдѣ-то далеко отъ всякой дѣйствительной жизни. Аристотель находитъ высшее благо въ мысли, вѣчно погруженной въ самосозерцаніе, отвлеченной отъ тревоженій измѣнчивой жизни; это понятіе оказывалось также слишкомъ отвлеченнымъ и потому безсодержательнымъ и неприменимымъ къ практической дѣятельности. Его ученіе о высшемъ благѣ, какъ и у Платона, и у другихъ философовъ до Эпикура, относилось скорѣе къ *уму*, чѣмъ къ *воли* человѣка. Эпикуръ впервые понялъ этотъ существенный недостатокъ предшествующихъ рѣшеній: онъ понялъ, что *чисто теоретическое* разрѣшеніе вопроса о высшемъ благѣ не можетъ имѣть почти никакого вліянія на жизнь; что нельзя останавливаться на этой точкѣ, а нужно поставить дѣло такъ, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ рѣшенія создать *побуждающую силу для воли*; словомъ, нужно внести въ это ученіе *практическій элементъ*. Чтобы осуществить это, Эпикуръ оставляетъ метафизическія ученія своихъ предшественниковъ; ихъ отвлеченную, покрытую метафизическою туманностью, цѣль онъ замѣняетъ цѣлью близкой, знакомой каждому, — цѣлью, которую всякій можетъ легко достигнуть и осуществить. Онъ находитъ эту цѣль и высшее благо жизни въ удовольствіи, смѣло провозглашая при этомъ, что ни одинъ человѣкъ не ищетъ въ жизни ничего другаго, кромѣ удовольствія, въ какихъ-бы формахъ ни представлялъ онъ его. Всѣ наши помыслы, всѣ наши желанія и дѣйствія, — утверждаетъ онъ, — относятся къ удовольствію; а то, къ чему все относится въ нашей дѣятельности, — это и есть именно высшее благо. (*Diog. Laërt.*: X, 128 и 129). „Мы утверждаемъ, — говоритъ Эпикуръ, что удовольствіе есть принципъ и *цѣль счастливой жизни*; мы знаемъ, что оно есть *высшее* и естественное благо; если мы избираемъ или отвергаемъ что-либо, то только ради удовольствія. Мы стремимся къ нему, распознавая всякое благо чувствомъ, какъ критеріемъ“. (*Cicero: de*

finibus I, XIII, 42). Въ чемъ же находитъ Эпикуръ указанія на то, что именно удовольствіе служитъ конечною цѣлью жизни? Что даетъ ему право ссылаться на удовольствіе, какъ на высшее и единственное благо? Онъ усматриваетъ на это указанія въ побужденіяхъ самой природы; онъ находитъ себѣ поддержку въ требованіяхъ не измѣнчивыхъ человѣческихъ постановленій и мнѣній, а въ вѣчныхъ и всеобщихъ требованіяхъ животной природы. „Удовольствіе должно быть коначною цѣлью для всѣхъ существъ; потому что едва только они рождаются, какъ уже по самой ихъ природѣ и совершенно независимо отъ разсудка имъ нравится наслажденіе, они ищутъ его, и возмущаются страданіемъ“. (*Diog. Laërt.*: X, 129, 137). Повсюду, гдѣ природа дѣйствуетъ еще сама, безъ вмѣшательства постороннихъ человѣческихъ вліяній, — она не можетъ ошибаться, ея указанія непогрѣшимы въ дѣлѣ руководства; а она-то именно у всѣхъ существъ и стремится къ удовольствію, дѣлая его естественною цѣлью и благомъ жизни, потому что удовольствія содѣйствуютъ полнотѣ и наибольшему развитію ея. „Всякое животное стремится къ удовольствію, и сама природа судитъ объ этомъ въ своей непорочности и цѣлости. И никто, кромѣ самой природы, не долженъ судить о томъ, что сообразно съ ней, и что ей противорѣчитъ“. (*Cicero: de finibus I, IX, 30*). Идея о высшемъ благѣ, какъ удовольствіи, — думаетъ Эпикуръ, — есть какъ-бы врожденная и всеобщая идея, хотя и скрывается иногда подъ другими формами, указывающими будто-бы на другое содержаніе, но на самомъ дѣлѣ съ тою-же сущностью. Да, наконецъ, и невозможно вообразить себѣ такое благо, изъ котораго было-бы исключено удовольствіе и которое всецѣло и единственно связано было-бы съ страданіемъ. (*Diog. Laërt.*: X, 6). Итакъ, съ одной стороны, по мнѣнію Эпикура, наблюденіе и опытъ указываютъ на истинность такого рѣшенія вопроса о высшемъ благѣ, а съ другой стороны, это-же самое доказывается еще и невозможностью для разсудка понять вполне отвлеченное благо, лишенное всякаго напоминанія объ удовольствіи, — невозможностью потому, что умъ человѣческой, избирающей благо, состоитъ подъ неотразимымъ вліяніемъ сердца, жаждущаго счастья и только

по его указаніямъ о томъ, что составляетъ его удовольствіе, или страданіе, можетъ опредѣлять тѣ, или другія черты, или признаки самаго блага. Таковы положительныя указанія опыта, дающія Эпикуру возможность признавать удовольствія высшимъ благомъ. Съ другой стороны, можетъ-ли быть, чтобы удовольствіе, взятое *само по себѣ*, безъ отношенія къ *слѣдствіямъ*, было дурно, оказалось-бы зломъ? Нѣтъ, говоритъ Эпикуръ: всякое удовольствіе есть благо, если разсматривать его само въ себѣ; удовольствіе существуетъ,—и этого достаточно, по этому самому оно—хорошо; оно пріятно человѣку, получающему его; оно живить его, составляетъ для него въ данное время истинное благо и потому къ нему должно стремиться. (*Diog. Laërt.*: X, 129, 141). Казалось-бы поэтому, если *всякое* удовольствіе есть благо, то нѣтъ никакихъ мотивовъ, которые удерживали-бы насъ отъ преслѣдованія всевозможныхъ удовольствій повсюду, гдѣ только представляется для этого возможность. Казалось-бы, что признаніе всякаго наслажденія благомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе за идеаль жизни даже и тѣхъ наслажденій, которыя ведутъ къ развращенію и распутству. Однако же на самомъ дѣлѣ ученіе Эпикура не даетъ права на такой крайній выводъ. Чтобы сдѣлать такой выводъ, надобно исключить изъ ученія Эпикура весьма важный моментъ,—именно, представленіе о *последствіяхъ* удовольствій, представленіе о *будущихъ страданіяхъ*, которыя могутъ слѣдовать за полученіемъ нѣкоторыхъ удовольствій. И здѣсь-то заключается то глубокое различіе, которое существуетъ между ученіемъ объ удовольствіи Аристиппа и Эпикура, *смѣшеніе которыхъ*, какъ кажется, и послужило *причиной* тѣхъ безчисленныхъ упрековъ, которые были высказываемы противъ Эпикура. Мы укажемъ здѣсь вкратцѣ на это существенное различіе.

У Аристиппа удовольствіе разсматривается *только* по отношенію къ *настоящему*: мы не должны заглядывать въ отдаленное будущее; настоящимъ, находящимся уже въ нашей власти, наслажденіемъ мы должны быть поглощены *всецѣло*, не смущая себя напрасными размышленіями о послѣдствіяхъ его. То, что можетъ случиться еще въ далекомъ будущемъ, такъ-же легко можетъ и никогда не быть, и мы напрасно потеряли-бы

настоящее удовольствіе ради какихъ-то предполагаемыхъ будущихъ страданій, которыя мы должны почувствовать вслѣдъ за нѣкоторыми наслажденіями. Будемъ-же наслаждаться,—проповѣдуетъ Аристиппъ,—только настоящимъ, отбросивши всякія мысли о будущемъ, потому что только настоящее можно считать нашимъ. (*Aelian. var. hist.: XIV, 6*). Всякое стѣсненіе своихъ настоящихъ дѣйствій въ виду будущихъ послѣдствій ихъ, всякое ограниченіе наличныхъ удовольствій ради предполагаемыхъ страданій кажется Аристиппу рабствомъ, неволей. Но развѣ, избавляя своихъ послѣдователей отъ такой неволи, онъ не предписываетъ въ тоже время другаго рабства по отношенію къ настоящему? Развѣ ограниченіе воли человѣка однимъ только настоящимъ, запрещеніе ему заглядывать въ будущее, на основаніи прошедшаго опыта, не есть лишеніе человѣческой воли и ея свободы, и лишеніе даже бѣльшее, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы мы сдерживали себя въ настоящемъ соображеніями о будущемъ? Такое запрещеніе, оправдывающее бездѣятельность ума въ отношеніи къ будущему и безсиліе воли передъ настоящимъ, заставляющее человѣка безъ всякаго сопротивленія слѣдовать своимъ минутнымъ порывамъ, не можетъ дать въ результатъ ничего, похожаго на счастье, а между тѣмъ именно счастье,—т. е. вся сумма жизненныхъ удовольствій, а не отдѣльное удовольствіе,—и должно составлять цѣль человѣческой жизни, ея высшее благо, и на этотъ-то моментъ Эпикуръ обратилъ все свое вниманіе. Итакъ, вотъ въ чемъ заключается основное различіе между ученіемъ Аристиппа и ученіемъ Эпикура. Возвратимся къ послѣднему.

Характеризуя это ученіе въ краткой формулѣ, можно сказать, что *Эпикуръ ввелъ въ ученіе объ удовольствіи, какъ высшемъ блазѣ, ученіе о будущемъ, о послѣдствіяхъ удовольствій.*

Уже на первыхъ порахъ результатомъ этого является классификація удовольствій. Если разсматривать удовольствія не сами по себѣ, не отдѣльно взятыя, а вмѣстѣ съ ихъ послѣдствіями, относительно всей жизни, то окажется, что одни удовольствія можно поставить выше другихъ, потому что за одними удовольствіями не слѣдуетъ никакихъ страданій, тогда какъ другія влекутъ за собой страданія, нерѣдко еще бѣльшія, чѣмъ

самое удовольствіе. Эти послѣднія удовольствія, очевидно, должны стоять въ классификаціи ниже первыхъ, и такихъ опасныхъ удовольствій всякій долженъ старательно избѣгать. (*Diog. Laërt.*: X, 129). Въ этомъ различеніи цѣнности удовольствій, по мнѣнію Guyau (*la morale d'Épicure*, 40 стр.), видѣнъ значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ ученіемъ Аристиппа, если взглянуть на это съ точки зрѣнія логической. Мысль не исчерпывается здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ удовольствіи; воля не раздробляется и не дѣлится между цѣлыми тысячами удовольствій; въ будущемъ видно единство, видна опредѣленная цѣль, къ которой можно стремиться и на которую можно положиться. Наличное удовольствіе, которое уже не составляетъ непосредственной цѣли, уже не разсматривается совершенно отдѣльно, само по себѣ и безотносительно, но въ совокупности съ своими слѣдствіями и съ другими удовольствіями и страданіями, пріобрѣтаетъ новое названіе: съ этихъ поръ оно зовется *счастьемъ*, и это счастье, представляющее собою всю *сумму* жизненныхъ удовольствій, па сколько она *преобладаетъ* надъ суммой страданій, становится у Эпикура *высшимъ благомъ*. Въ виду такого пониманія высшаго блага, дѣлается вполне яснымъ смыслъ той формулы, въ которой Эпикуръ выражалъ сущность своего ученія: „мы поступаемъ иногда съ добромъ, какъ со зломъ, и наоборотъ, нерѣдко пользуемся зломъ, какъ добромъ“. (*Diog. Laërt.*: X, 130). Здѣсь ясно, что когда то благо, которое заключается въ удовольствіи, окажется гораздо меньшимъ, чѣмъ вредъ, приносимый имъ, то необходимо поступить съ удовольствіемъ какъ со зломъ; необходимо, какъ зло, отбросить его. И если, напротивъ, намъ встрѣтится страданіе, которое обѣщаетъ непремѣнно принести въ будущемъ несравненно большее удовольствіе, то мы не должны отвергать его; мы должны пріять такое страданіе такъ-же, какъ принимаемъ всякое благо, связанное съ удовольствіемъ. Очевидно, что когда человѣкъ желаетъ имѣть въ жизни возможно большую сумму удовольствій и вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ перенести незначительныхъ страданій для достиженія этой цѣли, тогда онъ противѣчитъ самъ себѣ: онъ забываетъ высшую цѣль природы и

высшее благо человѣка, — *счастье* и стремится только къ частнымъ, неизмѣримо низшимъ цѣлямъ, къ отдѣльнымъ удовольствіямъ, которыя цѣнятся высоко только людьми, недостаточно разумными.

„Судьба, случай имѣетъ очень мало вліянія на умнаго человѣка, не цѣнящаго высоко отдѣльныхъ наслажденій: его разумъ установилъ вещи самыя крупныя и самыя важныя для себя, и въ продолженіе всей жизни онъ устанавливаетъ ихъ и будетъ устанавливать, подчиняя имъ все, менѣе важное“. (*Diog. Laërt.*: X, 144). Но что-же способно дать намъ нормы для разцѣнки всей массы удовольствій? Гдѣ найти намъ тотъ критерій, по которому мы могли-бы судить объ относительныхъ достоинствахъ каждаго представляющагося наслажденія? — *Разумъ* даетъ намъ все это; и въ то время, какъ Аристиппъ изводитъ его на самое послѣднее мѣсто, даетъ ему самую ничтожную роль въ жизни человѣка, ставя на высшее мѣсто порывы страстей, — Эпикуръ приписываетъ разуму величайшее значеніе вездѣ и всегда, а особенно въ дѣлѣ составленія жизненнаго счастья. Разумъ, и только онъ одинъ, можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ или несчастнымъ, потому что ему одному свойственно различать и предвидѣть будущія слѣдствія поступковъ, на основаніи прошедшаго опыта. Только разумъ, способный показать человѣку всѣ ужасы, и страданія, которыя должны послѣдовать за извѣстными наслажденіями, — только этотъ разумъ можетъ направить волю человѣка къ воздержанію отъ такихъ наслажденій или, съ другой стороны, побудить къ перенесенію тѣхъ страданій, которыя въ первомъ случаѣ влекутъ за собою большія страданія, а во-второмъ большія удовольствія. Разумъ способенъ организовать и *регулировать* всѣ удовольствія и страданія такъ, чтобы всѣ они были избираемы или отвергаемы человѣкомъ въ виду высшаго удовольствія, высшаго блага, — *счастья* всей жизни. Разумъ научаетъ человѣка, чтобы онъ, если ему предстоитъ сдѣлать выборъ между чувственнымъ, животнымъ наслажденіемъ и высокимъ эстетическимъ или моральнымъ удовольствіемъ, безъ всякихъ колебаній выбиралъ эти послѣднія, потому что *для счастья* человѣка ихъ значеніе неизмѣримо больше, ихъ сила неизмѣ-

римо полнѣе, и долговѣчнѣе, чѣмъ сила и значеніе первыхъ. (*Diog. Laërt.*: X, 130).—Когда *настоящее* всецѣло поглощаетъ послѣдователя Аристиппа, въ это время *каждая* страсть, *каждый* минутный порывъ есть полповластный господинъ его, которому онъ рабски долженъ *подчиняться*. Эпикуреецъ, напротивъ, неуклонно и послѣдовательно проводящій программу своего учителя, совсѣмъ не таковъ: свободно онъ можетъ управлять своими страстями и порывами *сообразно съ высшею цѣлью жизни*. Предвидя, до извѣстной степени, будущее, онъ воленъ давать свободу своимъ страстямъ или обуздывать ихъ; и чѣмъ это предвидѣніе простирается дальше; чѣмъ сознаніе будущихъ послѣдствій у него сильнѣе, тѣмъ легче ему устанавливать порядокъ и гармонію въ своей жизни, тѣмъ легче ему достигнуть счастья. (*Cicero: de finibus* I, XIII, 44). Итакъ, устройство гармоніи и счастья въ жизни и расположеніе всей дѣятельности человѣка въ виду этой цѣли,—вотъ что составляетъ высокое дѣло разума. Сводя итоги всего сказаннаго здѣсь, мы считаемъ умѣстнымъ привести слова Гюгау сказанныя по этому поводу. „Ученіе Эпикура о нравственности,—говоритъ онъ (*Guyau: la morale d'Épicure*, 42 ст.),—представляетъ намъ если не идеаль и благо, *абсолютно высшее* для насъ, то по крайней мѣрѣ нѣчто, *высшее настоящаго*,—благо, которое превосходитъ и соединяетъ въ себѣ *всѣ частныя блага*; оно указываетъ намъ *цѣлое*, главнѣйшее. Этимъ самымъ утилитарное ученіе Эпикура даетъ въ себѣ мѣсто чувству, которое Аристиппъ хотѣлъ, но не могъ заглушить, даетъ мѣсто *стремленію обойти* всякій частный предметъ, *всякое частное благо*, однимъ словомъ, всякую цѣль, которая не есть дѣйствительно *конечная* цѣль, или въ сущности—*цѣль безконечная*“.

Теперь остается показать еще одну, въ высшей степени важную сторону ученія Эпикура о счастьѣ какъ высшемъ благѣ. Это, именно, его ученіе о справедливости, которое находится въ самой тѣсной, неразрывной связи съ первымъ ученіемъ. Во времени Эпикура вопросъ о справедливости рѣшенъ былъ скептиками слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, нѣтъ справедливости врожденной и врожденныхъ, естественныхъ законовъ; во-вторыхъ, гражданскіе законы установлены были силою и ува-

жаются въ силу привычки. Но въ этомъ рѣшеніи, въ этой замѣнѣ естественнаго закона гражданскимъ предоставляло двухъ, очень важныхъ основаній: прежде всего, всякая сила имѣетъ свою *конечную* цѣль, а потому необходимо рѣшить вопросъ о той цѣли, которую преслѣдуетъ общественная сила. Кромѣ того, сила не можетъ вполне объяснить *образованіе общества*, потому что пока сила не принята тѣми, которые подчиняются ей, въ виду происходящихъ отсюда благъ, она не можетъ быть прочна; а потому необходимо указать, какимъ образомъ организовались и сгруппировались индивидуальныя силы вокругъ общественной, чтобы представлять собою осуществленіе частныхъ идеаловъ въ общемъ цѣломъ.—Эпикуръ первый разрѣшилъ этотъ вопросъ о цѣли въ смыслѣ *пользы и счастья*, ссылаясь на интересъ каждаго члена общества, какъ на личную цѣль его; потомъ на общій трудъ, въ виду общаго пользованія выгодами, и взаимную помощь для лучшаго успѣха каждаго частнаго дѣла; наконецъ, на болѣе полное достиженіе счастья каждымъ человѣкомъ при содѣйствіи другихъ.

„Естественный законъ,—говоритъ Эпикуръ,—есть не что иное, какъ договоръ пользы, состоящій въ томъ, чтобы не обижать другъ друга, но также и не терпѣть обиды“. (*Diog. Laërt: X, 150*). Такимъ образомъ, Эпикуръ смотрѣлъ на общество, какъ на организмъ, сложившійся по взаимному договору, который долженъ обезпечивать интересы, спокойствіе, а съ ними и счастье его членовъ. Отсюда становится понятнымъ, что справедливость должна состоять въ томъ, чтобы этотъ договоръ, эти взаимныя обязательства исполнялись неуклонно; всякій, кто нарушаетъ ихъ, дѣлаетъ несправедливость, да и самая несправедливость возможна только при существованіи общественныхъ договоровъ. „Справедливость *сама по себѣ* не существуетъ; она имѣетъ мѣсто только при *взаимныхъ обязательствахъ* и является вездѣ, гдѣ только есть взаимное соглашеніе—не обижать и не быть обижаемымъ.“ (*Diog. Laërt: X, 150*). Ясно поэтому, что гдѣ нѣтъ общества, тамъ нѣтъ и общественнаго закона, нѣтъ и справедливости. „Для существъ, которыя не могутъ заключать договоры, съ цѣлью не обижать другъ друга и не быть обижаемыми, нѣтъ ничего ни справедливаго,

ни несправедливаго; тоже можно сказать и о цѣлыхъ народахъ (о международномъ правѣ). (*Diog. Laërt.*: X, 150). Когда устанавливались общественные договоры и законы, то имѣлись у каждаго въ виду не чужіе интересы, не интересы остальныхъ договаривающихся, а только своя личная польза, свое личное счастье“. „Законы учреждаются умными людьми не съ цѣлью удержать ихъ самихъ отъ несправедливостей надъ другими, но съ тѣмъ, чтобы сами они не подвергались имъ со стороны другихъ“. (*Epicur. ap. Stobey. Serm.* XLIII, 139). Однако въ послѣдствіи оказалось, что преслѣдуя только свои собственные интересы, договаривающіеся тѣмъ самымъ работали на пользу и другимъ членамъ общества; что защищая свое имущество и права отъ другихъ, каждый въ тоже время защищалъ, такъ сказать, и остальныхъ отъ самого себя, потому что, если договаривающійся призналъ извѣстныя статьи договора обязательными для другихъ, то этимъ самымъ онъ признаетъ ихъ обязательную силу и для себя. Всякій, кто совершаетъ несправедливость по отношенію ко мнѣ, долженъ быть наказанъ по закону; по этому-же закону и самого себя я признаю заслуживающимъ наказанія, если сдѣлаю подобную-же несправедливость въ отношеніи къ кому нибудь изъ остальныхъ договаривающихся. Такимъ образомъ, я могъ-бы для своей личной пользы совершить что-нибудь несправедливое, и дѣйствовалъ-бы ведурно, въ смыслѣ своего собственнаго интереса; но страхъ наказанія удерживаетъ меня, этотъ страхъ является какъ-бы нравственнымъ обязательствомъ. „Несправедливость не есть ничто непріятное сама по себѣ, но только вслѣдствіе страха, что она не скроется отъ тѣхъ, кому поручено наказывать за преступленія“. (*Diog. Laërt.*: X, 151). Многие утверждаютъ, что часто несправедливость остается ненаказанною, если только преступника нельзя въ ней уличить, если она совершена тайно отъ всѣхъ. Но правда-ли это? Дѣйствительно ли преступникъ остается безъ наказанія?—Нѣтъ: несправедливый,—говоритъ Эпикуръ,—всегда наказывается; не всегда только это наказаніе идетъ извнѣ, со стороны другихъ членовъ общества: чаще всего наказаніе находится внутри самаго преступника, въ его преступной душѣ,—это *урызенія со-*

вѣсти и страхъ наказанія въ будущемъ. „Тотъ, кто тайно нарушилъ въ чемъ-нибудь взаимный договоръ, никогда не можетъ быть увѣренъ, что избѣжитъ наказанія въ будущемъ, если даже успѣлъ тысячи разъ избѣжать его въ настоящемъ; потому что—избѣжитъ-ли его совсѣмъ, это будетъ неизвѣстно до самаго конца, до его смерти“. (*Diog. Laërt.: X, 151*). Это незнаніе будущаго, эта тревога за свою участь лишаютъ несправедливаго человѣка всего его счастья, которымъ онъ обладалъ бы, если-бы удовлетворялъ своимъ интересамъ безъ нарушенія справедливости. „Кто поступаетъ справедливо, тотъ совершенно спокоенъ; несправедливый-же весь исполненъ тревоги за свою несправедливость“ (*Diog. Laërt.: X, 144*).

Такимъ образомъ, независимо отъ всѣхъ дурныхъ общественныхъ послѣдствій несправедливости, она въ высшей степени нежелательна еще и потому, что она нарушаетъ душевный миръ и гармонію, внося въ сердце несправедливаго постоянную мучительную тревогу и не даетъ возможности наслаждаться истиннымъ счастьемъ, такъ какъ она заставляетъ несправедливаго ожидать себѣ во всякое время достойнаго наказанія за его дѣла. Несправедливый человѣкъ въ силу этого никогда не можетъ быть дѣйствительно счастливымъ, какими-бы матеріальными благами онъ ни обладалъ, какимъ-бы почетомъ, славой и довольствомъ во внѣшней жизни онъ ни былъ окруженъ: внутренняя дисгармонія и безпокойство лишаютъ его всего внѣшняго счастья, разбиваютъ его. Если-бы человѣкъ жилъ не въ обществѣ, а вполнѣ изолированно, безъ всякихъ сношеній съ другими людьми, онъ не стремился-бы къ справедливости, потому что она не есть ничто пріятное или цѣнное сама по себѣ; а можетъ существовать и имѣеть значеніе только въ общественныхъ отношеніяхъ. Однако отъ этого ея значеніе ничуть не уменьшается; такъ какъ на самомъ дѣлѣ вѣдь только чрезвычайно немногіе изъ людей живутъ не въ обществѣ и ихъ можно даже не принимать во вниманіе. Нѣтъ нужды,—говоритъ Эпикуръ,—что несправедливость не есть зло *сама по себѣ*; онъ учитъ о несправедливости общественной, а отъ нея-то долженъ воздерживаться всякій умный человѣкъ, чтобы сохранить миръ и спокойствіе души и наслаждаться

счастливой жизнью безъ всякихъ тревогъ и боязни наказаній и смерти. „Тѣ, которые обладаютъ искусствомъ устранять ссоры, особенно съ окружающими ихъ, и которые сохраняютъ взаимныя обязательства, тѣ живутъ очень *счастливо* другъ съ другомъ, питая взаимное довѣріе. Связанные прочной дружбой, они не считаютъ большимъ несчастьемъ, если даже кто нибудь изъ нихъ умретъ преждевременно (потому что никто не боится встрѣтить смерть)“. (*Diog. Laërt.*: X, 154). И все это счастье,—это высшее благо человѣка, у всѣхъ многочисленныхъ членовъ общества зависитъ отъ заключенія ими взаимныхъ обязательствъ и *справедливо* выполненія ихъ; такого счастья и мира не могло быть въ первобытномъ состояніи людей, когда у нихъ еще не было общественныхъ договоровъ, потому что тогда человѣкъ для другаго человѣка былъ какъ-бы волкъ, homo homini lupus erat; тогда о справедливости общественной не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Эпикуръ старается доказать тождество интереса съ тѣмъ, что называютъ вообще добродѣтелью и благомъ. Нужно стремиться обладать справедливостью не потому, что она желательна сама по себѣ, такъ какъ ничѣмъ нельзя доказать этого очевидно, а потому, что она—средство для достиженія счастья. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится выбирать между справедливымъ и несправедливымъ дѣйствіемъ, всегда нужно слѣдовать за добродѣтелью, такъ какъ она одна приводитъ къ полному счастью. „Одна добродѣтель неразлучна со счастьемъ, а все остальное можетъ быть лишено его, потому что оно временно и тлѣнно“. (*Diog. Laërt.*: X, 138). И если человѣкъ *счастливъ*, въ истинномъ значеніи этого слова, то это лучшее доказательство того, что онъ живетъ справедливо, потому что, говоритъ Эпикуръ, „нельзя жить счастливо, нельзя обладать высшимъ благомъ, если не живешь благоразумно и по справедливости“. (*Diog. Laërt.*: X, 140).

Итакъ, мы прослѣдили вопросъ о высшемъ благѣ у Эпикура въ его существенныхъ чертахъ. Мы могли видѣть даже изъ этого краткаго очерка, какъ несправедливы всѣ тѣ жестокіе упреки, всѣ тѣ суровые нападки, которыми безъ числа осмѣяли Эпикура и его теорію удовольствія. Но это-ли ученіе, провозглашающее своимъ девизомъ—благоразуміе, обузданіе

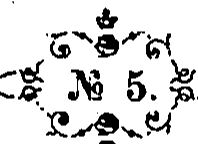
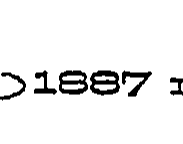
страстныхъ порывовъ и стремленіе къ высшей добродѣтели—справедливости,—это-ли ученіе можно назвать безнравственнымъ, развращающимъ сердце и умъ человѣка? Этого-ли человѣка, проповѣдующаго, что всѣ наслажденія должны регулироваться высшею цѣлью; что всѣ эти наслажденія сами по себѣ ничтожны, если они служатъ не средствомъ, а цѣлью всей жизни;—его-ли, убѣждающаго насъ, что безъ справедливости ни богатство, ни слава и почетъ, ни яркій блескъ внѣшней жизни не сдѣлаютъ человѣка истинно счастливымъ,—его-ли назвать распространителемъ и сѣятелемъ всѣхъ тѣхъ грубо-матеріалистическихъ идей, которыя внушаютъ къ себѣ чувство презрѣнія у всякаго порядочнаго человѣка?—Нѣтъ, мы не назовемъ его такимъ, мы не имѣемъ нравственнаго права назвать его такъ, потому что онъ ничѣмъ не заслужилъ этого, потому что не онъ самъ, но неумѣстное и несвоевременное рвеніе людей, схватывающихъ только имена вещей, а не ихъ смыслъ и содержаніе, распространило по всему міру идею удовольствія; но распространило ее не съ тѣмъ глубоко-философскимъ содержаніемъ, какое заключалось въ идеѣ самого творца ея, а съ тѣмъ унижающимъ эту идею характеромъ, который составляетъ отличительную особенность самихъ этихъ распространителей. Такимъ образомъ, эпикуреизмъ былъ смѣшанъ съ матеріализмомъ и то справедливое осужденіе, которое по достоинству и заслугамъ падаетъ на послѣдній, совершенно несправедливо было перевесено и на ученіе Эпикура. Мы-же въ виду его подлиннаго ученія, не поднимемъ руки на человѣка, который оказалъ міру великую услугу, объяснивъ тождество добродѣтели и пользы, и этимъ самымъ указавъ на величайшую силу, побуждающую стремиться къ добродѣтели, какъ къ высшему благу, даже тѣхъ людей, которые никогда не согласились-бы слѣдовать за добродѣтелью, противорѣчащей ихъ собственнымъ интересамъ и связанной съ лишеніемъ какихъ-либо выгодъ, и которые, къ сожалѣнію, составляютъ слишкомъ большію часть всего человѣчества.

Ал. Мвионовъ.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Марта № 5. 1887 года.

Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Вѣдомость о кружечномъ и кошельковомъ сборѣ въ пользу церковно-приходскихъ школъ Харьковской Епархіи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета по продажѣ духовно-нравственныхъ книгъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода о воспрещеніи воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній имѣть огнестрѣльное оружіе.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29 Октября сего года за № 5018, о воспрещеніи воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній имѣть огнестрѣльное оружіе. Приказали: Въ Августѣ текущаго года въ одной изъ духовныхъ семинарій имѣлъ мѣсто случай нанесенія воспитанникомъ смертельной раны выстрѣломъ изъ револьвера своему товарищу. По имѣющимся въ центральномъ духовно-учебномъ управленіи свѣдѣніямъ такой печальный случай, происшедшій безъ всякаго злаго умысла со стороны воспитанника, имѣвшаго несчастіе лишиться жизни своего товарища, представляется, за послѣднее время единственнымъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; но къ прискорбію, за то же время въ означенныхъ заведеніяхъ произошло нѣсколько случаевъ, зависѣвшихъ уже не отъ нечаянности или неосторожности, а сознательнаго, намѣреннаго злоупотребленія огнестрѣльнымъ оружіемъ и выразившихся въ самоубійствахъ, въ покушеніяхъ на самоубійство и даже убійство. Во всѣхъ случаяхъ такого рода обращаетъ на себя вниманіе та легкость, съ какою воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, по видимому окруженные заботливымъ наблюденіемъ со стороны учебныхъ начальствъ, могли пріобрѣтать и иногда долгое время хранить у себя такіе опасные для жизни предметы, каковы револьверы, ружья и проч. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что надзоръ учебныхъ начальствъ за порядкомъ и образомъ жизни воспитанниковъ не столь бдительный, какъ-бы слѣдовало ожидать, и не простирается на такія стороны ихъ быта, гдѣ имъ дѣйствительно могутъ угрожать опа-

ности. Равнымъ образомъ нельзя не признать, что родители и родственники воспитанниковъ, среди домашней ихъ жизни, принимаютъ недостаточное участіе въ дѣлѣ ихъ воспитанія и мало заботятся о наблюденіи за ними. Между тѣмъ, несчастные случаи отъ неосторожнаго обращенія воспитанниковъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ могли-бы быть, безъ сомнѣнія, предупреждаемы, если-бы пріобрѣтеніе онаго воспитанниками было, при взаимныхъ усиліяхъ ихъ родителей и учебныхъ начальствъ, всемѣрно затруднено и если бы при томъ воспитанники знали, что обладаніе оружіемъ и храненіе онаго имѣе положительно воспрещено, а за выполненіемъ со стороны ихъ такого требованія ведется строгій надзоръ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что во имя нравственной отвѣтственности, лежащей, по отношенію къ молодому поколѣнію, на всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя такъ или иначе принимаютъ участіе въ дѣлѣ его воспитанія, должны быть принимаемы всѣ возможныя предупредительныя мѣры къ охраненію жизни, здоровья, чести и добраго имени воспитываемыхъ юношей, Святѣйшій Синодъ, согласно настоящему предложенію, опредѣляетъ: 1) поставить начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній въ непремѣнную обязанность, съ возложеніемъ на нихъ личной отвѣтственности, въ случаѣ неисполненія оной: а) чтобы они отъ имени Святѣйшаго Синода объявили воспитанникамъ строжайшее воспрещеніе держать у себя какъ огнестрѣльное, такъ и вообще какое-либо оружіе, будетъ-ли то въ видѣ ихъ личной собственности, или въ видѣ чужой принадлежности, взятой ими, подъ такимъ или инымъ предлогомъ, отъ постороннихъ лицъ, а въ случаѣ неповиновенія воспитанниковъ такому требованію, подвергали ихъ строгимъ взысканіямъ и даже удаляли изъ учебныхъ заведеній; б) чтобы, въ видахъ надлежащаго наблюденія за воспитанниками въ этомъ отношеніи, лица инспекторскаго надзора производили, по возможности чаще въ особенности по возвращеніи воспитанниковъ изъ домовъ ихъ родителей или родственниковъ послѣ каникулярныхъ отпусковъ, осмотры ихъ вещей въ занимаемыхъ ими казенныхъ помѣщеніяхъ или наемныхъ квартирахъ, причемъ отбирали-бы у нихъ всякое оружіе, для возвращенія онаго непосредственно родителямъ или родственникамъ учениковъ, или тѣмъ лицамъ, комъ оно принадлежитъ, или для уничтоженія, если оружіе пріобрѣтено покупкою самимъ воспитанникомъ, и в) чтобы о настоящемъ воспрещеніи воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній имѣть оружіе поставили въ извѣстность содержателей ученическихъ квартиръ, съ предупрежденіемъ ихъ, что, въ случаѣ обнаруженія у кого-либо изъ квартирующихъ у нихъ учениковъ оружія, ученики таковой квартиры немедленно будутъ переводимы къ другимъ содержателямъ квартиръ болѣе благонадежнымъ. 2) Поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ: а) внушить подвѣдомымъ имъ духовнымъ лицамъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ, воспитывающіяся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, отнюдь не держали у себя и не употребляли съ какою-бы то ни было цѣлю огнестрѣльнаго или инаго оружія, и б) предложить начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній сдѣлать такое-же приглашеніе и роди-

телямъ воспитанниковъ сихъ заведеній изъ свѣтскаго званіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій и исполненія, дать знать Епархіальнымъ Преосвященнымъ печатными циркулярами. Декабря 15 дня 1886 года.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о кружечномъ и кошельковомъ сборѣ въ пользу церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи.

Въ составъ суммъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Собранія на нужды церковно-приходскихъ школъ епархіи поступило: 1) *отъ оо. благочинныхъ*: 1-го округа города Харькова, протоіерей Іоанна Чижевскаго 111 р. 18 к. (въ томъ числѣ 10 р. вынуты изъ кружекъ у вокзала желѣзной дороги); благочиннаго безприходныхъ церквей города Харькова священника Стефана Любичкаго 20 р. 50 к. (въ томъ числѣ 6 р. пожертвованы церковнымъ старостою Сергіевской 2-й гимназій церкви Желудскимъ); 2-го округа Харьковскаго уѣзда, священника Алексія Грекова 35 р. 95 к. (въ томъ числѣ 20 к. собраны въ кружки у желѣзнодорожныхъ станцій); 4-го округа Харьковскаго уѣзда, священника Александра Черво-нецкаго 25 р. 95 к.; 3-го округа Ахтырскаго уѣзда, священника Григорія Попова 76 р. 45 к.; 2-го округа Богодуховскаго уѣзда, священника Алексія Сиѣсаревскаго 52 р. 21 к. (въ томъ числѣ 21 к. вынуты изъ кружки у желѣзнодорожной станціи); 1-го округа Валковскаго уѣзда, священника Іоанна Голяховскаго 24 р. 25 к. (въ томъ числѣ 2 р. 75 к. вынуты изъ кружекъ, находящихся у желѣзнодорожныхъ станцій); 2-го округа Валковскаго уѣзда, священника Павла Лобковскаго 22 р. 28 к. (въ томъ числѣ 1 р. 12 к. вынуты изъ кружекъ у желѣзнодорожныхъ станцій); 1-го округа Волчанскаго уѣзда, священника Алексія Евфимова 24 р. 18 к.; 2-го округа Волчанскаго уѣзда, священника Гавріила Буханцева 17 р. 50 к.; 1-го округа Зміевскаго уѣзда, протоіерей Алексія Сильванскаго 165 р. 30 к. (въ томъ числѣ 3 р. 65 к. вынуты изъ кружекъ у станцій желѣзной дороги); 2-го округа Зміевскаго уѣзда, священника Михаила Котлярова 16 р.; 3-го округа Зміевскаго уѣзда, священника Іоанна Чудновскаго 20 р.; 1-го округа Изюмскаго уѣзда, священника Стефана Роменскаго 27 р. 64 к.; 2-го округа Изюмскаго уѣзда, протоіерей Θεодора Любарскаго 2 р. 67 к. (въ томъ числѣ 1 р. 17 к. вынуты изъ кружки у желѣзнодорожной станціи Славянскъ); 4-го округа Изюмскаго уѣзда, священника Михаила Куницына 11 р. 10 к.; 1-го округа Купянскаго уѣзда, священника Василя Попова 53 р. 80 к.; 2-го округа Купянскаго уѣзда, священника Михаила Чернявскаго 24 р. 14 к.; 2-го округа Лебединскаго уѣзда, протоіерей Іоанна Санухина 16 р. 60 к.; 2-го округа Старобѣльскаго уѣзда, священника Василя Попова 39 р. 83 к.; 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда, священника Іоанна Макаровскаго 18 р.; 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Григорія Максимова 40 р. 48 к.; 1-го округа Сумскаго уѣзда, протоіерей

Василія Никольскаго 52 р. 35 к. (въ томъ числѣ 1 р. 43 к. вынуты изъ кружки у станціи желѣзной дороги); 2-го округа Сумскаго уѣзда, священника Алексія Чугаева 78 р. 60 к. (въ томъ числѣ 95 к. вынуты изъ кружекъ у желѣзнодорожныхъ станцій); 2) *отъ монастырей*: Хорошевскаго дѣвичьяго монастыря 3 р. 45 к.; Старо-Харьковскаго Куряжскаго мужскаго монастыря 29 к.; Ахтырскаго Свято-Троицкаго мужскаго монастыря 2 р. 62 к.; Харьковскаго Архіерейскаго домоуправленія 3 р. 95 к.; Старобѣльской Скорбященской женской общины 3 р. и Свято-Горскаго мужскаго монастыря 4 р.; 3) *отъ церковныхъ старостъ*: Харьковской Антоніевской церкви при Императорскомъ университетѣ А. Н. Денисова 15 р. 9 к.; Харьковской Іоанно-Богословской семинарской церкви С. П. Ооменко 5 р.; 4) *отъ священниковъ и церковныхъ причтовъ приходскихъ церквей епархіи. Харьковскаго уѣзда*: слободы Дергачей священника Димитрія Регишевскаго 5 р.; *города Валокъ*: Успенской церкви священника Николая Копѣйчикова 15 р. и Рождество-Богородичной церкви, священника Іоанна Оедоровскаго 5 р.; *Валковскаго уѣзда*: слободы Новой Водолаги, священника Николая Оедоровскаго 3 р.; села Карованска, священника Іоанна Ястремскаго 1 р. 20 к.; *Зміевскаго уѣзда*: села Алексѣевскаго Михаила Ковалевскаго 4 р.; *Изюмскаго уѣзда*: села Маякъ священно-церковно-служителей съ церковнымъ старостою 2 р.; слободы Дробышевой священника Петра Пономарева 2 р.; села Райгородка Василія Сибивцева 2 р.; слободы Кривой Луки священника Оеодора Хижникова 1 р.; слободы Новоселовки священника Бориса Дикарева 1 р.; слободы Бѣлинскаго священника Севастіана Рудинскаго 1 р.; *города Славянска Воскресевской церкви священника Григорія Кириллова 2 р.*; слободы Изюмца церковнаго причта съ церковнымъ старостою 1 р.; села Студенка священника Іоанна Бѣлоусова 2 р.; слободы Никифоровки священника Георгія Воробьева 1 р.; слободы Щурова церковнаго причта 50 к.; слободы Николаевки священника Гавріила Троицкаго 1 р.; слободы Лимана церковнаго причта 6 р. 40 к.; *города Славянска Троицкой церкви протоіерея Оеодора Любарскаго 4 р.*; села Рѣдкодуба священника Оеодора Оружинскаго 2 р.; слободы Рай-Александровки священника Алексія Павлова 1 р. 15 к.; *Купянскаго уѣзда*: слободы Радьковки священника Іакова Ковалева 7 р.; слободы Владиміровки священника Николая Бѣликова 5 р.; слободы Радьковскихъ Песокъ Вознесенской церкви причта съ церковнымъ старостою 2 р.; *Лебединскаго уѣзда*: слободы Деркачевки священника Сумеона Флоринскаго 2 р.; села Штеповки церковнаго причта съ старостою 3 р.; слободы Будокъ церковнаго причта со старостою 4 р.; слободы Терновъ церковнаго причта 4 р.; села Бобрика священника Михаила Кремповскаго 2 р.; слободы Ольшаной священника Мелетія Лободовскаго 10 р. 60 к.; слободы Ольшаной Архангело-Михаиловской церкви священника Петра Яновскаго 3 р.; села Нижней Верхосулки церковнаго причта со старостою 2 р. 50 к.; села Высшей Верхосулки церковнаго причта со старостою 1 р.; села Комаровки священника Петра Оедорова вынутыхъ имъ изъ кружки у мѣстной желѣзнодорожной станціи 48 к.;

села Тучнаго священника Андрея Люминарскаго 3 р.; села Луцковки церковнаго причта со старостою 3 р.; слободы Терновъ протоіерея Петра Краснопольскаго 5 р.; села Толстаго церковнаго причта со старостою 2 р.; села Бѣжевки церковнаго причта со старостою 3 р.; *Сумскаго уѣзда*: слободы Юнаковки церковнаго причта со старостою 1 р. 50 к.; села Токарей священника Василя Максимова 2 р.; села Локни церковнаго причта со старостою 1 р. 50 к.; села Бѣловода священника Димитрія Скрынникова 1 р.; села Басовки причта и церковнаго старосты 1 р. и села Алексѣевки священника Алексія Любickaго 2 р. Всего одна тысяча сто сорокъ пять рублей и девятнадцать копѣекъ (1145 р. 19 к.).

При семъ Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на журналѣ оного отъ 27 истекшаго февраля, имѣетъ долгъ выразить благодарность оо. благочиннымъ протоіереямъ: Іоанну Чижевскому и Алексію Сильванскому и священникамъ: села Славгорода Ахтырскаго уѣзда о. Арсенію Любарскому (представившему въ Совѣтъ 25 р. чрезъ благочиннаго 3-го Ахтырскаго округа) и города Валокъ о. Никанору Конѣйчикову за особое содѣйствіе увеличенію кружечнаго сбора на нужды церковно-приходскихъ школъ и церковному старостѣ при Сергіевской церкви 2-й Харьковской гимназіи г. Желудскому за пожертвованные на тотъ-же предметъ 6 р.

Отъ Харьковскаго Епархіального Комитета по продажѣ духовно-нравственныхъ книгъ.

По открытіи своей дѣятельности въ половинѣ августа 1886 г. Комитетъ, получивъ заимообразно изъ суммъ Харьковскаго Каѳедрального Собора 500 р. на первоначальное обзаведеніе, немедленно приступилъ къ пріобрѣтенію для книжнаго склада духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ, по возможно недорогимъ цѣнамъ, — для чего и вошелъ въ переписку съ разными книжными складами, нѣкоторыми авторами и издателями.

Въ первыхъ числахъ октября, по ходатайству Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, получено изъ книжныхъ складовъ при Св. Синодѣ разнаго содержанія книгъ и нѣкоторыхъ учебниковъ на 884 р. 44 к. и изъ Кіево-Печерской Лавры на 1669 р. Затѣмъ разновременно изъ Троицко Сергіевой Лавры, С. Петербургскаго Братства Пресвятыя Богородицы, Общества распространенія полезныхъ книгъ и Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, Московскаго братства Св. Петра митрополита, С.-Петербургскаго протоіерея Василя Михайловскаго, С.-Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ и нѣкоторыхъ авторовъ и издателей *) всего на сумму 10902 р. 75 к.

*) При выборѣ книгъ Комитетъ руководствовался „Указателемъ полезныхъ для народа книгъ“ составленнымъ въ 1883 г. по распоряженію Его Высокопревосходительства г. Оберъ-Прокурора Св. Синода Константина Петровича

Въ 18 день октября прошлаго 1886 г., отслуживъ Господу Богу молебное пѣніе о ниспосланіи благословенія и помощи на святое дѣло распространенія среди православнаго народонаселенія духовно-нравственныхъ книгъ, открыта продажа оныхъ изъ лавки устроеной въ колокольнѣ Харьковскаго Каѳедральнаго собора и дѣло это казначеемъ Комитета, Константиномъ Петровичемъ Уткинымъ поручено благонадежному прикащику Сергію Шаманину съ назначеніемъ ему жалованья по 35 р. въ мѣсяць. И благодаря Богу, первые опыты истекшихъ трехъ съ половиною мѣсяцевъ дали утѣшительный результатъ. Такъ, въ теченіе этого времени по 1-е фѣвраля выручено за книги и учебники наличными 1329 р. 48 к., но всего утѣшительнѣе то, что въ число этой суммы получено 673 р. 54 к. отъ продажи духовно-нравственныхъ книгъ, по мелочамъ. Слѣдовательно, православный народъ понялъ значеніе этой книжной торговли и чувствуетъ потребность въ духовно-нравственномъ чтеніи и, дастъ Богъ при дружномъ содѣйствіи просвѣщеннаго духовенства нашей епархіи, потребность эта разовьется во всѣхъ городахъ и селахъ епархіи. Примѣръ такого сочувствія уже высказало духовенство города Харькова и нѣкоторыхъ сель взявшихъ изъ склада, *) для распространенія между прихожанами, чрезъ продажу и частію безмездную раздачу, духовно-нравственныхъ книгъ на 441 р. 55 к. и уже получено въ уплату 360 р. 42 к.

Нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ и сель епархіи нашей священники, въ бытность свою въ Харьковѣ, выразили желаніе распространять среди своихъ прихожанъ духовно-нравственныя книги и просили высылать имъ для сей цѣли. Вслѣдствіе такого заявленія, съ разрѣшенія его Высокопреосвященства, послѣдовавшаго въ Архiepастырской резолюціи Его, отъ 13 декабря 1886 за № 4673, данной на докладъ Комитета, уже послано въ видѣ опыта въ нѣкоторыя уѣздныя, городскіе и сельскіе приходы, духовно-нравственныхъ книгъ на 329 р. 18 к. съ тѣмъ, чтобы о.о. благочинные распредѣлили ихъ, смотря по числу прихожанъ, состоянію ихъ и грамотности на сумму отъ 5 до 10 р. въ приходъ, и такая разсылка книгъ продолжается.

Три священника, именно: города Купянска Соборной церкви Іоаннъ Левандовскій и Зміевскаго уѣзда села Зитьки Петръ Тимофѣевъ и сл. Соколова Павелъ Тимофѣевъ изъявили готовность

Побѣдоносцева и новѣйшими каталогами книжныхъ складовъ Св. Синода и Кіево-Печерскія Лавры.

*) Именно для Харьковскихъ приходовъ: Михайловскаго на 39 р. 26 к., Преображенскаго на 21 р., Троицкаго на 25 р., Воскресенскаго на 20 р. 81 к., Дмитріевскаго на 28 р., Благовѣщенскаго на 28 р. 85 к., Вознесенскаго на 28 р. 64 к., Николаевскаго на 15 р. 35 к., Пантелеймоновскаго на 29 р. 56 к., Петро-Павловскаго на 23 р. 57 к., Христорожественскаго на 23 р. 75 к., Свято-Духовскаго на 27 р. 10 к., Александрo-Невскаго на 12 р. 63 к., Рождество Богородичнаго на 7 р. 45 к., Крестовоздвиженскаго на 12 р. 60 к., Всѣхсвятскаго на 27 р. 65 к. и сель Основы на 23 р., Ивановки на 12 р. 88 к., Алексѣевки на 21 р. 10 к. и Зміевскаго уѣзда села Зитьки на 13 р. 35 к. Всего на 441 р. 55 к.

быть постоянными сотрудниками сего Комитета, по распространению въ народъ чрезъ продажу духовно-нравственныхъ книгъ и уже взяли для сей цѣли на нѣсколько рублей таковыхъ книгъ. Недавно протоіерей Сумской соборной церкви и благочинный 1-го округа, Василій Никольскій, въ письменномъ отношеніи своемъ, выразилъ такое-же желаніе быть сотрудникомъ Комитета и при соборной церкви устроить книжную лавку, такое-же желаніе заявили: благочинный 2-го округа Богодуховскаго уѣзда, священ. А. Сиѣсаревскій, Изюмскаго уѣзда, с. Рубцовой, священ. М. Сильванскій и сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, псаломщикъ Петръ Крилицкій. Можно надѣяться, что еще многіе о.о. протоіереи и іерои послѣдуютъ примѣру Сумскаго о. протоіерея и упомянутыхъ трехъ священниковъ, особенно городскихъ и значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ селъ. Утѣшительно и то, что по объявленіямъ, печатаемымъ въ газетѣ, „Южный Край“, за полученіемъ книгъ изъ склада Комитета и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ, свѣтскія и духовныя лица обращаются и изъ другихъ епархій. Такъ, недавно выписано на нѣсколько рублей книгъ изъ Гаврической, Екатеринославской и Полтавской епархій. А потому Комитетъ долгомъ своимъ считаетъ высказать свою искреннюю, глубочайшую благодарность г. редактору газеты „Южный Край“ А. А. Юзефовичу за безмездное печатаніе въ редактируемой имъ газетѣ объявленій Комитета.

Съ 18 октября 1886 г. по 1-е февраля сего года Комитетомъ выслано для 47 церковно-приходскихъ школъ епархій учебниковъ на сумму 1324 р. 59 к. *) и въ уплату уже получено 295 р. 45 к. и Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ на погашеніе сей суммы опредѣлено выдать Комитету 266 р. Остается дополучить отъ завѣдующихъ школами 763 р. 47 к.

Такимъ образомъ въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ Комитетъ имѣлъ въ своемъ книжномъ складѣ духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ на 10902 р. 75 к.; по 1-е февраля сего го-

*) Именно для Харьковскихъ городскихъ школъ: Воскресенской на 85 р. 75 к., Свято-Духовской на 19 р. 70 к. и для школы при Харьк. епарх. женскомъ училищѣ на 20 р. 19 к. и сельскихъ уѣздныхъ: селъ Деркачей на 20 р. 70 к., Рогани на 45 р., Богодуховскаго уѣзда для четырехъ школъ на 72 р. 39 к., Лебединскаго уѣзда для школъ с. Рябушскъ на 76 р. 20 к., с. Олышанкой и Низшей Верхосулки на 66 р. 80 к., Зміевскаго уѣзда: с. Кочетки на 34 р. 30 к., с. Шевелевки на 21 р. 16 к., с. Коробочки на 5 р. 20 к., Сумскаго уѣзда для двухъ школъ города Сумъ и селъ Бобрика, Чернетчины и Локни на 134 р. 10 к., Изюмскаго уѣзда: для школы при городской Кладбищенской церкви на 23 р. и селъ: Рай-Александровки, Студепка, Добрышевой и Малой Комышевахи на 86 р. 7 к. и с. Пашковки на 40 р. 7 к. Ахтырскаго уѣзда для школы въ г. Ахтыркѣ и с. Хухры и Лутища на 73 р. 76 к. с. Пожип на 37 р. 2 к., для школы при Св. Дмитріевскомъ Ряснянскомъ монастырѣ и частью для монастырской бібліотеки на 110 р., для школы с. Жыгайловки и Мезиновки на 69 р. 60 к.; Кулянк. у. для школъ с. Ново-Георгіевска и Верхней Дуванки на 49 р. 47 к. хутора Пустыньки на 63 р. 75 к. с. Николаевки на 5 р. 20 к. и Старобѣльск. у. для школъ с. Алексѣевки, Боровской, Варваровки, Волкодавовой, Гречишкино, Михайловки, Новой Айдары и Трехизбянска на 89 р. 33 к. = 1205 р. 89 к.

да получено отъ продажи наличными за книги и учебники 1329 р. 48 к.; ожидается получить отъ завѣдующихъ церковно-приходскими школами 763 р. 47 к.; назначенныхъ Епарх. Училищнымъ Совѣтомъ въ пособіе 47 школамъ 266 р. и еще для 23 школъ 319 р. и разосланныхъ для приходоу 409 р.; всего-же 1758 р. 28 к.; за приобрѣтенныя въ складъ книги Комитетъ, за уплатоу 1061 р. 71 к., остается должнымъ 9841 р. 4 к. и Харьковскому Каедральному собору 500 р.; всего-же 10341 р. 4 к.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Скорбященской церкви слободы Богородичной, Изюмскаго уѣзда, *Василій Ѳедоровъ*, утвержденъ депутатомъ 4-го благочинническаго округа, Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Покровской Кладбищенской церкви города Изюма *Александръ Анисимовъ* Святѣйшимъ Синодомъ назначенъ сверхштатнымъ членомъ Россійской духовной миссіи въ Іерусалимѣ.

— Причисленный къ Зміевской Соборной Троицкой церкви священникъ *Василій Торанскій* перемѣщенъ къ Покровской церкви села Малой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Харьковскихъ градскихъ церквей: Михайловской—*Николай Степурскій*, Преображенской—*Тихонъ Степурскій*, Всѣхсвятской—*Василій Бришловскій* и Свято-Духовской—*Стефанъ Семейкинъ* удостоены награжденіемъ къ посвященію въ стихарь.

— Псаломщикъ Троицкой церкви города Харькова *Василій Царевскій* удостоенъ Архипастырскаго Его Высокопреосвященства благословенія, со внесеніемъ въ его послужной списокъ.

— Псаломщику Димитріевской церкви гор. Харькова *Павлу Протопопову* Его Высокопреосвященствомъ разрѣшено носить рясу.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Благовѣщенской—гор. Харькова купецъ Ѳедоръ Ивановичъ *Ширяевъ* на десятое трехлѣтіе; Преображенской—слоб. Былбасовки, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Ѳоменко*; Скорбященской—слоб. Богородичной, того-же уѣзда, крестьянинъ Ѳеоктистъ *Ѳоменко*; Предтечевской—села Знаменскаго, того-же уѣзда, крестьянинъ Петръ *Метиженко*; Успенской—села Малыжана, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Романъ *Феденко*; Зміевской Соборной Троицкой—коллежскій совѣтникъ Симоонъ *Израильскій*; Рождество-Богородичной—села Масловка, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ *Бабешка*; Рождество-Богородичной—слоб. Мерёфы, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Илья *Щербаненко*; Христорождественской—слоб. Гавриловки, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Стефанъ Романовъ *Парломенко*; Покровской—слоб. Коротича, Харьковскаго уѣзда, унтеръ-офицеръ Лука Петровъ *Мартыненко* и Крестовоздвиженской—сл. Гончаровки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Тихоновъ *Котляровъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Дополненіе къ свѣдѣніямъ о торжественномъ отправленіи вечерень, чтеній акаѣстовъ и пр. въ церквахъ г. Харькова.—Увеличеніе Православной миссіи въ Іерусалимѣ.—По поводу неудовлетворительнаго состоянія нашего иконописанія.—Тиражъ 2-го внутренняго 5⁰/₁₀₀ съ выигрышами займа, произведенный 3 марта 1887 года.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о торжественномъ отправленіи вечерень, чтеній акаѣстовъ и пр., сообщеннымъ въ предыдущемъ № „Листка“, считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ Харьковской Дмитріевской церкви съ 1 августа 1886 г. по 1 января настоящаго года, по окончаніи служенія торжественныхъ вечерень, во всѣ воскресные и праздничные дни, предлагалось слушателямъ прежде всего каждый разъ объясненіе дневнаго Евангелія, затѣмъ рассказы по руководству „Внѣ-богослужебныхъ бесѣдъ“, изданныхъ С.-Петербургскимъ братствомъ Пресвятыя Богородицы; иногда читаны были житія нѣкоторыхъ Святыхъ, объясненіе праздниковъ и чтенія изъ „Троицкихъ Листковъ“. Слушателей являлось отъ 50 до 100, а иногда и болѣе человекъ.

— Съ благословенія Св. Синода, Православное Палестинское Общество увеличиваетъ свою миссію въ Іерусалимѣ двумя миссіонерами, архимандритомъ и священникомъ, съ содержаніемъ въ 1000 и 750 руб. и на разъѣзды 250 руб. На обязанности нашей іерусалимской миссіи лежитъ сопровожденіе паломниковъ по св. мѣстамъ, доставленіе имъ помѣщенія, пищи, а равно собесѣдованія съ ними о духовныхъ предметахъ. Учрежденныя, нѣсколько лѣтъ назадъ, паломническія книжки, для удешевленнаго проѣзда паломниковъ по желѣзнымъ дорогамъ и морю, приобрѣтаютъ все большее довѣріе; съ настоящаго года такія-же книжки Общество заводитъ для паломниковъ на Аѳонъ съ платой отъ Москвы 46 руб., Кіева—32 руб. и Одессы—22 руб. По ходатайству Общества, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, облегчило и приобрѣтеніе паломниками паспортовъ, предложивъ губернаторамъ выдавать паспорта по письменнымъ просьбамъ паломниковъ и высылать ихъ на мѣсто жительства просителей; распоряженіе это, по словамъ „Новостей“, не распространяется на монаховъ, бѣлое духовенство и воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній.

— Весьма важное духовно-просвѣтительное значеніе для простаго народа издавна имѣетъ икона. Къ сожалѣнію, иконописаніе доселѣ находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи и сосредоточено по преимуществу въ рукахъ кустарей-самоучекъ. Такимъ промысломъ, между прочимъ, занимаются жители слободы Бо-

рисовки, Грайворонскаго уѣзда, Курской губерніи, и иконописцы тамъ разумѣется вѣдутъ свое дѣло по давно заведеннымъ и усвоеннымъ, отъ старшаго поколѣнія младшимъ, приемамъ и образцамъ; вслѣдствіе этого искусство иконописанія не развивается, и невѣжественные кустари не въ состояніи развить его. Желая оказать имъ нѣкоторую помощь, Курское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 1 марта 1886 года, постановило, между прочимъ, ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ школы живописи, съ цѣлью усовершенствованія искусства иконописанія между кустарями, и просить Императорскую академію художествъ командировать ея учениковъ въ Грайворонскій уѣздъ на лѣтнее вакаціонное время, для обученія живописи мѣстныхъ кустарей, а также просить какъ академію художествъ, такъ и строгаиновское училище рисованія, выслать въ Грайворонскій уѣздъ лучшіе образцы для иконописанія ликовъ Христа Спасителя, Божіей Матери и другихъ святыхъ, наиболѣе чтимыхъ въ народѣ. Въ октябрѣ прошлаго года предсѣдатель губернской земской управы лично въ Петербургѣ возбудилъ ходатайство земства относительно иконописанія въ Борисовкѣ. Но оказалось, что академія художествъ мало можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ сама академія никогда не подготавливаетъ специально художниковъ для иконописанія въ византійскомъ стилѣ, требуемомъ православною Церковью, и въ академіи не имѣется особыхъ образцовъ для иконописанія. И очень жаль. Отсюда происходятъ такіе печальные факты, что иконы, вышедшія изъ мастерскихъ академіи, часто совсѣмъ не соотвѣтствуютъ ни духу, ни стилю православной церковной живописи, хотя такія именно иконы обыкновенно ставятся на самыхъ видныхъ мѣстахъ главныхъ церквей и соборовъ.

Въ произведенный 3 марта 1887 года въ С.-Петербургѣ тиражъ выигрышей 2-го внутренняго съ выигрышами займа главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.
16690	4	200000	17582	48	8000	6403	49	1000	1955	46	1000
9490	46	75000	10405	41	8000	7569	25	1000	16063	50	1000
97	4	40000	16585	34	5000	18345	28	1000	7170	10	1000
14908	23	25000	18618	7	5000	4632	37	1000	11879	39	1000
28	43	10000	7829	36	5000	3501	5	1000	8093	11	1000
7987	32	10000	2598	44	5000	7012	43	1000	4791	20	1000
13981	37	10000	16076	14	5000	9911	12	1000	11970	1	1000
874	8	8000	14143	34	5000	1438	41	1000	5502	32	1000
17343	30	8000	5149	34	5000	11804	8	1000	1093	32	1000
208	23	8000	9821	42	5000	12921	43	1000	16730	38	1000

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
19	1	15955	7	8826	16	17344	21	12268	26	12712	33	12828	39	12444	45
346	1	16256	7	12148	16	4778	22	15299	26	13506	33	13420	39	15007	45
3498	1	17467	7	12204	16	4948	22	18433	26	14165	33	14513	39	16061	45
12120	1	17471	7	12643	16	8954	22	2985	27	14950	33	16087	39	16771	45
12569	1	4899	8	15187	16	16589	22	3445	27	4166	34	18833	39	5319	46
976	2	10372	8	4780	17	3765	23	3641	27	6304	34	5284	40	11774	46
11459	2	11219	8	5633	17	3861	23	10568	27	13230	34	5534	40	16842	46
13884	2	11475	8	6649	17	5025	23	11809	27	15155	34	13833	40	17913	46
17626	2	12197	8	13957	17	5690	23	15093	27	15805	34	17493	40	18264	46
4774	3	14182	8	14063	17	7032	23	2287	28	17545	34	1311	41	4038	47
7424	3	14467	8	14513	17	7430	23	10811	28	17625	34	11851	41	5713	47
14208	3	17152	9	19749	17	7486	23	13335	28	9047	35	15451	41	6437	47
18303	3	1284	11	1786	18	8378	23	16278	28	9569	35	16369	41	7819	47
1420	4	5275	11	2955	18	17947	23	17537	28	11383	35	16549	41	12463	47
8166	4	10375	11	4187	18	18433	23	19461	28	12615	35	3507	42	14420	48
8782	4	12459	12	5672	18	19999	23	11917	29	17221	35	10373	42	17403	48
13798	4	14033	12	8921	18	98	24	13382	29	2122	36	11170	42	19708	48
16046	4	16612	12	10353	18	10699	24	2046	30	7977	36	16331	42	715	49
16280	4	19196	12	11281	18	12967	24	3022	30	11218	36	18076	42	3210	49
19074	4	19744	12	13147	18	16509	24	5966	30	15563	36	18498	42	4271	49
2042	5	695	13	14913	18	7812	25	9517	30	19796	36	4045	43	4408	49
2924	5	1243	13	15067	18	9187	25	14491	30	849	37	4893	43	5088	49
9717	5	3608	13	1380	19	9386	25	16292	30	8401	37	8045	43	6812	49
13463	5	17479	13	1857	19	9756	25	16601	30	16553	37	10043	43	7007	49
17061	5	2328	14	9792	19	10249	25	701	31	19164	37	12343	43	17773	49
17792	5	6939	14	10929	20	10716	25	2067	31	2212	38	13064	43	3916	50
18635	5	13138	14	10170	20	15822	25	6013	31	7390	38	13536	43	4164	50
2533	6	13291	14	15005	20	19817	25	6105	31	14521	38	17031	43	7034	50
2856	6	14168	14	17729	20	340	26	8787	31	14703	38	11867	44	19444	50
6214	6	19570	14	18232	20	413	26	11591	31	16705	38	18633	44		
15361	6	7052	15	5783	21	4317	26	5784	33	2919	39	549	45		
18579	6	1968	16	10941	21	6449	26	5841	33	4449	39	2333	45		
8602	7	4418	16	14413	21	8674	26	8842	33	7693	39	9971	45		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1 іюня 1887 года.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5⁰/₁₀₀ съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 3 Марта 1887 г.

Нумера серій,

16344	14125	19447	12473	11194	5294	10320	12636	2890	3063
4550	10744	4239	12353	1212	3347	1830	16496	10783	2051
17987	14794	7159	5877	9131	16854	838	3824	7152	18657
12379	7502	19804	3432	10418	199	17697	4386	1640	19763
5994	18031	10724	7473	10235	10574	13157	3156	6236	2215
17673	7160	7989	17865	10307	1562	6298	5496	13310	14185
1317	8814	9566	13424	18739	14144	7558	1182	255	3557
14706	15509	9	12313	8995	12286	3880	14103	3273	15654
			3519	2125.					

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1 іюня 1887 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ ОТЪ МАГАЗИНОВЪ

ПАРЧЕВЫХЪ И ЗОЛОТОТКАЦКИХЪ ИЗДѢЛІЙ

П. Д. АЛЕКСАНДРОВА

ИЗЪ МОСКВЫ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія о.о. настоятелей, что мною открытъ въ Харьковѣ постоянный магазинъ, въ которомъ имѣется:

Парча	отъ —	35 к.	до	50 р.	за арш.
Парча бархатная	» 1 р.	25	»	18	»
Муаръ и газеть	» —	25	»	20	»
Плащаницы	» 22	»	»	500	»
Воздухи	» 2	» 50	»	100	»
Подризники	» 7	» —	»	75	»
Хоругви	» 10	» —	»	300	»

А также имѣются готовыя обличенія, разныя пелены, кресты, бахрома, галуны, сузры, кисти, аграманты, кружева, стѣжки, фризъ, флеръ, блески, фольга, цвѣтныя каменья и проч. золототкацкіе товары.

Принимаются заказы на архіерейскія и соборно-церковныя облаченія, на престольныя одежды, митры, камилавки, скуфьи и проч. товары

по фабричной цѣнѣ.

ЦѢНЫ НА ОБЛАЧЕНІЯ ДЛЯ СВЯЩЕННИКА,

А ИМЕННО:

риза, епитрахиль, поручи, поносъ и набедренникъ изъ парчи, газета или бархата цѣною за арш. 75 к., 1 р., 1 р., 25 к., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 7 р., 9 р., 10 р., 12 р., 15 р., 18 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.

ЗА СВЯЩЕННИЧЕСКОЕ ОБЛАЧЕНІЕ.

19 р., 22 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 65 р., 75 р., 95 р., 115 р., 125 р., 150 р., 175 р., 210 р., 235 р., 300 р., 350 р., 400 р.

Стоимость діаконскаго облаченія равняется священническому облаченію; одежды на престоль и жертвенникъ равняются полному облачен. священ. и діакон.

МАГАЗИНЫ: въ Харьковѣ Монаст. переул. рядомъ съ Астраханской гостиницей; въ Москвѣ 1-й на Ильинкѣ въ Гостинномъ дворѣ № 6 и 7; 2-й въ городскихъ торговыхъ рядахъ № 32; 3-й въ Нижнемъ Новгородѣ Нижегородская ярмарка у главнаго дома 18 линія № 1.

Принимаются въ обмѣнъ старыя облаченія.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части — изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѦ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.